

Габриэлла Лопез

Хозяйка судьбы

Книга 1

Украденное счастье

В поисках лучшей жизни для себя и своих детей Марии ду Карму приезжает из маленького поселка на севере страны в столицу, в Рио-де-Жанейро. Она готова преодолеть голод, нищету, непонимание словом, все трудности, которые ей приготовил большой незнакомый юрод. Но удар последовал с неожиданной стороны... Украдена ее маленькая дочь Линда. И в один миг вся жизнь

Марин превратилась в кошмар. Воль этой потери она не смогла превозмочь даже через двадцать лет. Со временем ду Карму добилась в жизни многого. У нее успешный строительный бизнес, она становится очень влиятельной фигурой в городке Сан-Мигель. Но поиски потерянной много лет назад дочери продолжаются...

Глава 1

Невыносимый зной вот уже неделю терзал небольшой городок Белен-ди-Сан-Франсишку. Раскаленные нити солнца высасывали последние силы из всего живого.

Ранним утром листва еще тянулась к небу, сейчас же зелень жалобно застыла и пожухла под нестерпимым пеклом. Казалось, что солнце одним разом решило уничтожить все живое и заодно расправиться с замшелым городишком штата Пернамбуку.

Раскаленный огненный шар так распалил землю, что даже вездесущие мухи предпочитали отсиживаться в тени.

Карлос приехал на ярмарку первым и занял самое лучшее место под высоким раскидистым деревом.

По субботам здесь торговля шла лучше всего. Особенным спросом пользовались кукурузные лепешки и крученый хлеб с чесноком и жгучим перцем. Последнее было гордостью Карлоса. Рецепт придумала его молодая жена Чикита. В свои двадцать она была уже матерью трех близнецов и стала отличной хозяйкой в его доме.

— Вот бы побыстрее продать два мешка лепешек и домой! — мечтал

Карлос, то и дело смахивая капли пота со лба. Его глаза цепко следили за шумной толпой. Того и гляди утащат что-нибудь с лотка. То ли от жары, то ли от излишнего напряжения глаза Карлоса стали закрываться сами собой. Он пытался бороться с дремой, но через минуту сдался. Его грузная фигура тяжело осела на перевернутую бочку, чуть не задев товар, лежащий на лотке.

— Режиналду! Немедленно положи лепешку! Даже наш пес не осмелится что-то утащить! — Разбудил его сердитый женский голос.

— Но, мама, я есть хочу, — заплакал худенький паренек, размазывая слезы по чумазому личику.

— Это не причина для воровства! Запомни, сынок, матери рожают сыновей не для того, чтобы краснеть за них. И я, Мария ду Карму, хочу гордиться тобой. Ты понял?

— Я не буду больше огорчать тебя, — мальчишка прижался к матери и спрятал лицо в широкие складки юбки.

Карлосу понравилась эта женщина, высокая, статная, чем-то неуловимо похожая на его любимую Никиту. Только волосы гуще и пышнее, да и глаза побольше.

— Не ругайте сына. Он уже и так все понял, — поддержал парнишку Карлос. — Правда?

Режиналду благодарно улыбнулся.

— Сколько стоят ваши лепешки? — поинтересовалась Мария.

Только сейчас Карлос заметил, что на него смотрят еще четыре пары голодных глаз.

— Такой благородной сеньоре я готов уступить на тридцать сентаво целых полдюжины.

— Вот все, что у меня есть. — Мария высыпала на прилавок несколько мелких монет.

Карлос, не глядя, сгреб их в карман фартука и протянул Режиналду кулек с кукурузными лепешками.

— Спасибо, — сказала Мария и тут же разделила одну лепешку на пятерых.

Карлос проводил взглядом молодую мать, вздохнул и стал пересчитывать оставшиеся лепешки.

— Идите быстрее, — торопила сыновей Мария. — Нам надо успеть на паром, иначе придется ночевать на улице.

Мальчики едва поспевали за матерью. Кругом было столько интересных и вкусных вещей: леденцы на палочках, красные глянцевые яблоки в обертках. Режиналду, не в силах смотреть на манящие сладости, стал наблюдать за снующими между торговцами людьми.

Войдя на паром, Мария первым делом устроила детей под навесом и раздала оставшиеся лепешки.

Она закрыла глаза и попыталась настроиться на что-нибудь хорошее. От воды шла приятная прохлада и покой.

Но тревожные мысли не давали ей сосредоточиться. Давно не было вестей от мужа. Год назад Жозевалду уехал на заработки в Сан-Паулу да так и сгинул... Последнее известие от него пришло полгода назад. А сегодня она потратила

последние деньги...

До их городка то и дело доходили тревожные слухи о том, что в стране назревает что-то страшное. Дважды она слышала непонятное слово «кризис».

Что же еще принесет ей и ее семье 1968 год?

Мария с нежностью посмотрела на разомлевших от жары сыновей. Леандру, Вириату и Плинию мирно дремали, положив головы на мешок. Режиналду, вольно раскинувшись и приоткрыв рот, сладко спал прямо на дощатом полу. Мария прикрыла его голову платочком.

«Что вырастит из моего первенца? — подумала Мария. — Он такой хвостун и так любит задира́ть младших братьев. Обожает красивые машины и постоянно заглядывается на витрины дорогих лавок и магазинов. Хорошо хоть сестренку не обижает».

Она нежно прижала к себе крохотную Линдалву. Дочка, уставшая от жары, безмятежно спала на ее руках. Решение пришло внезапно и удивило Марию своей простотой: «Надо написать письмо брату. Мы уедем в Рио-де-Жанейро, и у нас все наладится. Почему же раньше эта мысль не приходила мне в голову?»

Ее брат Себастьян писал ей, какая интересная жизнь кипела в этом городе. Здесь он впервые увидел такое огромное количество больших зданий, напоминающих гигантских серых рыб с гладкими боками. Здесь впервые попробовал настоящее фейеадо, густой суп из черных бобов и мяса, и побывал на большом февральском карнавале. Еще он писал про молодых женщин, которые продают на улицах акарайе. Мятые бобы с солью всегда были его любимым лакомством.

Мария не заметила, как пролетели две недели. Мысль о том, что в Рио ее семью ждет лучшая доля, придавала ей сил.

Дети были в восторге от принятого решения и все время только и говорили об этом. Но когда наступил день отъезда, настроение их резко изменилось. Только сейчас они осознали, что им предстоит не только интересное путешествие, но и расставание с любимой собакой, которая появилась в их доме еще до рождения каждого.

Жозевалду подарил Марии в день свадьбы маленького толстого щенка с нежной пепельной шерсткой и пушистым хвостом. Через год он превратился в крупную веселую собаку, которая стала настоящим другом ее детям.

Но теперь... Теперь ей надо было объяснить мальчикам, что Кита придется оставить соседке, потому, что перевозить собак категорически запрещалось.

Пес, словно почувствовал что-то. Он бешено скакал по пляжу и не давал накинуть на себя веревку. Наконец, самый младший из сыновей Плинию изловчился и прижал его к земле. Кит жалобно заскулил и опустил голову.

Своим собачьим нутром он чувствовал, что видит свою хозяйку в последний раз.

Мария, стараясь не смотреть в сторону пса, привязанного к дереву, дала последние наставления соседке и закрыла дом.

— Идите быстрее к парому и не оглядывайтесь, — строго сказала она сыновьям. — Так Кита будет еще тяжелее расставаться с нами.

Притихшие мальчики обреченно пошли вперед, подавляя в себе желание

броситься к бедной собаке и расцеловать ее.

Позже Мария с грустью вспоминала подробности их путешествия, как они плыли на пароме, как сели в грузовик, как несчастный Кит перегрыз веревку и все же догнал их машину.

Из последних сил, растроченных на то, чтобы переплыть реку, он едва поспевал за грузовиком. То, что произошло дальше, всегда будет заставлять трепетать ее сердце.

Большая черная машина появилась внезапно, неожиданно вынырнув из-за поворота. Кит упрямо пытался догнать грузовик и теперь предпринял отчаянную попытку запрыгнуть в кузов. Он закрыл глаза и сделал последний прыжок.

Автомобиль даже не остановился, оставив на дороге страшный мокрый след.

Детский плач еще долго стоял в ее ушах и не давал спать по ночам. Они остановили грузовик и похоронили Кита под большим деревом, отметив это место камнями. Потом долго шли пешком под палящим солнцем. Притихшие дети боялись плакать, чтобы не расстраивать мать. Это было их первое горе, которое острой стрелой пронзило их маленькие души. А ей так не хотелось, чтобы они быстро выросли.

Мария не запомнила лица симпатичного улыбчивого парня, который пожалел усталых путников и подобрал ее с детьми. Только благодаря ему, они чудом успели на автовокзал.

Уже в автобусе, она немного успокоилась и пришла в себя. Страшное оцепенение постепенно отпускало ее измученное тело, мысли стали путаться и расплываться.

Резкий толчок разбудил ее. Она долго не могла понять, где находится. Почему вокруг столько людей и вещей? Плач маленькой Линдалвы сразу привел ее в чувство.

Мария достала бутылочку и покормила малышку.

— Какая хорошенькая! — Услышала она голос соседки. — Сколько ей?

— Две недели.

— Надо же такая кроха... На маму похожа, — восхитилась женщина. — А я по внукам соскучилась, в гости еду. Два года назад сын женился на городской. Теперь в самом центре Рио живут.

— Счастливые, — поддержала разговор Мария. Женщина ей понравилась с первого взгляда: густые черные волосы с проседью, аккуратное платье. И пахло от нее приятно: маниоковой мукой.

Мария не заметила, как рассказала всю историю своей жизни. Как в тринадцать лет вышла замуж, как родила детей, как туго ей пришлось без любимого Жозевалду.

Растроганная попутчица дала ей несколько полезных советов. Через два часа Мария знала, что деньги лучше хранить на груди, а на автовокзале вещи на землю не ставить и постороннюю помощь не принимать. Записку с адресом брата она тоже положила в безопасное место.

Автобус мерно покачиваясь, медленно полз на широкой дороге. За окном мелькали измученные жарой деревья и редкие невысокие здания.

Небо стало ниже, солнце уже не светило так яростно. Постепенно его стали затягивать темные тучи. Крупные капли дождя упали на стекло. Через минуту дождевая завеса стала плотной стеной за окном. Яркая молния осветила салон, заставив всех вздрогнуть.

Автобус из последних сил упрямо ехал вперед по мокрой дороге, которую стремительно размывал ливень. Что-то жалобно дребезжало в его железном чреве, выводя странную мелодию: «уйди-и-и, уйди-и-и, уйди-и-и».

Водитель выжимал из машины последние силы. Переправляться в дождь через реку он считал плохой приметой.

«Сейчас обязательно что-нибудь случится», — подумал он и крепче вцепился в руль. Интуиция никогда не подводила его.

Он постарался отогнать от себя нехорошие мысли и упрямо нажимал на педаль газа.

Как назло дорога начала сужаться. Краем глаза он успел зацепить две тени, которые скользнули ему навстречу.

«Откуда здесь козы?» — успел подумать он, резко повернул руль в сторону и остановился. Автобус оказался на обочине, а испуганные животные быстро исчезли с места происшествия.

— Что случилось, Марселу? — Тревожный голос привел его в чувство. Он ничего не ответил, а только сердито вздохнул и выскочил из автобуса, чтобы воочию убедиться, что его верный конь надолго застрял в грязи.

Задние колеса тяжело увязли в размытой дождем жиже.

«Придется толкать», — подумал он и поглубже натянул на себя кепку.

Долго уговаривать пассажиров не пришлось. Вскоре все взрослые вышли на улицу, чтобы помочь ему вытащить машину из грязи. Дружным роем они окружили автобус со всех сторон.

— Заодно трусы постираем, — пошутил кто-то, заставив усталых людей засмеяться.

Марии было одновременно и весело и страшно стоять под колючим проливным дождем, который больно обжигал кожу, стараясь залезть внутрь. Машина медленно и нехотя двинулась вперед.

Через десять минут пассажиры заняли свои места.

— Как ты, мамочка? — спросил Леандру. Он был самый заботливый и рассудительный из ее сыновей.

— Все отлично, сынок. Скоро мы будем в городе.

Мария устало откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Разговаривать ей совсем не хотелось.

Уже подъезжая к городу она решила еще раз проверить адрес брата. Мария незаметно вытащила записку, спрятанную на груди, и замерла от ужаса: все чернила смысл дождь.

— Что же теперь будет? — ужаснулась она. — Надо надеяться, что Себастьян встретит нас на вокзале.

Глава 2

Дона Жозефа задумчиво смотрела в окно. Небо над Рио-де-Жанейро разбухло и потемнело, собираясь разразиться невиданным доселе дождем.

«Даже природа объявила забастовку, — подумала она, разглядывая прохожих, которые торопились побыстрее добраться до дома. — Сколько себя помню, никогда в Рио не было ничего подобного, тем более в декабре». Все, что в последнее время происходило в стране, вызывало в ней бурю негодования и протеста. Ей было больно видеть, как правительство жесточайшей диктатурой доводит ее народ до грани отчаяния.

Почему небеса так зло пошутили над Бразилией? Одним они дали все, другим — ничего... Богатые области вокруг Рио и Сан-Паулу процветали. Там хорошо росли кофе и многие другие сельскохозяйственные культуры. Тогда как северный штат Пернамбуку стонал от голода и отчаянья.

Северяне толпами бежали на юг в поисках лучшей жизни, оставляя пустые дома и нехитрый скарб. Теперь же в стране неотвратимо назревал еще и политический кризис.

Правительство генерала Артура да Косты и Сильвы приняло постановление «номер пять», которое резко ограничивало свободу и права людей, запрещало демонстрации, митинги и провозгласило то, что в народе иронично называлось «контролируемая свобода».

Два года назад, после внезапной смерти своего второго супруга, дона Жозефа стала владелицей и редактором престижной газеты «DIARIO DE NOTICIAS» («Ежедневные новости»).

«Хорошо, что у меня есть единомышленники. С такими людьми можно горы свернуть», — подумала дона Жозефа.

Женщина умная и воспитанная, она хорошо разбиралась в людях, берегла их и давно усвоила две истины: грамотно подобранные кадры решают все и, что главное — не где ты работаешь, а с кем. А работать она умела. Доселе неизвестная газетенка за последние два года стала самой популярной среди разномастной публики.

Но сегодня у нее впервые сдали нервы. И на это была серьезная причина. Совсем недавно ее лучший журналист Дирсеу обнаружил за собой слежку.

Вот уже два дня черный кадиллак открыто наступал ему на пятки. А этот мальчик дорогого стоил: помимо интеллигентности и порядочности, он обладал хорошим вкусом, особым нюхом журналиста и «легким пером». В двадцать три года у него уже сформировалась та особая манера письма, о которой любой, даже самый строгий и привередливый, редактор отозвался бы с восторгом.

Сегодня Дирсеу получил в редакции обычное задание: съездить в маленький городок Вилла Бьянка и взять интервью у хозяина табачной фабрики дона Мануэла, которому на днях исполнялось сто лет.

Так как свободных машин в редакции не было, журналист вынужден был сесть на собственный велосипед и отправиться в сторону горы Каркавада. Все инструкции и наставления сослуживцев, как оказалось позже, ничего не стоили: найти более короткую и удобную дорогу было невозможно. Дирсеу остановил

велосипед около склона и внимательно осмотрел окрестности. Слева — непроходимый лес, справа — река и овраг, впереди — крутой склон. Оставалась еще остановка муниципального транспорта, но, как будто в насмешку, мимо него проскрипел старенький, забрызганный грязью автобус, наполненный до отказа пассажирами и вещами.

Он с грустью посмотрел на него, но вскоре не удержался и улыбнулся: три хорошенькие мальчишеские мордочки в окне автобуса, не отрываясь, провожали его взглядом. По видимому, им еще ни разу в жизни не приходилось видеть гоночный велосипед с переключателем скоростей.

Журналист нажал на звонок и потренькал, приветствуя их. Красивая молодая женщина с маленьким ребенком на руках тоже обернулась и улыбнулась ему. «Надо же, — подумал он, — такая юная, а уже мама».

Дирсеу засучил светлые брюки, снял рубашку, завязал ее рукава у себя на поясе и отправился в путь. Как оказалось, испытание было не из легких. Пять километров подъема так вымотали беднягу, что на первой же заправочной станции он вынужден был остановиться отдохнуть, попить и умыться.

Когда он вышел на улицу, мимо него медленно проехал автомобиль черного цвета, в котором сидели четыре человека в темных костюмах с серьезными лицами.

«Подумать только, даже не скрывают слезку, — подумал он. — Видимо скоро начнутся репрессии!»

Вечером, вернувшись с задания, Дирсеу первым делом зашел в кабинет доны Жозефы. Она сидела за рабочим столом и что-то писала в своем ежедневнике.

— Рада тебя видеть! — поднялась она навстречу. — Пу как твое покорение «Фудзиямы»?

— Материал получился отличный, можно давать на первую полосу. — Дирсеу положил папку на стол.

— Какой ты молодец! То что другие журналисты мусолят неделю, ты делаешь за один день.

Дирсеу улыбнулся.

— А что такой грустный? Устал?

— Есть немного, но это не так важно. Хуже другое. Сегодня опять весь день за мной таскался черный кадиллак с четырьмя мордоворотами. Причем они даже не скрывались.

— Так. Это очень и очень плохо, — расстроилась дона Жозефа. — Раз они демонстративно следят за сотрудниками нашей газеты, это может говорить только о том, что военные почувствовали силу.

Дона Жозефа вынула из золотого портсигара сигарету и закурила. Дирсеу знал, что курила она только в минуты особого волнения.

— Мне кажется, что я знаю, как нам помочь, — она стряхнула пепел прямо на стол и вдруг спохватилась: — Какая же я растяпа. Садись рядом и захвати, пожалуйста, пепельницу.

Дирсеу с удовольствием устроился на диване, вытянув уставшие ноги.

— Есть только один человек, кто не оставит нас в беде, генерал Бандейра,

— Жозефа поднялась и стала ходить по кабинету. — Он, слава богу, все еще симпатизирует мне и проявляет искреннее сочувствие к нашей газете. Если бы в нашем правительстве набрался хоть бы один десяток таких достойных людей, через год страна забыла бы о проблемах в политике и экономике. — Она остановилась около журналиста и с интересом посмотрела на его разбитую коленку.

— Раны, полученные в боях за информацию? Ничего, до свадьбы заживет. Так вот. Не сомневаюсь, что существует «особый список», и в случае переворота многие из нас будут изолированы и арестованы.

— Я слышал, что в Рио должна приехать Елизавета Вторая. — Дирсеу с жадностью выпил стакан прохладной минералки и теперь чувствовал себя гораздо лучше.

— Самое интересное, что она уже здесь. — Жозефа присела на кончик дивана и рассеяно посмотрела на разбитую коленку журналиста. — Сегодня вечером я просто обязана присутствовать на официальной встрече. Дело за малым: как только Себастьян привезет мне платье, я сразу отправлюсь на встречу.

— Утром он говорил мне, что к нему должна приехать сестра с племянниками. Он их уже встретил?

— Нет! Пока я не могу отпустить его даже на полчаса, — нахмурилась донна Жозефа. — Как только выполнит все поручения, пусть встречает кого угодно! — Она всегда сердилась, когда ей приходилось отказывать людям в их просьбе.

— Вам сегодня еще нужна моя помощь? — на всякий случай спросил Дирсеу.

— Ни в коем случае! Езжай домой и ложись спать. И имей в виду, это приказ!

Глава 3

Улицы Рио кипели от возмущения. В самом центре сосредоточились студенты с многочисленными лозунгами. Девушки с алыми цветами в волосах активно раздавали прохожим листовки и свежий номер газеты «Ежедневные новости» с дерзким заголовком статьи журналиста Дирсеу: «Разве такую власть заслуживает наш народ?»

От желающих узнать ответ на вопрос не было отбоя. Газету читали сразу же, стоя на месте, а потом бережно передавали другим. Небольшие группы молодых людей скандировали дерзкие лозунги под общее одобрение прохожих.

Дирсеу оказался в гуще событий, его цепкий взгляд и исключительный слух отмечали все, что происходило на улице Дона Маноло. Когда полиция, не сумевшая разогнать студентов, применила слезоточивый газ, он первый стал уносить пострадавших в безопасное место.

«Когда же закончится этот ужас?» — думал он, поддерживая крупного пожилого мужчину, который случайно попал в толпу митингующих. Когда он нашел его, тот почти не дышал. Теперь его нужно было оставить в надежных руках.

В небольшом переулке студенты устроили стихийный госпиталь для

пострадавших. Жители соседних домов приносили сюда чистые тряпки, бинты и лекарства для раненых.

Если бы Дирсеу знал, что здесь, в соседнем переулке, совсем рядом с редакцией его родной газеты двое полицейских задержали Себастьяна, личного шофера доны Жозефы, он бы обязательно бросился к нему на помощь.

Когда Себастьян чудом проехал через площадь, кишашую разгневанными людьми, то немного расслабился. Его находчивость часто выручала его в нужную минуту. В этот раз он написал на переднем стекле машины помадой, взятой у одной из девушек, которая раздавала листовки, всего одну строку: «Везу платье для доны Жозефы», — и это стало его надежным пропуском в бурлящем потоке юных тел.

Он гордился тем, что служит у этой красивой и смелой женщины. И если бы ему сказали, что ради нее надо умереть, он не задумываясь сделал бы это. Да, у него была жена. И он ее тоже любил, но здесь был особый случай. Себастьян любил свою Дону, как далекую мечту, как сказку, как солнце, на которое можно смотреть только издалека. Подойдешь ближе — сгоришь. Но и за это он был благодарен судьбе.

Еще в школе он впервые услышал сонет Шекспира:

«Ее глаза на звезды не похожи.
Нельзя уста кораллами назвать...»

Мог ли он знать тогда, что сердце его когда-нибудь растает от любви к женщине, которая так будет похожа на возлюбленную этого «простака Шекспира».

Он подъехал к редакции газеты «Ежедневные новости», но решил загнать машину в ближайший переулок, чтобы хоть одним глазком взглянуть на платье доны Жозефы. Именно его сегодня вечером она хотела надеть на торжественный прием в честь королевы Елизаветы Второй.

Себастьян аккуратно достал тонкий струящийся шелк из картонной коробки и погрузил в него свое лицо. От него исходил тонкий аромат иланг-иланга.

Грубый удар по капоту машины заставил его вздрогнуть. Он увидел двух полицейских, которые с интересом уставились на него.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался тот, что поменьше ростом. — Что это?

— Платье моей хозяйки, доны Жозефы де Магальяеш.

— Владелицы этой газетенки, что за углом? А ты ей кто? — тут же подключился второй.

— Водитель.

— Судя по тому, как ты напыжился, ты возишь ее не только на машине, — бугай явно дразнил его.

— Я не позволю вам оскорблять меня и мою хозяйку! — Себастьян сжал кулаки.

— Какие мы смелые? Наверно ты хочешь, чтобы я накормил тебя завтраком!

Он почувствовал металлический привкус во рту. Холодное дуло пистолета больно воткнулось в щеку.

Бугай медленно нажал на курок. Раздался щелчок. Его злые глазки так и сверлили бедолагу, словно старались проткнуть его насквозь.

Себастьян почувствовал, как его ноги стали ватными.

— Тебе повезло — осечка. А теперь еще разок...

— Хватит! — не выдержал его напарник. — Пошли отсюда. Ты сегодня слишком много шутишь.

Никогда Себастьяна так не унижали, никогда он не испытывал столько страха, как в эти пять минут.

— Ничего страшного не произошло. Сейчас я возьму себя в руки и отнесу платье, — сказал он вслух и немного успокоился от звука собственного голоса.

Взлетев пулей по черной лестнице редакции, уже через минуту он стоял перед дверью кабинета своей хозяйки.

— Это ты, Себастьян? — услышал он голос доны Жозефы. Каким-то непонятным образом она всегда чувствовала его появление. Хотя двигался он всегда быстро и беззвучно, как большая пантера.

Себастьян широко распахнул дверь.

— Доброе утро, дона Жозефа. Извините за опоздание.

Хмурое до сих пор лицо редакторши разгладилось. Ей всегда нравилось, как извинялся Себастьян. Брови его непременно складывались домиком, а лоб напоминал гармошку. Глаза же при этом были закрыты. Вот и сейчас он с уморительным видом стоял перед ней, держа в руках коробку с платьем.

— Ну, как твоя сестра? — спросила примирительно дона Жозефа.

— Спасибо, что не забыли. — Себастьян продолжал топтаться на пороге. — Она скоро придет.

Редакторша нахмурилась.

— Послушай, Себастьян: в городе начинается что-то страшное. Если любишь ее, скажи, чтобы она оставалась дома, сейчас не время приезжать в Рио. Вызовешь ее, когда все успокоится.

— Поздно. Они уже едут.

— Плохо. Жаль, что нельзя предупредить ее. Ну ладно, теперь иди вниз, Себастьян. В три часа я должна быть на приеме, и сейчас мне необходимо привести себя в порядок.

Себастьян тихо закрыл дверь.

Па торжественном приеме в честь королевы Жозефа блистала в своем роскошном платье с изумрудным ожерельем на стройной шее, подаренным ей на свадьбу вторым супругом. Несмотря на новую тенденцию в моде, краситься ярко и броско, она пренебрегла этим и положила лишь немного макияжа, на губы и веки, чтобы выгодно выделяться из толпы своим естественным румянцем и натуральным цветом лица.

Вечер был великолепен. Ей даже удалось обменяться любезностями с Елизаветой Второй и произвести хорошее впечатление на королеву.

Соблюдя все формальности, Жозефа все же поспешила побыстрее удалиться: ей необходимо было заскочить в редакцию, чтобы успеть

проинструктировать сотрудников в случае форс-мажорных обстоятельств.

Но чувство гордости за маленькую победу, которую ей удалось одержать, сразу исчезло, как только она пришла к себе в кабинет.

Дирсеу возбужденно ходил из угла в угол.

— Конгресс только что отклонил запрос военных и не дал разрешения судить депутатов, — он сразу вывалил последние новости.

— Это будет гвоздь номера! — Глаза Жозефы возбужденно загорелись. — Надо немедленно пригласить репортеров.

— Они уже в редакции. Недавно сюда приходили три амбала и предупредили, что любые новости о голосовании в Конгрессе запрещены в печати. Я велел им убираться, но они наверняка вернуться с оружием.

— Надо спрятать наших людей, мы не можем ими рисковать. — Лицо доны Жозефы нахмурилось. — Одни мы не справимся, нам нужна помощь.

— Может, это тот случай, когда надо позвонить вашему другу, барону Бонсучесу? — предложил Дирсеу. — Он не сможет вам отказать в этой просьбе. У него в имении им будет более безопасно.

— Да это именно тот случай. Скажи Себастьяну, чтобы он прямо сейчас вывел людей через черный ход и отвез их в поместье барона. А я успею с ним договориться. Кстати, — Жозефа дотронулась до руки Дирсеу, — тебе надо ехать вместе с ними.

— Нет, я останусь. Кто-то должен хотя бы попытаться предотвратить разгром в редакции.

— Ты сильно рискуешь. Тебя могут арестовать. — Дона Жозефа внимательно посмотрела на Дирсеу.

— Зато своим детям я с гордостью смогу сказать, что сам творил историю нашей страны.

— Я горжусь тобой! — В глазах Жозефы блеснули слезы. — Пусть силы добра будут сегодня на нашей стороне. Пообещай мне, что ты будешь очень осторожен. — Она крепко обняла журналиста и почувствовала, как сильно бьется его сердце.

— Может, вы сами выйдете через заднюю дверь?

— Нет, я всегда выходила только через парадную и даже сегодня не откажусь от этой привычки.

Стремительно спустившись по парадной лестнице, она вышла на крыльцо и застыла от изумления.

Сотни людей, стоявших на балконах и у здания редакции, разразились дружным ревом аплодисментов. Все они пришли сюда, чтобы выразить свое уважение редактору газеты, сохранившей в это неустойчивое время свое доброе имя, неподкупность и верность демократии и интересам простых людей.

Дона Жозефа приветливо махнула им рукой и села в машину.

Глава 4

Автобус медленно въехал в Рио, скрипя натруженными рессорами. Мария старалась запомнить все мелочи городского пейзажа, который проплывал перед ее

глазами. Таких высоких зданий ей еще никогда не приходилось видеть. Ее внимание привлек небольшой автомобиль, стоящий на противоположной стороне перехода, на стекле которого было что-то написано губной помадой.

— Мамочка, а почему на машине написано: «Везу платье для донны Жозефы»? — поинтересовался Режиналду.

Она попыталась рассмотреть чудака, который сидел за рулем, но солнечные блики не позволили этого сделать. Загорелся зеленый свет, и автобус резко двинулся вперед, прямо к небольшой площади.

— Автостанция, — громко крикнул водитель.

Дети, до сих пор сидевшие тихо, возбужденно загалдели.

«Наконец мы в Рио!» — подумала Мария, когда автобус подъехал к конечной остановке и остановился.

Пассажиры высыпали на небольшую площадь и быстро разобрали вещи.

Мария в волнении всматривалась в лица встречающих, но брата нигде не было.

Через двадцать минут на автобусной остановке осталась только ее семья. Дети начали нервничать.

— Мама, где же дядя Себастьян? Почему он нас не встречает? — стал капризничать Плиниу. Мальчики снисходительно смотрели на младшего брата, который готов был расплакаться.

— Надо еще немного подождать. Он обязательно приедет, — успокоила его Мария. — Давайте обойдем станцию: вдруг он что-нибудь перепутал и подъехал к другому выходу

Дети обрадовались этому предложению, им не терпелось побегать или хоть немного размяться.

Рио совсем не пугал Марию. Она готова была часами бродить по широким красивым улицам и без усталости глазеть по сторонам, впитывая, как губка, новые впечатления.

Выйдя из дверей автовокзала, она сразу же поняла, что в городе что-то происходит.

«Может Себастьяну находится там, в толпе?» — подумала она, подхватила вещи и смело направилась в сторону громко кричащих людей.

Дети моментально присмирели и старались быть поближе к матери. Только Режиналду проявлял излишнее любопытство и радостно пялился на красивые машины.

Внезапно гудящая толпа стихла, и Мария увидела, как на широкий проспект выехала тяжелая военная машина. Потом она не могла понять, как Режиналду так быстро мог оказаться на самой середине улицы.

— Ура-а! Это военный парад! — радовался сын, приплясывая перед танком.

Неведомая сила подхватила восторженного мальчишку и бросила в самое пекло. Толпа заревела и отхлынула. В сторону военной техники полетели камни. Что-то просвистело в воздухе.

На мгновение она потеряла из виду светлую макушку сына.

— Чей это мальчик? — услышала она, не раздумывая, бросившись к тому

месту, где только что был ее Режиналду.

— Мамочка! Мне больно! — Сын сидел на дороге, прижимая руку к голове. Между пальцами сочилась кровь.

— Бегите, бегите отсюда: сейчас начнут стрелять, — прокричал ей молодой человек и подтолкнул их к ближайшему переулку.

Дети в волнении жались друг к другу. Самый младший поднял в руки камень, который ранил брата, и бережно положил в карман.

— Скорее, скорее! — прикрикнула Мария, подталкивая детей вперед.

Узкая улочка была завалена макулатурой. Кое-как устроив Режиналду на крышке огромного мусорного бака, она достала платок и аккуратно промокнула рану.

— Ничего страшного, — успокоила она сына. — Давайте немного передохнем.

— Только не здесь. Это наше место. — Голос прозвучал неожиданно и заставил ее вздрогнуть.

Грязный неопрятный мужчина зло таращился на нее. От него исходил нестерпимо тяжелый запах мочи и давно не стиранных носков.

— Это наше место, убирайтесь отсюда. Никто не украдет наш мусор.

За его спиной стали появляться недовольные бродяги.

— Мы не будем вам мешать, мы только передохнем немного, — начала было Мария, но тут же осеклась, увидев острое лезвие.

Испуганные дети тут же побежали подальше от этого страшного места. Она едва успевала за ними.

Сколько они бежали, она не помнила, только крик Режиналду заставил всех остановиться.

— Мамочка, я больше не могу. — По лицу несчастного ребенка ручьем текли слезы.

Мария внимательно осмотрела место, где они остановились. Кругом были разбросаны листовки с непонятными призывами и валялись разбитые бутылки. Взгляд ее упал на давно заброшенный дом с перекошенной дверью и разбитыми окнами.

— Мамочка, что теперь с нами будет? — Режиналду уже перестал плакать и смотрел на нее своими большими оливковыми глазами, так похожими на глаза ее Жозевалду.

— Господь милостив, он обязательно пошлет нам добрую душу.

Глава 5

С самого детства Назаре мечтала, что будет жить в большом красивом доме с видом на океан. У нее будут слуги, драгоценности и всевозможные удовольствия, которые по статусу положены знатным сеньорам. Но, выйдя из невинного возраста, она поняла, что путь к богатству лежит только через удачный брак.

Да, у нее шикарная фигура, роскошные светло-каштановые волосы, да и в любви есть определенный опыт. Мужчины, как бабочки летели попробовать

сладкий нектар ее тела. Но проходил час-другой, в лучшем случае день, и они улетали обратно в свои семьи к толстым женам и крикливым детям, одарив ее, Назаре, жалкими подачками, а ей так хотелось большего.

Судьба незаметно привела ее в бордель, куда так любили заглядывать богатые и знатные сеньоры. Она отчаянно пыталась не упустить свой шанс, старалась быть нежной и утонченной, ловко расставляя любовные сети, терпела всевозможные капризы и кислый запах изо рта. Зная, что однажды Господь обязательно пошлет ей шанс, и она решит все проблемы сразу.

Наконец-то наступил ее год — год обезьяны, который сулил исполнение самых заветных желаний, и она знала, что обязательно добьется удачи.

Два года назад у нее появился постоянный любовник — Луис Карлос Тедеску, человек порядочный и состоятельный, но с неприятным довеском. Как все приличные мужчины его возраста, он имел семью.

Луис Карлос был уверен, что его возлюбленная усердно трудится медсестрой в больнице Святой Марии. Именно там она назначала встречи, изображая усталость после напряженного трудового дня. Назаре, конечно, ни словом не обмолвилась, что работает в борделе, а сразу принялась изображать из себя порядочную женщину, потерявшую голову от любви.

Однажды сидя на лавке в парке, куда Назаре любила приходить по субботам, чтобы немного расслабиться и поглазеть на богатых женщин, она увидела трогательную сцену.

Уже немолодой, убеленный сединами мужчина, нежно вел под руку юную беременную женщину, которая глазела по сторонам, выпячивая свой огромный живот, и ела мороженое. Своим наметанным глазом она сразу заметила, что обручального кольца у девушки не было.

«Дура! — с завистью подумала она. — Этого идиота сейчас можно взять голыми руками, пока он не очухался. Вот если бы я была на месте этой идиотки... А что собственно мне мешает? Немного усилий, фантазии и я стану сеньорой Назаре Тедеску. Такого любовника упускать нельзя».

В тот же вечер она разыграла перед ним драматическую сцену со слезами на глазах и обмороком, признавшись, что беременна и приведя любовника в замешательство. Но растерянность скоро сменилась радостью, и Тедеску еще бережнее стал опекать мать своего будущего ребенка: дарил драгоценности, водил в респектабельные рестораны.

У нее впервые появились норковое манто и бриллиантовые сережки. Через четыре месяца она стала подкладывать под платье подушку.

— Я хочу быть твоей женой, а не любовницей, — теперь всегда твердила она на прощание. Но ее благодетель либо отшучивался, либо заводил старую шарманку про жену и маленькую дочку.

Последний раз Назаре призвала весь драматический талант, на который была способна, и разыграла трагическую сцену прощания со своим любовником, понимая, что еще немного, и ее обман раскроется.

В городе было беспокойно. Кто знает, может, эти обстоятельства принесут ей хоть какую-нибудь пользу?

Сегодня она обязательно пройдет мимо ресторана «Фортуна», где обычно

обедает Луис Карлос, и постарается, чтобы он ее заметил.

Наzare встала на два часа позже, приняла ароматическую ванну, долго крутилась перед зеркалом и даже зашла к парикмахеру. Но ее планам не суждено было сбыться: вот уже два часа она пыталась добраться до центра города. Возбужденная, крикливая толпа перекрыла все дороги, скандируя дерзкие лозунги.

Сначала Назаре было весело и интересно идти вместе с небольшой группой молодых студентов, которые пели песни, танцевали и рассказывали анекдоты, но потом ей стало страшно...

Все чаще ей попадались совсем другие люди, которые зачем-то разбирали мостовую, собирая булыжники в широкие корзины и мешки. Она услышала непонятные слова: «контролируемая свобода», «гнусный А1-5», «военный переворот»...

И зачем она вмешалась во все это? Теперь ей надо как-то незаметно улизнуть и попытаться выбраться отсюда. Она сделала вид, что сломала каблук и, подпрыгивая на одной ноге, добралась до широких ступеней большого дома. И это спасло ей жизнь.

Не успела Назаре свернуть за угол, как огромная толпа, идущая по улице, дрогнула, остановилась и разделилась на множество маленьких ручейков, пытавшихся просочиться в переулки и подворотни близлежащих домов.

Раздались выстрелы и отчаянные крики ужаса.

Кто-то толкнул ее, она больно ударилась о землю и действительно сломала каблук. Подальше, подальше от этого места! Она готова была отдать все, лишь бы оказаться сейчас в доме, в любимой ванне или на худой случай в своем борделе, куда она не заходила уже несколько месяцев. Назаре пробиралась узкими грязными улочками, стараясь избегать людных мест.

Большой неопрятный дом неожиданно возник из-за деревьев. Окна были разбиты, дверь еле держалась на петлях.

— Я могу вам помочь? — Назаре увидела красивую молодую женщину, на руках которой спал ребенок.

— Как хорошо, что я добралась хоть до какого-то укромного места, — устало сказала она, погладив выпирающий живот. — Могу я воспользоваться вашим гостеприимством?

— Конечно! Проходите в комнату, — сердечно отозвалась женщина. — На улице оставаться опасно и тем более в вашем положении.

Наzare прошла в дом. В большом зале на рваном матрасе сидели мальчики, увлеченно играя с маленькой сушеной тыквой. Она забавно гремела, то и дело подлетая к потолку.

Глаза Назаре цепко прошлись по комнате, отметив полное отсутствие мебели, рваные обои и стеклянную банку с желтоватым грудным молоком. Рядом стояла пустая детская бутылочка.

Симпатичные мордочки мальчишек были перепачканы: у всех под носом виднелись молочные усы.

«Все успели приложиться», — подумала она, и ей стало смешно.

— Вы живете здесь? — спросила Назаре, как можно любезнее. Ей почему-

то очень хотелось понравиться этой простушке, явно приехавшей из северного штата. Она еще не вполне осознала, зачем ей все это, и поэтому решила не торопиться.

Мария была рада хоть с кем-нибудь поделиться и долго рассказывала о своих приключениях и трудной жизни в Пернамбуку.

В голове Назаре постепенно складывался идеальный план. Если она отвлечет эту деревенщину, то прелестная малышка сразу решит все проблемы ее личной жизни.

— Я уже целый час в вашем доме, но до сих пор не знаю вашего имени, — сказала она приветливо. — Меня зовут Лурдес. — Называть этой оборванке свое истинное имя она вовсе не собиралась. — Я работаю медсестрой в больнице Святой Марии.

— И правда, я совсем потеряла голову от переживаний. — Женщина вытерла ладонь об край юбки и протянула руку. — Мария ду Карму Если можно, пожалуйста, взгляните на рану моего сына.

Лурдес, подавляя брезгливость, осмотрела голову притихшего мальчика и сделала озабоченное лицо.

— Вам срочно нужно в больницу, если рану как следует не обработать и не наложить швы, то потом начнется сильный воспалительный процесс, и вы можете потерять ребенка.

Мария побледнела от ужаса.

— Столько несчастий! А теперь это.

— Не расстраивайтесь. Ведь у нас еще есть время. Я помогу вам. Сейчас мы все пойдем в клинику, а потом уж как-нибудь найдем вашего брата Себастьяна. — Она взъерошила волосы на голове самого младшего. — Ну, как?

Марию не надо было долго уговаривать. Услышав, что она может потерять сына, она страшно взволновалась.

Боясь что Лурдес уйдет, если она еще промедлит, Мария быстро перепеленала дочь и поспешила к двери.

«Эта милая женщина конечно же знает, о чем говорит. У нее такое доброе, приветливое лицо, — подумала Мария. — После того, как все закончится, надо познакомиться с ней поближе».

Глава 6

Больница святой Марии оказалась в нескольких шагах от автовокзала. Всю дорогу Лурдес веселила ее мальчиков, рассказывая смешные истории.

Улицы Рио опустели. Кругом валялись листовки и рваные газеты. Название одной из них показалось Марии до боли знакомым. Так и есть! Это газета ежедневных новостей. А вот и адрес издательства!

— Лурдес, какое счастье! В редакции обязательно подскажут, где искать Себастьяна.

— Вот видишь, как все хорошо складывается? — поддержала ее новая знакомая и погладила свой круглый животик.

Больница Святой Марии поразила ее своей красотой. Это был старинный

особняк девятнадцатого века с острыми башенками и вытянутыми окнами. К огромным деревянным воротам вели щербатые ступени.

— Тебе самой придется пройти с ребенком в операционную, а я посижу с твоими детьми, — вернула ее на землю Лурдес. — Такую ораву в больницу ни за что не пропустят.

— Мальчики, слушайте сеньору Лурдес и приглядывайте за сестренкой, — сказала Мария, стремительно направившись к проходной.

Солнце медленно и тяжело тонуло в облаках, играя последними лучами в окнах соседних зданий. Мальчики потеряли счет времени. Они сосредоточенно смотрели на дверь, за которой скрылась их мать.

Их напряжение каким-то образом передалось сестренке. Линда проснулась, почувствовав долгое отсутствие матери, и начала тоненько хныкать. Она лежала на руках Леандру.

— Дайте мне малышку, — попросила Лурдес. — Бедняжка, она хочет кушать. Надо сходить в больницу, может быть, там удастся раздобыть соску.

Женщина бережно взяла малышку и направилась к проходной. Мальчики промолчали. Они очень устали и были подавлены долгим отсутствием матери.

Первым забеспокоился Леандру, он был старше своих братьев, и именно у него на руках мать оставила сестренку. Он поднялся с лавки и пошел к лестнице.

— Ты куда? — захныкал Плиниу. Он уже давно сжимал кулачки и сосредоточенно молился.

— Спросить, куда подевалась сеньора Лурдес с Линдалвой.

— Мы с тобой! Не оставляй нас здесь, — попросил Вириату. — Все, кто вошли в эту дверь, почему-то не возвращаются.

— Ладно. Только ведите себя тихо, — важно сказал Леандру. — Спрашивать буду я.

Через минуту огорченные и испуганные, они вернулись на лавку. Матери и старшего брата до сих пор не было, да и их новая знакомая тоже не появлялась. На проходной строгая женщина им сказала, что никакая Лурдес здесь не работает, и попросила немедленно выйти на улицу.

Когда наступили густые сумерки, и все трое уже готовы были зареветь, двери распахнулись, и на пороге появилась их мать со старшим братом.

Дети радостно бросились им навстречу.

Голова Режиналду была туго перевязана белоснежным бинтом. Повязка скрыла его темные брови, отчего черты лица его слегка размылись, потянулись к макушке, и он стал напоминать расстроенного гномика.

Чья-то заботливая рука тщательно обработала все ссадины и многочисленные царапины на его коленках зеленкой и даже в одном месте нарисовала цветочек.

Увидев его, маленький Плиниу тут же забыл о переживаниях.

Еще спускаясь с лестницы, Мария увидела своих сыновей и заволновалась. Мальчики сидели на лавке, поджав голые ноги, и напряженно смотрели в темноту. А где же Линдалва? Уж ее розовое одеяльце она бы сразу заметила... Мария повертела головой, все еще надеясь увидеть Лурдес, которая скорее всего где-нибудь гуляет с малышкой. Но ни на дороге, ни на небольшой площадке возле

стены больницы никого не было.

Все внутри у нее сжалось и задрожало. В глазах потемнело от страшного предчувствия. Как безумная, она сбежала по ступенькам вниз, не замечая, что Режиналду не поспевает за ней. У нее еще оставалась надежда, что маленькая Линдалва где-то рядом, что Лурдес гуляет с ней поблизости. Может за тем огромным деревом у соседнего здания?

— Мама ты мне делаешь больно! — Голос Режиналду на время привел ее в чувство. Она тут же отпустила руку ребенка и остановилась, боясь подойти ближе к своим сыновьям.

Мария еще не услышала страшных слов и специально оттягивала время, наслаждаясь последними минутами неведения, хотя сердце ее уже знало, что она теперь никогда не будет счастлива, пока не увидит свою малышку вновь.

Мальчики что-то виновато объясняли и плакали. И у нее не было сил успокоить их. Готовая к очередному кормлению грудь заныла.

Простая мысль пришла ей в голову. Та женщина не смогла далеко уйти, и быть может, ее маленькая Линдалва где-то рядом?

Она бросилась подальше от страшного места, даже не заметив, что на лавке остались вещи, прихваченные с собой в дорогу. Возбужденные мальчики едва поспевали за своей матерью. Мария бежала на шум. Вскоре они выскочили на широкую дорогу, часть которой занимали люди с сосредоточенными, усталыми лицами.

— Сядьте здесь, — сказала Мария, указав на желтый пяточок под фонарем.

Тоненький детский голосок донесся до ее слуха. Она напряглась и прислушалась.

— Мама, она там! — крикнул Режиналду и сделал попытку сорваться с места.

— Никуда не уходите! — приказала Мария и, как безумная, бросилась в самую гущу толпы.

Она упрямо и настойчиво пробиралась вперед. Где-то действительно плакал ее ребенок. Этот голос она различила бы из тысячи. Девочка голодная, она хочет есть. Именно так она плачет, когда у нее болит животик.

Неожиданно неподвижная до этого толпа уплотнилась и двинулась вперед, возбужденно гудя и скандируя лозунги. Впереди происходило что-то страшное: опять раздавались выстрелы и крики. Широкая спина мужчины, которая до этого преградила ей путь, неестественно распрямилась и стала медленно оседать на землю. Он повернул к ней свое удивленное небритое лицо и повалился на бок. Его тут же подхватили товарищи, стараясь выдернуть из толпы.

Все еще надеясь увидеть дочь, она упрямо шла вперед.

Толпа гудела, как сердитый улей, готовая наброситься и раздавить всех, кто преграждал ей дорогу

Потом она никак не могла вспомнить, как оказалась на той пустынной улице.

Где-то совсем рядом завывала сирена. Мария увидела колонну машин с яркими мигалками.

«Полиция! — обрадовалась она. — Военные обязательно помогут. Ведь

дочка здесь, где-то рядом!»

Она попыталась остановить одну из машин и стала громко кричать и махать руками. Но кавалькада проехала мимо. Ей все никак не удавалось привлечь их внимание.

Тогда она попыталась найти что-то яркое и стала судорожно шарить по земле. Как назло ей попался лишь один мусор. Она уже была готова отчаяться, когда простая мысль неожиданно пришла ей в голову.

«Как же я не додумалась? — обрадовалась она. — Мне нужен флаг. Я его видела где-то рядом!»

Мария вернулась в соседний переулок, подобрала знамя и кинулась наперерз полицейской машине. Если бы она могла знать, что здесь, совсем рядом, на руках чужой женщины спит ее малышка, измученная плачем и голодом.

Вот уже полчаса Назаре пыталась спрятаться от обезумевшей от горя матери, каким-то звериным чутьем идущей по следу дочери. Она чуть было не столкнулась с ней в толпе, когда малышка расплакалась и никак не могла успокоиться.

Могла ли она предположить, что от дочери ее отделяет только широкая спина мужчины. Если бы толпа не двинулась вперед, то гениальный план Назаре непременно рухнул, да и еще, чего доброго, она сама могла оказаться в полиции. И тогда прощай счастливое будущее и вилла с видом на океан.

«Пусть в тюрьме сидят простушки», — подумала она и прижала к себе девочку.

Крошка действительно была очень хорошенькая. До сих пор она никогда не видела таких прелестных младенцев.

В том квартале, где она жила, дети рождались слишком красными или желтыми с перекошенными от натуги лицами и голыми черепами. А эта — маленькая принцесса. Она обязательно растопит сентиментальное сердце Луиса Карлоса. И кто знает, может, совсем скоро ее будут звать сеньора Тедеску.

— Еще немного усилий и твой будущий папочка будет валяться у нас в ногах, — сказала она крошке. — Совсем скоро мы назначим день твоего рождения! Мадам Берта не посмеет нам отказать, иначе я устрою такой скандал, что ее заведение прикроют.

Глава 7

Дирсеу видел, как Жозефа подчеркнуто медленно и достойно вышла из парадного входа редакции, как толпа рукоплескала ее мужеству. Он специально распахнул окно, чтобы лучше видеть все, что происходит на улице.

Не прошло и минуты после ее отъезда, как к зданию подъехали две полицейские машины. Толпа возбужденно загудела и раздвинулась. Несколько человек в военной форме уверенно зашли на площадку перед входом в редакцию. Какой-то человек в спецовке преградил им путь.

— Вы не имеете права сюда врваться! — Услышал Дирсеу слова отчаянного смельчака и попытался получше рассмотреть его.

В то же мгновение человек в рабочей спецовке получил мощный удар в

грудь и отлетел к стенке. Волна ярости обожгла Дирсеу, он выскочил из кабинета и быстро спустился в холл.

Он еще не знал, какие слова скажет этим выродкам, посмевающим поднять руку на самое святое, что есть у его народа — свободу.

Спускаясь вниз, Дирсеу заставил себя успокоиться и нацепил на лицо непроницаемую маску.

Военные уже были в холле.

— Кто здесь командует? — спросил Дирсеу, обращаясь ко всем сразу.

— Я — инспектор Вогел. Департамент общественного порядка тайной полиции. — Вперед вышел человек в темных очках.

Именно он ударил того несчастного, который преградил военным путь.

Внутри у Дирсеу все закипело.

— Инспектор, вы руководите войсковой операцией против безоружных? — спросил журналист, как можно спокойнее.

— Пусть не раскрывает свой поганый рот!

— Вы надеетесь заставить замолчать всех?

— Хватит болтать, Дирсеу де Кастру! Придержи свой длинный язык, если не хочешь получить то же, что и этот придурок! Я закрываю вашу газету!

Дирсеу метнулся к двери, пытаясь прикрыть собой главный вход.

— Сюда никто не войдет! Никто, слышите?

Длинная автоматная очередь рассекла воздух, превратив стекла редакции в мелкие осколки.

Дирсеу увидел, как испуганные люди попадали на землю.

— Следующая порция будет лично для тебя. — Инспектор сказал последнюю фразу намеренно тихо и так близко подошел к Дирсеу, что тот уловил запах дорогого коньяка.

«Этот селезень сам очень боится. — подумал Дирсеу. — Хлебнул для храбрости, да еще очки нацепил, чтобы глаз не видно было».

Рисковать людьми он не имел права, хоть и знал: стоит ему сейчас сказать слово, и разгоряченные люди телами завалят эту ничтожную кучку военных. Он собрался с силами и принял решение.

— Мы ничего не можем сделать против оружия, — крикнул он в толпу. — Но я заявляю решительный протест.

— Посмотрим, как ты запоешь в тюрьме, — рассвирепел инспектор Богел. — Надеть на него наручники.

Дирсеу пообещал себе, что не скажет ни слова, пока не встретит своих единомышленников или не сможет кардинально повлиять на ситуацию.

«Я обязательно напишу обо всем, что происходит здесь», — подумал он.

Его грубо затолкали в машину, заставив пригнуть голову к коленям. Но и из такого неудобного положения он умудрялся следить за событиями, происходящими на улицах Рио.

Столкновение полиции и восставших людей развернулось в полную силу.

Его наметанный журналистский взгляд ухватил безобразную сцену, когда военные грубыми сапогами жестоко избивали молодую женщину, не давая ей подняться с земли. На его глазах были расстреляны трое студентов. Сквозь едкий

дым раздавались крики негодования и песни протеста.

Автомобиль медленно подъехал к пристани и остановился. Дирсеу грубо выволокли из машины и затолкали в катер.

«Ага, значит, меня везут на остров Сарайвы в «FLOWER ISLAND», — подумал журналист и нахмурился. Комендант этой тюрьмы слыл человеком безнравственным и жестоким. В прошлом году Дирсеу посвятил ему целую статью, из-за которой чуть не поплатился собственной свободой.

Дирсеу представил, какое испытание придется пережить «бедняге», чью тюрьму теперь переполняют ненавистные ему коммунисты, и как придется терпеть пение Интернационала и дерзкие лозунги, и впервые улыбнулся.

Па следующее утро Дирсеу проснулся от яростного лая собак. В «FLOWER ISLAND» привезли очередную партию заключенных.

Подвинув двухэтажную кровать к маленькому окну, он и его сокамерники внимательно наблюдали за происходящим.

Комендант стоял на высокой деревянной платформе, из грубо сколоченных досок, в одной его руке был громкоговоритель, а в другой — небольшая дубинка.

Грянул торжественный марш и на тюремную площадку высыпали новенькие.

— Издевается, гад, — услышал Дирсеу комментарий товарища по несчастью.

До маленького зарешеченного окошка донесся обрывок краткого приветственного спича Сарайвы.

— Я приглашаю вас провести долгий отпуск в моей прекрасной тюрьме!

Внезапно от группы заключенных отделилась стройная фигура и бросилась в сторону коменданта. Ее резко оттолкнули прикладом. Женщина сделала еще одну попытку поговорить с Сарайвой, но вновь была отброшена в сторону. В этот раз ее успели подхватить крепкие мужские руки.

«Хорошо, — подумал Дирсеу, — что среди этих заключенных есть настоящие мужчины. Надо обладать большим мужеством, чтобы в такую минуту, не думая о себе, поддерживать слабых».

Он внимательно рассмотрел парня. Вроде ничего особенного: высокий, худощавый, в нелепой рубашке зеленого цвета.

— Какой шустрый малый! — услышал он за спиной голос сокамерника.

Молодой мужчина поднял женщину и тут же получил прикладом в спину. Но сильный удар не сбил его с ног, а заставил лишь на миг остановиться. Смельчак что-то сказал своему обидчику, и не торопясь, пошел в сторону колонны заключенных.

Даже неискушенному глазу было видно, что многие из вновь прибывших не имеют никакого отношения к политике и тем более к коммунистам.

Новенькие вели себя тихо и подавленно. Их распределили по камерам и сразу стали вызывать на допросы.

Помещение для заключенных представляло собой длинный широкий коридор, разделенный на клетушки.

Дирсеу видел, как в соседнюю камеру напротив привели шесть человек. Среди них была та отчаянная молодая девушка, которая пыталась поговорить с

комендантом.

Ее лицо он уже видел, но не мог вспомнить где. «Уж с такой-то красоткой я ни за что не упустил бы возможность познакомиться», — подумал Дирсеу и решил получше рассмотреть девушку.

Вела она себя не так, как другие: не пыталась найти себе место получше, не знакомилась с сокамерниками.

Оказавшись в камере, она обреченно прижалась к решетке и все время напряженно смотрела в коридор. В глазах плескалось настоящее отчаянье. Дирсеу обратил внимание на ее скромный провинциальный наряд и натруженные руки.

Прошел час с тех пор, как девушка оказалась здесь, но она по-прежнему пребывала в странном оцепенении. «Наверное, у нее случилось горе», — подумал он и решил привлечь внимание.

— Сеньора, сеньора, — позвал Дирсеу. — Вы слышите меня?

Он увидел, что девушка недоуменно обернулась, и не найдя никого, кто бы тянул на этот почетный титул, первый раз осмысленно посмотрела на него.

— Я могу вам помочь? У вас случилось несчастье?

Слезы горьким потоком брызнули из глаз несчастной и она впервые заговорила.

Дирсеу понимал, что ей необходимо выговориться и ей все равно, кому она будет рассказывать о своем горе, хоть холодным каменным стенам.

Сбивчивый эмоциональный рассказ так потряс его, что когда она умолкла, он не сразу смог заговорить с ней, остро переживая услышанное.

Дирсеу вспомнил, где он видел это лицо: фотографию девушки ему недавно показывал личный шофер доны Жозефы Себастьян.

«И конечно, это она проезжала мимо меня на автобусе! Себастьян несколько раз называл ее по имени... Как же ее зовут? — судорожно пытался вспомнить Дирсеу. — Кажется, Мария».

Он помолчал еще немного, дав ей успокоиться, и начал издали.

— Вы сказали, что ваш брат работает в «Ежедневных новостях». — Девушка тут же вся превратилась в слух. — Так вот, если вас это утешит, я прекрасно знаю его. Как только закончится этот ужас, мы вместе обязательно разыщем его.

Дирсеу не заметил, когда перед ним оказался комендант тюрьмы. Обычно он устраивал проверки вечером, но события вчерашнего дня заставили его относиться к работе с еще большим рвением.

— О чем вы здесь болтаете? Обмениваетесь информацией? — прорычал он. — Немедленно ко мне на допрос!

В один миг солдаты вытащили Дирсеу и девушку из камеры и грубыми пинками погнали к выходу.

В самом конце длинного коридора Дирсеу заметил сотрудника их редакции, который уже давно заслужил репутацию страшного сплетника. Его тоже вели на допрос.

«Плохие новости, — расстроился Дирсеу. — Что же будет с доной Жозефой?»

Глава 8

Еще из окна своего роскошного мерседеса дона Жозефа увидела военные машины, которые бесцеремонно расположились на просторном английском газоне, прямо перед входом в ее особняк.

Площадка для парковки, расположенная совсем рядом, так и осталась пустой.

Недавно она звонила генералу Бандейре, и он клятвенно заверил ее, что правительство в самом худшем случае закроет редакцию, но саму Жозефу не тронут. Еще он почему-то настаивал на срочном личном разговоре...

Жозефа упрямо тряхнула головой, вышла из салона и направилась к парадной двери особняка. Пока она пересекала небольшую дорожку, идущую к самому входу, то заметила, что военные сидели в машине и скорее всего ждали ее.

«Значит, у них нет разрешения обыскивать дом в мое отсутствие. И сейчас они не будут хамить», — подумала она.

Стоило ей войти в дом, как навстречу ей бросились испуганные слуги. Они уже целый час наблюдали за военными и боялись выйти из дома. Кое-как Жозефа успокоила всех и поднялась наверх переодеться.

— Надо срочно собрать драгоценности. Нельзя оставлять их дома. Рано или поздно они все же решатся сюда войти. — Она открыла шкаф и внимательно осмотрела вещи. Ее взгляд остановился на вместительном дорожном ридикюле.

«Пожалуй, это то, что надо», — решила она, вынула драгоценности из сейфа и переложила их в сумку. Но стоило подумать, что теперь неплохо бы принять душ и переодеться, как раздался настойчивый звонок.

Чтобы не гонять и без того перепуганную прислугу, она сама решила предупредить события и вышла из кабинета.

Спускаясь по лестнице, дона Жозефа увидела, как ее старая преданная служанка Марина пытается открыть парадную дверь. От волнения ее руки дрожали, и она все никак не могла справиться с тяжелым замком.

Видимо, именно это так разгневало нервного офицера, который как только вошел в дверь, больно ударил бедняжку по щеке.

Лицо Жозефы побледнело.

— Как вы смеете так обращаться с моими людьми, — возмущенно сказала она.

Молодой подлец проигнорировал ее слова и уставился пустыми рыбьими глазами на сумку.

— Что у вас там? — бесцеремонно поинтересовался он.

— А вам не все равно? — резко спросила Жозефа.

— Может, там лежат листовки или оружие? — спросил он издевательским тоном, а затем выхватил сумку. В его руках заиграло ее любимое ожерелье.

Жозефа с силой захлопнула ридикюль, больно прищемив ему пальцы, и с вызовом посмотрела на него.

Такого сопротивления от нее он не ожидал.

— Вас все равно арестуют. Зачем они вам?

— Я никогда не расстаюсь со своими драгоценностями! — Прижав к себе

ридикюль, она гордо вышла из дома.

Когда Себастьян въехал в ворота хозяйского особняка, то сразу заметил, что к доне Жозефе недавно наведывались «гости».

Ее любимый английский газон, по которому она всегда сама передвигалась только в голландских деревянных башмаках, был сильно смят и изуродован. На нем отчетливо виднелись следы от шин и солдатских сапог.

Сама же донна Жозефа сидела в холле, словно поджидая Себастьяна. Разговор с генералом и неприятные новости лишили ее последних сил. Сейчас она напоминала маленькую рассерженную девочку, у которой только что отобрали любимую игрушку.

В глазах доны Жозефы было столько горя, что ему захотелось взять ее на руки, прижать к себе и утешить добрым словом.

«Если бы она знала, как я люблю ее», — подумал Себастьян.

— Ну, что? Ты встретил сестру? — Вопрос застал его врасплох.

— Нет, — сказал он тихо. В горле Себастьяна стоял комок. Когда Себастьян добрался до вокзала, на площади уже никого не было. — Я несколько раз объехал здание, но поиски были бесполезны.

— Извини меня, я не могла отпустить тебя раньше, — виновато сказала донна Жозефа.

— Не беспокойтесь, у сестры есть мой адрес. Она обязательно меня найдет, — успокоил ее Себастьян.

Он почувствовал, что донна Жозефа хочет сказать что-то важное, но никак не решится.

«Какая же она красивая, но я никогда не посмею сказать ей об этом», — подумал Себастьян.

Жозефа словно услышала его мысли и пристально посмотрела на него.

— Мой самолет улетает через два часа... Марина уже собирает мои вещи... Меня выдворяют из страны! — Она говорила с паузами, постоянно переводя дыхание, чтобы не зарыдать по-настоящему.

Себастьян впервые увидел, как ее прекрасное лицо заливают слезы.

— Я люблю вас... — Себастьян в страхе застыл на месте, не зная, куда деться от стыда и внезапно навалившегося горя.

— Я знаю, — тихо сказала донна Жозефа. — Спасибо тебе.

Он пристально смотрел на нее, стараясь запомнить, каждую черточку красивого лица.

Иди наверх, Себастьян. Помоги Марине собрать вещи.

С неестественно прямой спиной он вышел из комнаты, стараясь не зарыдать и не показаться слабым этой прекрасной женщине.

Уже за дверью он услышал голос доны Жозефы.

— Я тебя не забуду!

Он помог служанке упаковать вещи и вышел на крыльцо, чтобы в последний раз попрощаться с хозяйкой.

Уже сидя в машине, она кивнула ему и грустно улыбнулась. Неведомая сила толкнула его к машине и он последний раз коснулся рук доны Жозефы.

— Прощайте. Вы — самое лучшее, что было в моей жизни! — произнес он

перед тем, как машина скрылась за поворотом.

Потом они с Мариной долго сидели на ступеньках большого дома, и каждый думал о своем.

Дона Жозефа усилием воли взяла себя в руки, как только машина отъехала от ее дома.

В салон первого класса самолета она вошла уже совершенно спокойной.

— Желаете чего-нибудь, сеньора? — Тут же подлетела к ней стюардесса.

— Подайте мне все, что полагается по правилам, кроме носового платка. Я больше не буду плакать!

Глава 9

Для идеального воплощения плана Назаре посвятила в свою тайну лишь избранных. До сих пор ей так хорошо удавалось манипулировать людьми: одних она запугивала, другим говорила комплименты или то, что они хотели услышать.

В этот раз пришлось немного повозиться с мадам Берте, которая сначала наотрез отказалась ввязываться в эту авантюру. Но перспектива скандала быстро отрезвила ее, и она рьяно кинулась помогать Назаре. Сразу стала очень любезной, подыскала квартирку и позаботилась, чтобы ее девочки выполнили пару поручений «будущей матери».

На Джанини была возложена обязанность во что бы то ни стало разыскать Луиса Карлоса и привести его к любовнице.

— Что-то не спешит твой Тедеску посмотреть на дочь, — поддела Берте Назаре, которая вот уже полчаса стояла у окна, высматривая машину своего любовника.

— Придет, не переживай. Что ему еще остается делать: он сентиментален и мягок, как девушка. — Назаре распахнула одеяло и положила малышку на подушку.

— Какое белоснежное белье! — восхитилась Берте.

— Память об одном из моих любовников. У него была небольшая мануфактура и он частенько носил мне такие подарки, — вспомнила Назаре.

— Жаль.

— Почему?

— Лучше бы у него была ювелирная лавка! — расхохоталась мадам Берте.

— Да ну тебя. Если мне удастся провести этого остолопа, то любовники мне больше не понадобятся. — Назаре увидела, как к подъезду подъехала машина Тедеску. Одним прыжком она оказалась в кровати.

— Какие же мы дуры! — неожиданно запричитала мадам Берте. — Нам надо было взять у мясника, хоть немного крови. Твой любовник достаточно умен и ни за что не поверит, что ты только что родила малышку. Простыни-то совершенно белые!

— Принеси мне ножницы, — приказала Назаре.

— Ты с ума сошла!

— Ради того, чтобы стать мадам Тедеску, я готова на все.

Когда Луис Карлос вошел в маленькую чистую комнату, лицо Назаре

исказила мука.

— Я не хотела, чтобы ты видел меня в таком состоянии, — сказала она, стараясь говорить как можно тише. — Но мадам Берте напугала меня: сказала, что если я умру во время родов, то малышка останется одна. И я вынуждена была дать ей твой адрес! У меня началось очень сильное кровотечение.

Она подняла край одеяла, чтобы Луис Карлос увидел алую простыню.

— Не оправдывайся, дорогая, тебе надо беречь силы. — Сразу смягчился Тедеску. Он взял на руки дочь и поднес поближе к свету.

— Какая чистенькая и крупная! — восхитился он.

— Она просто родилась здоровенькой. Ей понадобится много сил, чтобы вырасти без отца... — Назаре знала, что говорить этому старому ослу, который за все время не только ни разу не поцеловал ее да еще постоянно хватался за букет, купленный по дороге, все не решаясь подарить его.

— Взгляни в последний раз на малышку. Больше вы не увидите. — Голос Назаре звучал трагически. — Мы ни за что не потревожим покой твоей семьи!

— Но послушай, дорогая... Так тоже нельзя! — не выдержал Луис Карлос.

— Так должно быть. У тебя есть семья. А я выращу нашу дочку одна. Мне уже удалось найти работу в одной из больниц Сан-Паулу.

— Прости. Я не хотел сделать тебе больно! — Назаре увидела, что ее растерявшийся любовник начал пятиться к двери. А это совсем не входило в ее планы.

«Осталось последнее средство», — решила она и попыталась выдавить из себя слезы.

Луис Карлос застыл на пороге.

— Дорогой, могу я попросить тебя об одолжении? Давай хоть немного побудем вместе: я, ты и твоя дочка.

Тедеску нежно обнял ее и сел рядом. Потом он никак не мог вспомнить, каким образом Назаре опять затащила его в постель.

Ненасытное тело любовницы вновь покорило его своей необузданной и нежной страстью, все глубже и глубже забирая в себя. Он не мог и не хотел останавливаться, стараясь взять лидерство в безумной скачке. Назаре что-то говорила о том, что хочет еще одного ребенка, о том, что обязательно родит ему наследника, что-то про виллу с океаном.

Мадам Берте несколько раз подходила к двери и прислушивалась.

«Не переборщила бы девочка, — думала она. — Луис Карлос — мужчина образованный и опытный. Одна ошибка — и не быть ей сеньорой Тедеску».

Только утром она закрыла дверь за дорогим гостем.

Утомленный и разнеженный Тедеску, наговорив Берте кучу комплиментов, поехал оправдываться к законной супруге.

Берте приготовила крепкий кофе и зашла к Назаре, думая, что та до сих пор нежится в постели.

В комнате стоял стойкий запах любви, простыни были смяты и сброшены на пол.

Озабоченная Назаре стояла у окна и о чем-то напряженно думала.

— С триумфальной победой, девочка! Тебе опять удалось затащить его в

постель! — поздравила ее Берте.

— Поздравишь меня, когда у меня на голове будет фата, — огрызнулась Назаре. Пока все складывалось идеально, но ей почему-то было грустно. Перед глазами все время стояла вчерашняя картинка: обезумевшую от горя Марию заталкивают в полицейский фургон, за которым с рыданиями бегут ее дети...

«Нельзя думать о таких глупостях», — приказала она себе и стала приводить себя в порядок.

Глава 10

Вот уже час Мария пыталась объяснить, что не имеет никакого отношения к демонстрации коммунистов.

— Я даже не знаю, как зовут президента Бразилии и ничего не смыслю в политике! — отчаянно пыталась убедить Мария коменданта. Ей удалось довольно складно рассказать свою историю про жалкую жизнь в Пернамбуку, про путешествие и пропажу дочери.

Сарайве оценил красоту этой молодой женщины. В каждой черточке ее прекрасного лица проглядывали природное благородство и мужество, начиная с высокого чистого лба, нежного овала лица с еле заметной ямочкой на подбородке и маленького аккуратного носа. Сарайве отметил про себя, что ее фигура также прекрасна, как и лицо.

Он с трудом подавил в себе желание посадить ее к себе на колени и зарыться в копне блестящих волос. Молодая упругая грудь так и напрашивалась на прикосновение. Опытным глазом он отметил, что женщина действительно недавно родила и мучается от избытка молока, которое теперь перегорало, принося ей физические страдания. Ткань в области декольте намокла.

«Вот если бы она согласилась познакомиться со мной поближе!» — распустил губы Сарайве. От мысли, что он мог бы приложиться к ней и немного поиграть, у него застучало в висках.

Суровый взгляд журналиста привел его в чувство. Он смотрел на него с нескрываемой ненавистью и презрением.

— Я с удовольствием отпустил вас, — сказал он Марии, когда она умолкла, — если бы у вас были хотя бы свидетели.

— Я могу поклясться на чем угодно: все, что она сказала — чистая правда! — не выдержал Дирсеу.

Комендант даже не посмотрел в его сторону.

— Мне нужен еще один свидетель, с которым вы сами не общались, — сказал он девушке.

— Такой свидетель есть! — обрадовался журналист. — Он сидит в соседней комнате. Этот человек настоящий эксперт в области личной жизни сотрудников нашей газеты: вчера я лично видел, как Себастьян показывал ему фотографию сестры и племянников. Он подтвердит, что Мария приехала к брату. — Впервые Дирсеу подумал о нем хорошо.

— Что ж я не поленюсь проверить ваши слова, — сказал комендант и вышел из комнаты, специально задев коленки Марии.

«И зачем мне все это? — подумал он, выйдя в коридор. — Стоит ли тратить время на эту простушку? Если все действительно так, как говорит этот выскочка-журналист, и это подтвердит работник редакции, пожалуй, я освобожу ее».

Недолгое отсутствие коменданта позволило Дирсеу перекинуться с Марией парой фраз.

— Не бойтесь. Сегодня все обязательно уладится, — успокаивал он ее.

— Я уже ничего не боюсь. Страх отнимает силы, а мне еще обязательно надо найти свою дочь.

Дайте мне слово, что вы не исчезнете, и мы обязательно встретимся. — Он серьезно посмотрел на Марию. На ее щеках вспыхнул румянец.

Дирсеу не заметил, когда в его груди образовалась какая-то воронка, которая беспощадно всосала в себя все, что он когда-то считал важным. И если раньше у него была одна страсть — любовь к Родине и борьба за ее светлое будущее, то теперь у него появилось новое чувство, которое поселилось в его сердце неотвратно и надолго. Сперва оно заполнило его тело, потом все клеточки мозга, а затем свернулось где-то в области сердца.

— Я очень этого хочу! — добавил он.

— Я тоже, — улыбнулась Мария.

Дверь кабинета, в котором допрашивали Дирсеу с Марией, распахнулась так широко, что можно было увидеть, как в коридоре появилась новая фигура. Это был инспектор Богел собственной персоной.

Дирсеу нахмурился. Он помнил, что устроил этот подоконник в редакции.

Сарайва что-то объяснял ему, энергично размахивая руками. Богел сначала отрицательно мотал головой, но потом вдруг внезапно согласился.

— Надеюсь, что вас навсегда минует участь «отдыхающих на моем курорте», — важно сказал Сарайва и подошел к Марии вплотную.

Ему почему-то очень хотелось хотя бы немного понравиться этой женщине. «Хоть на минуту, пусть она подумает обо мне хорошо!» — Он вдруг почувствовал себя благородным рыцарем, спасающим принцессу.

Мария удивленно вскинула брови, надежда засветилась в ее глазах.

— Инспектор Богел проводит вас, — сказал он важно и уселся за стол.

Мария с трудом подавила желание броситься на шею коменданту. Она даже почувствовала, что он сам хочет и ждет этого, но сдержалась. Ведь это ни за что бы не понравилось Дирсеу, которого она не захотела огорчать.

— Спасибо, комендант, — сказала она и вышла из кабинета, кивнув Дирсеу на прощание.

Всю дорогу, сперва на катере, потом в машине она думала о молодом журналисте.

Сначала автомобиль ехал по узкой проселочной дороге, затем выбрался на шоссе.

За все время инспектор Богел не сказал ни слова. Марию очень устраивал этот вариант: можно было спокойно подумать. Это был первый человек, который смотрел на нее равнодушно и даже брезгливо.

Впереди показался деревянный щит, на котором Мария смогла прочесть надпись: «Дуки-ди-Кашиас».

— Куда мы едем? — впервые поинтересовалась Мария, обратив внимание на то, что стрелка с указателем «Сан-Франциско» указывала в противоположную сторону.

— В одно красивое местечко, имение сеньора Тенориу. — Не сразу отозвался инспектор.

Он не любил оставаться наедине с женщинами. А эта была ему особенно неприятна: слишком красива и энергична. Такие, как она, отбивают самых лучших мужиков.

Он видел, какими глазами смотрели на нее журналист и Сарайва, на которого он уже давно сам положил глаз.

Инспектор остановил машину и медленно повернулся к Марии:

— Не правда ли Кашиас прекрасное место для того, чтобы расстаться с жизнью... — Он хотел увидеть ужас в ее глазах и насладиться ее страхом. Он представил, как обошелся бы с ней, попади она к нему на допрос. Во что превратились бы эти дерзкие глаза и нежная кожа... Что же она молчит?

Мария выдержала пристальный взгляд Богела, а затем неожиданно улыбнулась.

— Если вы хотите напугать меня, то ничего не выйдет! Я уже и так отчаялась.

— С-с-сучка! — рывкнул инспектор. — Выходи из машины и иди вперед.

Не чуя под собой ног, она пересекла дорогу, подошла к огромному камню на обочине, все время чувствуя, что в любую секунду он может нажать на курок.

Богел наслаждался зрелищем. Он чувствовал, как напряглись ее лопатки в ожидании выстрела, как из глаз катятся слезы.

— Шуток на сегодня достаточно, — сказал инспектор, и машина тронулась.

Мария тихо продолжала двигаться вперед и даже не заметила, как оказалась среди шумных и беспокойных людей, которые вышли из автобуса, сразу заполнив маленький пяточок остановки.

— Какая тетя красивая. Мама, кто это? — спросил маленький мальчик, только что прыгнувший на дорогу.

— Не знаю, идем, сынок. Мне еще нужно зайти к доне Жозефе.

Находившаяся в каком-то странном в оцепенении, Мария впервые осмысленно огляделась.

Знакомое имя напомнило ей о брате. Где он? Что с ним? Может, его тоже бросили в тюрьму?

Она увидела, как автобус, выгрузив пассажиров, со скрипом закрыл двери и тронулся дальше.

«Надо кого-нибудь спросить, как добраться до Рио», — подумала она и окликнула высокого мужчину в простой клетчатой рубашке, последним вышедшего из автобуса.

— Простите, сеньор!

Человек удивленно обернулся и застыл на месте.

Мария растерялась. Почему он так смотрит на нее? Боже мой! Она не поверила своим глазам. В двух шагах от нее стоял Себастьян.

Необузданная радость, которую она в последний раз испытывала после

рождения дочки, обрушилась на нее снова.

Да, это был он, Себастьян, который в детстве катал ее на закорках и защищал от мальчишек, который на день рождения обязательно присылал хоть немного денег, который и в этот раз не отказал ей и ее детям в помощи. Тот, к кому ехала она через всю страну.

Он медленно шел к ней и улыбался.

Пассажиры регулярного рейса: «Рио — Кашиас» изумленно смотрели на две, оцепеневшие молчаливые фигуры, одиноко стоящие на автобусной остановке.

— Наверное у них очень большое горе, — предположил мужчина в рабочей спецовке.

— Или очень большое счастье, — тут же возразили ему.

Глава 11

Время — категория относительная: для одних оно бессмысленно тянется, как улитка, оставляя на песке непонятный, еле заметный след, для других летит стрелой быстро и энергично, позволяя создавать, созидать и строить.

Марии понадобилось двадцать лет на то, чтобы достичь результата, к которому она упрямо шла все эти годы, о котором мечтала всю жизнь, над чем трудилась.

Ду Карму дала себе слово, что покончит с прошлой жизнью, с нищетой, с изматывающими мыслями о предательстве мужа, и, если надо, будет работать по двадцать четыре часа в сутки.

Постепенно она научилась обходить острые углы, принимать правильные решения, не бояться риска и при малейшей возможности бросаться удаче навстречу, схватив ее за хвост.

Пятнадцать лет назад ей пришла в голову дерзкая идея: открыть собственный бизнес. С тех пор она ни разу не пожалела об этом. Итак, что же стало с нашей героиней по прошествии стольких лет?

Жизнь в Рио постепенно налаживалась, кругом велось строительство и соседние пустыри рано или поздно должны были превратиться в строительные площадки. Стройматериалы требовались всем и всегда.

Усилия Марии привели к результатам, которые превзошли самые смелые ожидания. Через год ее строительный магазинчик стал самым популярным в округе.

Ду Карму не гнушалась тем, чтобы лично съездить в отдаленный штат и наладить поставку строительных материалов. Она искала выгодные связи, вела жесткие переговоры со своими поставщиками, боролась за каждый сентаво. И через пятнадцать лет стала одной из самых состоятельных бизнес-леди своего района. При этом она оставалась внимательной и добросердечной по отношению к другим людям.

Одним она дала работу, другим спасла жизнь и здоровье, вовремя нанимая адвокатов и находя нужные лекарства. Мария позволила добиться успеха молодым предпринимателям, которые начинали свой собственный бизнес: она с

удовольствием делилась опытом и давала товары в кредит.

«Наша ду Карму» — так ласково называли ее простые люди. Ее любили все, а каждый день ее рождения превращался в общий праздник. Мария любила радоваться жизни вместе с другими. Она выставляла у себя в саду и на соседней улочке длинные столы, украшенные цветами, с огромным количеством фруктов и сладостей.

Сегодня в ее доме был именно такой праздник. Приготовления к торжеству шли полным ходом. За этим процессом приглядывал управляющий, специально нанятый для такого случая вместе с бригадой обслуживающего персонала.

Любимая служанка Марии Клементина с самого утра лично хлопотала на кухне, пытаясь приготовить любимое блюдо хозяйки. Она устала отбиваться от настойчивых вопросов «куда и что поставить», а также от назойливых предложений помочь что-нибудь приготовить. В итоге Клементина приняла кардинальное решение и закрылась на кухне. Но через пять минут кто-то тихо постучался, и она была вынуждена открыть дверь.

На пороге с виноватым видом стояла дочь подруги ду Карму, Диана, темноглазая милая девочка лет пятнадцати.

— Опять прибежала пораньше, чтобы послушать мои истории и съесть что-нибудь вкусненькое?

— Вы такая добрая, тетя Клементина, — хитро прищурилась девочка. — Можно мне дослушать вчерашнюю историю?

— И еще съесть коробочку печенья! — добавила за нее Клементина.

Девочка поцеловала служанку и устроилась в любимом плетеном кресле.

— А Рита знает, что ты у нас?

— Конечно! Мама сама скоро придет сюда, ей хотелось поговорить с сеньорой Марией по поводу Цыгана.

— Но ведь твой отец находится в тюрьме! Он что, опять угрожает матери? — не удержалась Клементина. Девочка поджала губы и отвернулась.

— А что случилось с сыновьями доны Марии, когда ее посадили в тюрьму? — неумело перевела разговор на другую тему Диана.

— Этот вопрос ты задаешь в сотый раз! — притворно возмутилась Клементина. — А мне надо еще приготовить еды на целую ораву!

— Ну, пожалуйста, — как можно жалобней сказала девочка. — Я могу помочь порезать овощи!

— Сиди уж, — осадила ее Клементина. — От тебя на кухне мало проку.

Диана тут же сделала сердитую мордочку и отвернулась к окну.

— Ну, ладно-ладно, так и быть, слушай! — сдалась Клементина.

Режиналду первый увидел, как полицейские схватили мать и затолкали ее в машину. Он вскочил и со всех ног побежал за ней. Следом за ним кинулись его младшие братья.

— Мама, мамочка! — кричали они, обливаясь слезами.

Мария отчаянно металась внутри фургона, пытаясь остановить машину. Но силы были слишком неравны.

Испуганные и уставшие дети вернулись к тому месту, где их оставила мать.

Режиналду как самый старший сам принял это решение, он успокоил

братьев и сказал, что в полиции скоро разберутся и отпустят Марию. А искать она их будет именно здесь.

— А что потом? — торопила служанку Диана.

— А потом приехала вторая полицейская машина и детей отвезли в приют.

Па глазах девочки блеснули слезы.

— Ну, будет, будет сырость разводить! — притворно рассердилась Клементина. — Ты же сама прекрасно знаешь, что, как только дона Мария встретила со своим братом Себастьяном, они тут же разыскали приют, где находились мальчики.

Себастьян привез их в Сан-Мигель. Теперь он не боялся за будущее: у него был кусок земли, на котором можно было прокормить две семьи.

Судьба любит людей простых и трудолюбивых...

Клементина на время замолчала, застыв у плиты. Ей надо было попробовать бульон для курицы в кровавом соусе. Она облизала ложку и постучала ею по кастрюле.

— Имей в виду, дорогая, если ты будешь скромной и трудолюбивой, Господь обязательно пошлет тебе счастье и хорошего мужа.

Девочка вздохнула. Вот уже пять лет она была страстно и безнадежно влюблена во внука Клементины, Шау Лина, который очень сурово обращался с ней, а недавно и вовсе нагрубил, сказав, что даже если она голой пройдет по пляжу, то на нее все равно никто не обратит внимание...

— А как у Себастьяна появился кусок земли? — спросила Диана.

— Милая девочка, как ты быстро взрослеешь! Раньше ты никогда не задавала таких серьезных вопросов.

— Так я же выросла, мне уже пятнадцать лет!

— Глупышка! Хочешь побыстрее стать взрослой? — улыбнулась Клементина. — Помяни мое слово: когда-нибудь придет время, и ты будешь отчаянно скрывать свой возраст.

— Так как разбогател дядя Себастьян? — повторила свой вопрос Диана. Ей совсем не хотелось думать о старости.

— Один очень знатный сеньор, Тенориу Кавальканти, подарил ему участок Виллы Сан-Мигель за преданность и хорошую работу. Но если бы не дона Мария, никогда этот кусок земли не стал бы таким процветающим.

— А где все это время был муж Марии?

— Этот проходимец? Он жил припеваючи в Сан-Паулу с очередной красоткой, нисколько не заботясь о своей семье. Узнав об этом дона Мария, постаралась выбросить его из головы и начать новую жизнь. За несколько лет ей удалось из этих пустырей сделать цветущее место. А ведь начинала она с маленького строительного магазинчика...

— Да, дона Мария теперь самая уважаемая сеньора во всей округе! — восхищенно сказала девочка.

— А знаешь почему?

— Потому что она много работает и помогает бедным.

Клементина пристально посмотрела на Диану и улыбнулась.

— Когда же ты успела повзрослеть?

Девочка смутилась и поправила яркий платочек на шее, чтобы прикрыть грудь, которая в последнее время превратилась в настоящую проблему: постоянно выширала вперед, словно пыталась проткнуть собеседника, и, как магнит, притягивала взоры мальчишек.

— Мама говорила, что сеньора Мария все еще пытается найти Линду, — виртуозно перевела разговор на другую тему Диана.

— Конечно! Она даже наняла частного детектива. Скажу тебе по секрету, — Клементина перешла на шепот, — он уже четыре раза находил ду Карму девушек в возрасте Линды. Но, к сожалению, как только доходило до проверки анализов на ДНК, их всех ждало разочарование. Она платит детективу такие деньги, а он постоянно говорит одно и то же: «Дело это до-о-олгое и опа-а-асное и принесет много разочарова-а-аний». Тьфу — Клементина стала яростно взбивать маниоковую пасту.

Глава 12

Еще утром Режиналду из окна своего кабинета увидел, как к офису строительной фирмы его матери подъехал автомобиль Марии. Режиналду нахмурился: рядом с ней опять был этот выскочка Дирсеу.

— Стоит тебе увидеть ее любовника, как у тебя сразу портится настроение, — не удержалась Вивиан. Она одернула юбку и попыталась найти туфельку, которую в порыве страсти сорвал с нее Режиналду.

— У меня всегда портится настроение, когда мой личный пресс-секретарь сует нос не в свое дело.

Вивиан нахмурилась, но потом взяла себя в руки: ей так хотелось попасть на праздник.

— Милый... — начала она.

— Ты хочешь попросить меня о том, чего я не могу сделать, — отрезал Режиналду.

— А как ты догадался, о чем я хочу попросить?

— Ты целый день намекаешь мне на то, что мечтаешь побывать в гостях у моей матери. Но пойми ты — это семейный праздник. Моя жена тоже будет там и обязательно устроит тебе сцену ревности.

— Не понимаю, Налду, как ты мог жениться на такой простушке, как Лейла?

— Оставь, дорогая, — он немного смягчился. — Ты же знаешь: ошибки молодости. Зато у меня есть ты. Умница и красавица. — Он притянул ее к себе.

— А еще я умею работать. Ну, почему ты до сих пор не представишь меня как свою официальную помощницу? — Она нежно поцеловала его за ухом.

— Все, Вивиан, не надо, — остановил ее Режиналду. — Мне нельзя опаздывать на праздник: я, конечно, совсем не горю желанием увидеть этих придурков со всего округа, которым помогает моя мать, но, пойми, это — мои потенциальные избиратели. — Ты же будешь гордиться мной, если я стану префектом округа? — Он неожиданно обнаружил туфельку, которая залетела на шкаф и отдал ее Вивиан.

— Твоя победа — это моя победа, — улыбнулась Вивиан.

Приезд Дирсеу привел Марию в радостное и возбужденное состояние. Они не виделись уже целых два месяца, и ду Карму очень соскучилась, надеясь, что очередной день ее рождения он ни за что не пропустит.

Утром самолет Дирсеу сел в аэропорту Рио-де-Жанейро. На этот раз Мария не стала посылать за ним машину, а лично подъехала к знакомому серебристому зданию. Ей так хотелось побыстрее увидеть этого человека.

Дирсеу вот уже двадцать лет жил в постоянных разъездах, работая в солидной столичной газете «Кариока», но при малейшей возможности ноги сами несли его туда, где в это время была Мария.

Их симпатия, появившаяся много лет назад, превратилась в настоящее чувство, которое со временем еще больше окрепло, а жизнь превратила тонкую нить отношений в мощный канат, который связал их сердца навеки.

Наконец, в огромном потоке пассажиров, выходящих из здания аэропорта, она увидела знакомую кудрявую макушку и помахала Дирсеу рукой.

В этот раз на нем был светлый элегантный костюм от Живанши, который великолепно скрывал его маленькую проблему: небольшой животик, появляющийся с годами почти у всех мужчин, которые любят пиво.

Сердце Марии сжалось от нежности и любви. Ей так захотелось побыстрее прикоснуться к Дирсеу, что она сама быстро пошла к нему навстречу.

Уже в машине они немного пришли в себя, и Дирсеу вдруг заметил, что по-прежнему держит в руке букет орхидей.

— А я думала, что ты мне его никогда не отдашь, — рассмеялась Мария.

Дирсеу сделал страшное лицо и попытался вернуть букет обратно.

Веселая возня на заднем сиденье автомобиля отвлекла молодого шофера, и он случайно проехал на красный свет, чудом избежав столкновения с другой машиной. Автомобиль слегка вильнул в сторону и остановился.

— Все в порядке, поехали, — сказала Мария. — Мы больше не будем тебя отвлекать.

— У тебя не машина, а самолет, — пошутил Дирсеу. Кругом воздушные ямы.

— Ты не против, если мы на пять минут заедем в мой офис?

— Тогда возьми меня с собой. Я боюсь твоего шофера.

— Дирсеу, перестань дурачиться. Ты меня пугаешь. Обычно ты так ведешь себя, если что-то задумал.

Она сразу заметила перемену в его настроении.

— Мы можем поговорить с тобой до праздника? — серьезно спросил он.

— Это так важно?

— Ты сама решишь для себя.

— Неужели ты спутался с какой-нибудь француженкой и решил дать мне отставку?

Дирсеу рассмеялся.

— Я просто хочу, чтобы ты поняла, как сильно я люблю тебя.

Машина плавно въехала в ворота Виллы Сан-Мигель и остановилась у главного входа.

Дирсеу увидел предпраздничную суету и немного нахмурился.

— Я не ожидал, что попаду на такой грандиозный праздник.

— Тебе сейчас надо отдохнуть. Иди в спальню и привыкай к обстановке.

— Мне там будет очень одиноко, — Дирсеу опять протянул руки к Марии.

— Не будет, — возразила Мария. — Там по-прежнему стоят твои тапочки.

Когда мне грустно, я всегда кладу их рядом с собой.

— Сумасшедшая! — рассмеялся Дирсеу. — Быстро заканчивай все свои дела и возвращайся.

Мария поправила на себе платье и вышла во двор.

Народ стал стихийно собираться у Виллы Сан-Мигель еще за час до начала торжества, чтобы поздравить дону ду Карму.

Возбужденная толпа взрывом аплодисментов встретила именинницу. Простые люди, перебивая друг друга, выкрикивали слова приветствия.

Увидев радостные и возбужденные лица, Мария чуть не расплакалась. Она подняла руку, и дождалась, когда шум прекратится.

— Спасибо! — Голос Марии дрожал. — Чем я заслужила такое почтение и любовь? ...Мне очень радостно, что вы пришли поздравить меня. Жаль, что на праздник попадут не все! Все просто не влезут в дом! Но я хочу, чтобы вы знали, что здесь, в моем сердце, для каждого из вас есть место! — Ее голос утонул в одобрительном реве толпы.

Помахав рукой на прощание, Мария вернулась в дом.

Па пороге ее ждали Бьянка и нарядная Клементина. Девочка тут же бросилась ей на шею с поцелуями.

— С днем рождения, сеньора ду Карму! Я так горжусь, что у моей мамы есть такая замечательная подруга, как вы.

— Девочка моя, кто же так поздравляет? — засмеялась служанка. — Ты сеньоре Марии чуть не испортила праздничную прическу.

— Не ругайся на нее, Клементина, теперь мои волосы лежат значительно лучше.

— Вечно вы ее балуете! — служанка хитро подмигнула девочке. — А этот подарок от нашей семьи. Ко мне присоединились моя дочь и внук Шау Лин.

При упоминании этого имени у Дианы тут же вспыхнули щеки. Клементина протянула Марии свой кулинарный шедевр: торт в виде белоснежного павлина с золотой короной на голове.

— Клементина! У меня нет слов! — Мария нежно обняла ее. — Что же ты наделала! Теперь ни у кого не поднимется рука нарушить эту красоту, и мы останемся без десерта! — Мария расцеловала ее в щеки. — Оставлю вас на несколько минут, пойду приведу себя в порядок, — сказала Мария и быстро поднялась наверх.

Ей не терпелось устроить сюрприз Дирсеу.

Комната была пуста, на кровати лежали сложенные вещи.

Мария скинула вечернее платье, белые кружевные трусики, бюстгальтер и накинула на тело прозрачный пеньюар.

Годы лишь немного скорректировали ее внешность, но никак не отразились на ее прекрасной фигуре. Мария подошла к зеркалу и внимательно себя

осмотрела: по-прежнему тонкая талия и плоский живот, а грудь всегда была предметом ее гордости.

Пребывавший в неведении Дирсеу что-то громко пел в душе.

— Аморе, аморе, аморе... — услышала она.

В отличие от своей возлюбленной, он поседел за эти годы, отпустил бороду и немного поправился, но эти безобидные метаморфозы очень шли ему, и Мария стала звать его своим плюшевым медвежонком.

В предвкушении встречи Мария томно растянулась на кровати в самой привлекательной позе.

Дирсеу вышел из ванны и остановился посередине комнаты от неожиданности.

На нем был ее любимый махровый халат. Сколько бы раз, шутя, Мария не упрекала его за то, что он надевает ее вещи, Дирсеу всякий раз отшучивался и говорил одно и то же: «мне не хватает тепла» или «я очень соскучился».

— Я очень соскучился, — сразу сказал Дирсеу, не дожидаясь, когда Мария задаст вопрос, почему он опять ходит в ее халате. Устроившись на краю кровати, он положил ее ноги себе на колени и начал массировать ступни.

— Я знал, что ты придешь, — Дирсеу нежно поцеловал ее лодыжку.

Мария откинулась на подушку и закрыла глаза.

— Ты помнишь наше первое свидание? Ты тогда задал мне три вопроса. «Какая книга мне нравится? Пою ли я в душе? И как я люблю спать?»

— А ты ответила: «История кавалера Де Грие и Манон Леско», «да» и «на животе, поджав правую ногу».

— Ты даже это помнишь? — удивилась Мария.

— Конечно! Ведь это было стопроцентное попадание.

— Куда?

— В мое сердце.

Мария засмеялась. Еще пару минут она лежала с закрытыми глазами, а затем села.

— Раньше ты никогда не вспоминал об этом.

— У меня просто не было времени. Честно говоря, даже если бы ты ответила по-другому, это все равно ничего бы не изменило. — Он снова опрокинул ее на подушку.

— А потом ты сказал, что я слишком красива и идеальна для тебя.

— И тогда ты показала мне шрам от аппендицита.

— Ты и это помнишь? — Мария вспыхнула и прижалась к нему.

От его густых волнистых волос шел тонкий аромат лимона и мяты.

Он нежно обнял ее и притянул к себе. Это прикосновение вызвало в ней прилив радости и желания.

Горячая дрожь пробежала по телу и сделала ее податливой и мягкой...

На городской ратуше часы пробили полдень.

— Что я делаю? — забеспокоилась Мария. — Дом уже давно полон гостей, а я устроила себе праздник для двоих. — Она быстро оделась, присела на край кровати и поцеловала Дирсеу в губы.

— Ты хотел мне что-то сказать.

Добродушие сразу слетело с его лица.

— Даже не знаю, с чего начать... — Он нежно отодвинул ее от себя, встал и заходил по комнате.

— Сколько раз я уже делал тебе предложение?

Мария помрачнела: когда речь заходила об этом, они все время ссорились.

— В этот раз я прошу твоей руки и сердца в последний раз. — Он насупился и заходил по комнате. — Меня пригласили возглавить одну солидную газету в столице, и я хочу приехать туда со своей женой — доной Марией ду Карму.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Ты просишь меня о невозможном. Я не могу покинуть этот город, пока не найду свою дочь. И потом здесь вся моя семья!

— Линда с таким же успехом может оказаться в любом другом месте. Тем более, этим занимается профессиональный детектив...

— Не сердись Дирсеу. Здесь мой дом, мой бизнес, мои дети и просто люди, которых я люблю.

— А как же мы, ты и я? Ты о нас не хочешь позаботиться? Мы вместе двадцать лет, но вынуждены постоянно расставаться. А я хочу будить тебя по утрам, обедать с тобой, водить тебя в кино! Я хочу жить с тобой! — Дирсеу стал одеваться.

Мария молча сидела на кровати.

— Пойду прогуляюсь: не хочу портить тебе праздник, — сказал Дирсеу и вышел из комнаты.

Глава 13

Режиналду долго ждал момента, чтобы переключить внимание на себя. Публику нужно было брать тепленькой. Искреннее обожание и уважение к его матери отраженным светом падали и на него.

Он очень старался быть убедительным и построил свою речь так, чтобы она была простой и лаконичной. Ему даже пару раз удалось заставить всех рассмеяться. Режиналду всегда имел в запасе пару заученных острот и двусмысленных шуток.

Все шло идеально, пока мимо него не проехала машина его супруги. Режиналду побледнел от возмущения и потерял тот легкий кураж, который всегда появлялся при виде слушающей его толпы.

«Эта дура специально не остановилась у главного входа, потому что не хочет привлекать к себе внимание, — зло подумал Режиналду. — Она боится, что я заставлю ее выступать перед народом. Сейчас опять попрется на кухню, помогать служанкам». — Сильные эмоции заставили его запнуться.

Толпа истолковала заминку по-своему и, решив, что выступление закончено, вежливо захлопала.

Режиналду был недоволен: у него в запасе оставалась еще одна шутка и эффектное завершение. Когда народ стал расходиться, он решительно направился на кухню.

Лейла весело обсуждала последние новости с Клементиной, но когда увидела мужа сразу осеклась и покраснела.

— Идем в гостиную. Надо поговорить, — угрожающе сказал Режиналду.

Лейла неохотно вышла из комнаты за мужем.

— Ты не больна? — начал он решительно. — Может, тебе надо обратиться к врачу?

— Ну, зачем ты так? Ты же знаешь, мне страшно показываться на публике... Я — простая женщина, и мое предназначение — быть хорошей хозяйкой и матерью...

— Ты давно уже не та Лейла из Нову-Игуасу, которая случайно «залетела» от первого встречного, ты — жена будущего префекта и крупного политика, который ничего не добьется без поддержки жены. А если я стану президентом? — Режиналду грубо схватил ее за плечи и повернул к себе.

— Но я не могу...

— Ты должна, слышишь, ты просто обязана научиться говорить! Я хочу, чтобы на заседаниях, конференциях и приемах рядом со мной была достойная женщина, а не деревенщина!

— Отпусти меня, мне больно! Я никогда не смогу это сделать.

Слова Лейлы опять привели его в ярость.

— Идиотка! — Он уже не думал о том, что говорит слишком громко, и его могут услышать.

— Не смей так говорить о матери своих детей! Я же — часть твоей семьи. Мы женаты!

— Женаты! — Голос Режиналду перешел на крик. — Не было ни одного дня, когда бы я не пожалел об этом. Пожалуйста, я готов развестись!

Эти слова произвели противоположный эффект и подействовали на Лейлу отрезвляюще.

— Я не отпущу тебя! Ты будешь терпеть меня независимо от того, хочешь ты этого или нет. — Лейлу била мелкая неуправляемая дрожь.

— Я лучше брошусь под машину, — отрезал Режиналду и быстро вышел из комнаты.

Во время этого разговора ему в голову пришла идея: почему бы сегодня не появиться здесь со своей любовницей Вивиан.

«Раз эта дура не хочет развода, пусть научится терпеть».

Лейла еще долго лежала на диване лицом вниз и все никак не могла успокоиться. Потом она заставила себя пройти в ванну и долго умывалась там холодной водой. От слез глаза ее опухли и покраснели, и чтобы окончательно привести себя в порядок, ей понадобился целый час.

В доме царило радостное возбуждение. Элегантные гости, одетые в платья и костюмы от Диора, Армани и Версаче, с безупречными прическами и дорогими украшениями, небольшими группками стояли в просторном холле особняка. Дети осаждали буфет с фруктами и пирожными. Веселая публика ела, пила и говорила, говорила, говорила...

После разговора с Дирсеу Мария была очень расстроена, но не имела права портить праздник тем, кто пришел ее поздравить. «Что поделать: это не первая

ссора с Дирсеу, — подумала Мария. — Рано или поздно все образуется!»

Она выбрала себе укромное место в зале, где она могла тихо посидеть и откуда могла незаметно наблюдать за гостями.

Это тоже была ее жизнь, те артерии, которые связывали ее с другим миром, и давали силу и энергию.

Ее внуки, Вруну и Бьянка, совсем расшалились и устроили веселую возню на лестнице.

«А где же их отец? — заволновалась Мария. — Что-то его не видно. Сегодня надо обязательно поговорить с ним, чтобы он оставил бедную Лейлу в покое. Политические амбиции — это хорошо, но нельзя же из простой работающей женщины делать Эвиту Перон!»

Мария ценила целеустремленность и настойчивость сына, который шаг за шагом стремился к цели: сперва стал членом совета в муниципалитете Байшады, теперь баллотировался на пост префекта Сан-Мигеля, рассчитывая в ближайшем будущем стать сенатором.

«А вот и он, собственной персоной», — обрадовалась Мария.

Режиналду прошел через весь зал и остановился у столика, за которым сидели Вириату и Леандру.

Ей нравилось смотреть на своих детей. Как же они быстро выросли, возмужали, крепко встали на ноги.

Природа щедро наградила их яркой внешностью и самобытностью, но все они были очень разные.

Вириату — самый начитанный, красивый, элегантный, напоминает благородного джентльмена с туманного Альбиона. Целыми днями штудирует книги по искусству, этикету и эстетике.

Леандру — умница. Даже университетский диплом достался ему с легкостью. С такими талантливыми мозгами и интуицией можно достигнуть многого.

«Если бы немного ума он мог одолжить младшему брату, Плинию, — подумала Мария. — Он скачет по жизни, как резвый пони, не думая о завтрашнем дне, ничего не желая, кроме развлечений, смазливых девочек и ночных клубов. Зато у него легкий, безобидный нрав и хороший характер».

— Мария! Мария, посмотри сюда! — Кто-то звал ее.

Она обернулась, увидела Риту и улыбнулась.

Ее добрая приятельница Рита де Кассия, мама милой черноглазой Дианы, долго бродила в одиночестве по залу, ожидая момента, когда можно будет подойти к своей подруге. Сперва Мария долго обходила зал, приветствуя гостей, затем куда-то исчезла.

Рита уже отчаялась ее найти, но тут ноги сами привели ее в то место, где скрывалась Мария.

Она стояла к ней спиной на небольшом возвышении. От зала ее отгораживало декоративное дерево в кадке, за которым было так легко спрятаться.

— Рита, дорогая, почему ты грустишь? — спросила Мария. — Пей шампанское, веселись! О проблемах будешь думать завтра.

— У меня плохие новости от мужа, — сказала Рита.

— Даже из тюрьмы этот негодяй пытается тебя достать! — возмутилась Мария.

— Па свидании он поставил мне ультиматум: если я его не вытащу из тюрьмы, он вернется и с меня шкуру сдерет... — Рита горько заплакала.

— Ну хватит! Завтра я пошлю к нему своего адвоката.

В глазах подруги вспыхнул огонек надежды и благодарности.

— Но имей в виду, — нахмурилась Мария, — в этот раз я обязательно передам ему, что если он не оставит тебя в покое, я сделаю все, чтобы его срок затянулся еще лет на десять...

Глава 14

— Фургон во дворе! Фургон! — услышала Мария. В гостиной наметилось заметное оживление.

— Извини, Рита, там что-то происходит. — Мария быстро направилась к двери.

— Так и есть. Джованни! Что же он придумал на этот раз? — всплеснула руками Мария.

Много лет прошло с той страшной ночи, когда она оказалась в тюрьме Рио-де-Жанейро.

Именно руки Джованни подхватили ее тогда, в минуты отчаянья.

Всю дорогу, пока их везли в тюрьму, парень в нелепой зеленой рубашке пытался успокоить ее и хоть немного отвлечь от грустных мыслей. А потом, спасая от удара прикладом, прикрыл ее своим телом.

По сей день она питала теплые чувства к этому человеку и за долгие годы так привязалась к нему, что стала воспринимать его как младшего брата.

Прошло двадцать лет, а характер Джованни нисколько не изменился. Он был все таким же веселым, добродушным и предприимчивым. Как и прежде, он делал упрямые попытки завоевать Марию, хоть прекрасно знал, что сердце ее уже давно занято.

Он любил, грешил, иногда затевал интрижки, но потом просил прощения, и все начиналось по новой.

Несколько лет назад, вынашивая очередной «коварный план взятия неприступной крепости», он тесно сошелся с ее сыном Леандру, пытаясь растопить сердце его матери. Потом понял, что подходящий момент еще не наступил, затих на время и просто по-настоящему сдружился с молодым человеком, который с удовольствием стал его первым консультантом-советником.

За двадцать лет Джованни умудрился сделать карьеру от продавца лотерейных билетов до преуспевающего бизнесмена в строительной отрасли, немного подмочив репутацию нелегальным игорным бизнесом в самом начале карьеры.

Несколько лет назад его супруга Аиде скончалась, оставив мужу двух детей: сына Жоао Мануэла, дочь Дженифер, а так же «вечно ворчащий довесок», вздорную тещу Дону Флавиану, которая всегда хотела лучшего будущего для

своей дочери и раньше всегда пилила ее за то, что ее Аиде умудрилась выскочить замуж за «продавца лотерейных билетов», «авантюриста» и «криминального авторитета».

До сих пор мягкое сердце Джованни сносило все ее колкости и замечания.

Вот и сегодня перед тем, как отправиться на праздник он сдуру спросил ее, хорошо ли на нем сидит костюм. А она ехидно посоветовала нацепить к нему клоунский нос и парик для большего успеха.

На что Джованни отреагировал, как обычно: посоветовал не скалить фарфоровые зубы понапрасну, которые обошлись ему в кругленькую сумму, на что «тещенька» никак не отреагировала, а только хищно щелкнула зубами.

— Ну вся компания в сборе, — обрадовалась Мария. Рядом с ней тут же пристроились ее внуки: Бьянка и Вруну.

Наблюдать за веселой семейкой было всегда их любимым развлечением.

Огромный грузовик с трудом втиснулся между припаркованными машинами и остановился. За ним следовал автомобиль Джованни, который объехал его, уткнулся носом в лестницу парадного входа и замер.

Из машины выскочили возбужденные дети Джованни: Дженифер и Жоао Мануэл.

Его молодая подружка Даниэлла дождалась, пока возлюбленный откроет дверь, и манерно выплыла на ступеньки. Входить в дом и бросаться на шею Марии она не собиралась.

Наслаждаясь повышенным вниманием со стороны многочисленного общества, она демонстративно нагнулась, поправляя тубельки так, чтобы все могли увидеть ее прекрасные стройные ноги.

Дона Флавиана упрямо ждала, когда Джованни обойдет автомобиль, лично откроет ей дверь и подаст руку. Когда же зятек сдался, не торопясь вышла из машины, специально уронив платок.

— Думаю, что с Джованни на сегодня достаточно, — рассмеялась Мария.

По дона Флавиана и не хотела униматься. Проплывая мимо Даниэллы, она ущипнула ее за задницу и, как ни в чем не бывало, прошла в зал.

Этот факт не ускользнул от внимания внуков Марии. Они пришли в неописуемый восторг от выходки доны Флавианы и преданно затрусили за вздорной старухой, надеясь, что «концерт» продолжится.

Но Бьянка и Вруну просчитались. Пока они наблюдали, как дона Флавиана уплетает канapé на шпажках и сбрасывает «деревянные улики» в кадку с декоративным растением, Джованни устроил во дворе настоящее представление.

— Великой женщине — большие подарки! — воскликнул он, и по его сигналу из фургона появились мускулистые грузчики в белых фраках с бабочками на шеях.

Толпа возбужденно загудела. Молодые и старые дамы тут же подвинулись поближе, чтобы получше разглядеть такое зрелище.

— Что ты задумал, Джованни? — засмеялась Мария.

— Я решил сделать тебе такой большой подарок, который бы постоянно напоминал тебе обо мне.

— Ты собираешься подарить мне слона или бегемота?

Джованни застыл на месте и почесал круглый затылок.

— Хорошая идея! Дона ду Карму! Я обязательно ею воспользуюсь. А теперь смотрите внимательно! — Он пронзительно свистнул и из грузовика полились божественные звуки «Бесаме Мучо».

Медленно и чинно рояль и музыкант проплыли мимо ликующей и возбужденной толпы.

Грузчики шли серьезно и торжественно, как древние греки, вносящие троянского коня в Троию.

Когда Бьянка и Бруну давились от хохота, тайно наблюдая, как гостя уничтожает улики своего зверского аппетита, к доне Флавиане под села ее заклятая подруга сеньора Лаура.

Она церемонно поздоровалась и сразу завалила ее вопросами.

— Я слышала, что твой зятек сделал тебе подарок.

Дона Флавиана не стала отрицать этот факт, и растянула рот в широкой улыбке, демонстрируя белоснежные фарфоровые зубы.

— Бесподобно! — лицемерно воскликнула сеньора Лаура. — Еще я слышала, что Джованни завел себе новую подружку...

Флавиана промолчала.

— Говорят, что у нее силиконовые сиськи и... — Лаура наклонилась и что-то зашептала на ухо.

Любопытная Бьянка была сильно заинтригована. Она посмотрела на притихшего брата.

— Что будем делать?

— А давай, как в детстве под столом! — предложил он.

— Тогда я первая! — воскликнула Бьянка, нырнула под длинную скатерть и энергично поползла вперед.

По дороге она сделала несколько открытий: увидела, что почти все гости за столом сидят без обуви, заметила дырку на носке начальника почтовой службы дона Педро и стала свидетельницей легкой интрижки молодой парочки.

Благополучно добравшись до конечного пункта своего путешествия, она заметила, что дона Флавиана тоже скинула туфли и теперь сидит с растопыренными в разные стороны пальцами.

Как только Бруну увидел это зрелище, он не удержался и громко прыснул от смеха.

В то же мгновение они увидели под столом зловещий кулачок донны Флавианы и поспешили быстро ретироваться.

В холле было шумно. Повсюду ходили возбужденные и радостные люди, разгоряченные хорошим вином и изысканной закуской. Лейла увидела, как ее дети пулей выскочили из-под стола и устроили веселую возню на лестнице.

Она попыталась разглядеть мужа в толпе гостей. Ей очень хотелось помириться.

— Не могу поверить, он привел сюда эту шлюху! — Услышала она за спиной голос Клементины и повернулась.

На пороге стоял Режиналду, держа под руку свою секретаршу Вивиан.

После обычных церемоний приветствия они напрямик направились к ней. Чувство обиды нахлынуло с новой силой.

— Лейла, разреши представить тебе Вивиан Фонтес, — как ни в чем не бывало сказал Режиналду. — Она моя новая помощница и сотрудница. Между прочим, закончила университет и работает социологом.

Лейла собрала остатки сил. Она увидела, что дети моментально прекратили бегать по лестнице и внимательно наблюдают за происходящим.

Вивиан наслаждалась вниманием: сотни глаз смотрели только на нее. Она мило улыбнулась и протянула Лейле руку.

— Очень приятно!

Такого нахальства Лейла никак не ожидала. Ей очень захотелось сбить спесь с этого самодовольного личика, и она перешла в наступление.

— У нее есть образование? — Лейла сложила руки на груди. — Понятно. Несмотря на это образование, она — шлюха.

Почему ты грубишь? — вмешался Режиналду.

— Я — твоя законная жена и не позволю тебе на моих глазах обниматься с этой...

— Пожалуй, я пойду, — промурлыкала Вивиан, стыдливо опустив глаза.

Вежливая улыбка моментально слетела с губ Режиналду.

— Нет, сначала Лейла перед тобой извинится, — остановил он ее и с плохо скрываемой ненавистью посмотрел в сторону жены.

— Ты ревнуешь?

— Ты спутался со шлюхой!

— Она — профессионалка! — отрезал Режиналду.

— Да, я вижу, в чем она профессионалка...

Всем известно, что она моя, — Режиналду запнулся, — ...соратница, а ты думаешь только о плохом. Она — мой гость, и я ее пригласил.

В зале стало очень тихо.

— Я вам не помешаю? — вклинилась Мария в неприятный разговор. Она наблюдала за этой безобразной сценой из центра зала. — Налду, сынок, ты верно помнишь, чей сегодня праздник и кто решает, кого приглашать, а кого — нет? Так вот, мне не хотелось бы всем портить настроение. Думаю, что сейчас ты сам сделаешь правильный вывод.

В глазах Режиналду вспыхнул недобрый огонек.

— Хорошо, Вивиан уйдет, только и я уйду вместе с ней!

— Сделайте одолжение, — холодно сказала Мария.

Когда за ними захлопнулась дверь, она попыталась поговорить с Лейлой, но та ничего не хотела слушать и отчаянно бросилась вслед за мужем.

— Я докажу, я докажу всем, что они любовники! — кричала она.

Выскочив во двор, Лейла бросилась наперерез отъезжающей машине.

— Открой дверь, слышишь, шлюха, открой! Я сяду!

Вивиан строго смотрела перед собой и улыбалась. Это еще больше взбесило Лейлу, и она преградила путь, широко раскинув руки.

Автомобиль сделал обманный маневр и рванул с места, быстро набирая скорость.

Глава 15

Лейла была в отчаянии. Слепые от ненависти глаза ее не увидели, а скорее почувствовали присутствие еще одной машины.

Только что во двор въехал Венансиу, сын Себастьяна, старшего брата Марии. Одним из последних юноша спешил поздравить свою тетушку.

Он еще не успел развернуться, чтобы поставить машину на парковочную стоянку и долго прикидывал, как это сделать лучше, так как машин было слишком много.

Неожиданно, к нему в салон тайфуном ворвалась возбужденная Лейла.

Поехали, Венансиу! Скорей, скорей! За той красной машиной! Ну, пожалуйста, — торопила она.

Чуть позже Венансиу никак не мог понять, как Лейла умудрилась уговорить его гнаться за кузенком, как заставила пойти с ним в номер мотеля, чтобы застукать мужа и устроить грандиозный скандал.

То, что случилось потом, он вспоминал, как страшный сон.

Когда Режиналду удалось обманым маневром выскочить за ворота усадьбы матери, он сразу повеселел, оставив источник раздражения далеко позади себя.

— Налду, я так горжусь тобой! Ради меня ты не побоялся матери. — Вивиан нежно погладила его по затылку. — Я хочу сейчас же отблагодарить тебя. Хочешь прямо здесь, в машине.

— У меня есть на примете более подходящее место для этого. В миле отсюда есть отличный мотель с уютными номерами и большим бассейном, — улыбнулся Режиналду.

Он был доволен: все шло слишком гладко. У портье оказались ключи от его любимого номера, открытый бассейн в уютном дворике, куда они сразу же спустились, был пуст, а на Вивиан напало эротическое вдохновение.

Она плавала па спине, выставляя напоказ маленькую грудь и плоский живот, потом перевернулась и нырнула, специально сверкнув мокрыми ягодицами с изящной татуировкой.

— Когда ты перестанешь меня дразнить, и мы займемся делом? — спросил Режиналду.

Вивиан глубоко нырнула под воду и быстро поплыла к нему, почти касаясь дна бассейна.

От этого зрелища у него сразу закружилась голова, а тело покрылось мурашками. Он больше не мог ждать, почти силой вытащил ее из воды и жадно впился губами в ее шею.

Но даже помутневшими от страсти глазами Режиналду успел различить знакомый силуэт жены.

Лейла дерзко смотрела на него, стоя на перилах балкона. По вздрагивающим плечам ее Режиналду понял, что она рыдает, но это только подхлестнуло его самолюбие. С удвоенным усердием он стал ласкать Вивиан, которая почти отключилась под яростным нажимом его объятий.

Режиналду был очень зол на жену, и ему не терпелось отомстить ей, но он и

представить себе не мог, что уже переступил грань, и что сейчас произойдет что-то ужасное.

Лейла отпустила руки и, оттолкнувшись от перил, сделала отчаянный прыжок вперед.

Режиналду застыл от ужаса.

«Вот, дура... Теперь вес пойдет прахом: репутация, карьера, выборы, — лихорадочно думал он. — Но быть может, она жива и все поправимо?»

Он оторвал от себя ничего не понимающую Вивиан и быстро вылез из бассейна.

Вивиан вмиг почувствовав перемену настроения любовника, поняла, что что-то произошло, быстро оделась и поспешила за ним.

То, что она увидела на асфальте заставило ее брезгливо поморщиться и отойти в сторону. К горлу подкатил комок. Она посмотрела на Режиналду, но быстро взяла себя в руки.

— Нам нельзя раскисать, — решила она за обоих и решительно подошла к нему, стараясь не смотреть вниз.

Режиналду потерянный и бледный растерянно смотрел на свои ноги, на них была кровь, ее кровь.

— Почему в моей душе так пусто? Я должен плакать, страдать, чувствовать себя виноватым... — Ему вдруг захотелось нагнуться и погладить Лейлу по голове, но твердая рука Вивиан вмиг отрезвила его.

— Нет, расслабляться нельзя, надо все обдумать!

Режиналду упрямо тряхнул головой и впервые почувствовал страх за свое будущее. Он пропал! Его съедят живьем. Папарацци налетят сюда, как мухи на мед, и вся карьера будет испорчена.

— Налду, да очнись ты! Надо действовать! Ей уже ничем не поможешь, — пыталась привести его в чувство Вивиан.

Он поднял лицо, чтобы еще раз посмотреть на место, откуда упала Лейла, и замер от неожиданности. На балконе, совершенно растерянный, стоял его кузен Венансиу.

В холодной голове Режиналда молниеносно созрел план.

Па площадку перед отелем уже высыпала толпа любопытных зевак.

— Смотри, скоро весь отель сбежится посмотреть на это зрелище. — Услышал он шепот Вивиан. — Нам надо срочно уходить отсюда.

— Иди в номер, я приду позже, — отрезал Режиналду.

— Ты что-то задумал?

— Да. Потом узнаешь. Сейчас я должен кое-что срочно уладить.

Вивиан знала, что больше не вытянет из него ни слова, поэтому решила подчиниться.

Стремительно взлетев по лестнице на четвертый этаж, Режиналду буквально ворвался в номер. Венансиу так и стоял на балконе, вцепившись в перила.

— Что ты здесь делаешь? — перешел Режиналду в наступление.

— Твоя жена попросила срочно привезти ее сюда... А потом произошло все это. Режиналду, она видела тебя и Вивиан в бассейне. Я пытался ее остановить...

Режиналду несколько смягчился.

— Видишь ли, то, что произошло, уже непоправимо. Если избиратели узнают правду, это навсегда поставит крест на моей карьере. Если этого не произойдет, и ты поможешь мне, то и я награжу тебя по-царски.

— Что я должен делать?

— Лишь самую малость! Сказать, что уже давно был любовником Лейлы и привез ее в этот мотель на свидание.

— Но это же не так! — возмутился Венансиу.

— Знаю, что не так, и не устраиваю тебе сцен ревности. Послушай, тебе надо лишь кое-что взять на себя. Никто не посмеет обвинить тебя в убийстве, ты будешь проходить лишь как свидетель. Надо только подтвердить, что Лейла перегнулась через перила и нечаянно упала вниз...

— Но как же семья? Меня будут презирать все родственники и в первую очередь отец и моя тетя!

— Да, будут, но ведь это временно! Родные быстро прощают. А я сделаю все, чтобы продвинуть кузена. Ты будешь моим помощником. У тебя появится хороший заработок, большие деньги, безоблачная жизнь!

— О, Господи! Ты хочешь купить мою душу! — воскликнул Венансиу.

— Я первый прощу тебя, а потом и все остальные. Нужно будет лишь немного потерпеть.

Кузен сидел молча, вцепившись в кресло.

— Я ведь еще могу раздуть скандал, и тебе это тоже будет стоить репутации, — сменил тактику Режиналду. — Как ты объяснишь всем, что оказался наедине с моей законной женой в этом мотеле? Пока пройдет время, и все выяснится, твоя репутация очень сильно пострадает...

— Хорошо. Я согласен, — выдавил из себя Венансиу. — Говори, что я должен сделать.

Уладив дела с лишним свидетелем и портье, который за приличную сумму согласился забыть его имя, Режиналду вернулся в дом матери.

Праздник закончился. Все разошлись по домам, и только слуги все еще приводили в порядок парадный зал, холл и внутренний дворик дома в португальском стиле.

Дона ду Карму сидела на балконе своей комнаты: безмятежный пейзаж и тихо шуршащие деревья успокаивали ее. Увидев Режиналду, она тут же спустилась вниз и поспешила ему навстречу.

— Налду, вы помирились? У тебя все в порядке? спросила она и тревожно посмотрела па сына. Ей не понравилось, что он на нее не смотрит, а отводит глаза.

— Мама, все время я только и пытался сделать это: был у нас дома, бесполезно ждал ее, звонил подругам, но она куда-то исчезла. — Режиналду прикрыл рот ладонью и намеренно зевнул.

Мария нахмурилась: так серьезно се сын и невестка еще никогда не ссорились.

— Ладно, сынок, пойду успокою внуков, скажу, что с вами все в порядке, — сказала она.

— Спасибо, мама. Мне нужно поговорить с Леандру. Как только Лейла

вернется, скажи мне. Нам обязательно надо помириться.

Мария внимательно посмотрела на сына. Уже давно ее не покидало плохое предчувствие. Причем она не знала, откуда придут неприятности.

Мария поднялась к внукам. Уставшие Бьянка и Брупу мирно посапывали в кресле, укрывшись одним пледом. Она тихо вышла из комнаты и спустилась на кухню. Ее организм имел странную особенность: стоило ей прийти домой после обильного застолья, как часа через два ей зверски хотелось есть.

Упрекая себя за распущенность, она направилась в сторону кухни.

Старинные напольные часы, подарок Дирсеу на десятилетие их знакомства, пробили час ночи. Мария подошла к ним, поправила стрелки, которые всегда спешили, прижалась лбом к холодному стеклу и замерла, стараясь вспомнить то счастливое время.

— А я думал, что только лошади спят стоя, — это был голос Дирсеу, в одной руке которого был пустой поднос из-под торта. — Я вижу твои гости не теряли времени даром: торта не осталось ни кусочка.

Он сделал вид, что собирается облизать поднос. Мария засмеялась.

— Пойдем на кухню. — Мария схватила его за руку, подвела к духовке и вынула огромный кусок торта.

— Теперь я буду знать, где ты хранишь сладкое.

— Ты что, пришел попрощаться? Когда ты уезжаешь? — Мария перевела разговор на серьезную тему.

— Ты задала мне целых два вопроса. Так вот, отвечаю на оба: нет и нет! Я остаюсь здесь! Это мое окончательное решение. — Он поднял ее на руки и прижал к себе так сильно, что ей стало трудно дышать.

Глава 16

Душная ночь упала на землю. Одних она заставила на время забыть о заботах и погрузиться в мир снов и грез, других энергично окунула в бурлящую жизнь.

Улица Святого Себастьяна в небольшом городке Сан-Паулу была особенна тем, что совмещала невозможное и соединяла несоединимое.

Она славилась своими многочисленными увеселительными заведениями, а так же респектабельными круглосуточными магазинчиками и кафе. Здесь находились дешевые рестораны с тайской кухней и стильные бары с огромными телевизорами на улице, где в любое время дня и ночи можно было смотреть спортивные передачи. Два приличных театра стояли бок о бок с порнокино.

Нелегальные иммигранты, юные проститутки, сутенеры и афроамериканцы, круглые сутки торгующие очками от солнца и толстыми цепями из «самопального» золота — все они толпились на улице, тщательно высматривая клиентов. Проститутки зазывали мужчин из проезжающих машин и пытались раскрутить зазевавшихся прохожих: «Сладенький, не хочешь ли клубнички со сливками? Всего пятьдесят реалов за нежную девочку! Ну, посмотри, посмотри на меня, я как раз такая! Или ты яйца дома забыл?»

Когда в доме Марии ду Карму закончился праздник, неутомонный Плиниу

попытался уговорить своего брата Вириату продолжить веселье в популярном ночном клубе «Октопус».

— Вириату, сколько можно читать одни книги по искусству, надо хоть иногда окунуться в другую жизнь, общаться со сверстниками, ходить на вечеринки!

— Мне не интересно общаться со сверстниками. Я лучше сейчас лягу на любимый диван и прочитаю книгу. Я знаю, ты хочешь, чтобы я подвез тебя в клуб на своей новой машине и поработал еще твоим охранником! — язвительно осадил его Вириату. — Тем более ты просишь меня о невозможном: чтобы я оставил только что купленный мерседес на улице Святого Себастьяна!

— Там уже давно везде парковки, так что с твоей машиной ничего не будет. Да и полиция дежурит круглосуточно. А потом, — Плинию привел главный аргумент, — ты же хотел выбрать интерьер для будущего ресторана!

В глазах Вириату вспыхнул интерес.

— А при чем тут ночной клуб?

— А при том, что тебе нужно обязательно посмотреть, как дизайнеры его оформили. Ты же мечтаешь открыть Средиземноморский ресторан!

Брат задумался.

— Ты говоришь «Октопус», значит «Осьминог»... Действительно, морская тема.

— Ну как?

— Поехали! Хорошо ли там или плохо, но посмотреть на это надо.

Через двадцать минут он пожалел о своем опрометчивом решении.

В эту ночь на улицу Святого Себастьяна высыпали все, кому не лень.

Из многочисленных переулков неслись звуки соула, техно и рока. Молодые ребята кучковались на маленьких островках света под фонарями, лежали или сидели на свободных лавках. Некоторые из них катались на роликах или танцевали, разделившись на парочки под музыку, льющуюся из старенького магнитофона.

Все приличные парковки были заняты, и Вириату вынужден был остановиться в темном переулке недалеко от «Октопуса».

— Ну, я пойду? — извиняющимся тоном спросил Плинию. — Займу нам столик!

— Иди, — вздохнул брат. — И имей в виду: обратно ты поедешь на такси!

Плинию сложил губы сердечком, послал ему воздушный поцелуй и пулей вылетел из машины.

— Дуралей, когда ты станешь серьезней? — крикнул ему вслед Вириату.

Плинию повернулся, чтобы показать язык, и чуть не столкнулся в дверях с двумя матросами, которые еле держались на ногах, и, наверное, упали бы, если бы не бойкая барышня, которая вовремя выскочила из дверей «Октопуса». Веселой, спянной кучкой они соскользнули со ступенек ночного клуба и тихонечко пошли вперед, слегка пошатываясь и что-то громко лопоча на непонятном языке.

Вириату весь превратился вслух.

— На итальянцев не похожи, на французов тем более. Не немцы...

Троица вела себя непосредственно.

Неожиданно они затормозили у входа в аптеку под большим фонарем и Вириату удалось рассмотреть их получше. Один из них был с ярко-огненной шевелюрой, другой — абсолютно белобрысый. Дама же была в сарафанчике непонятного цвета размером с носовой платок и абсолютно лысая.

— Татка! Стихи давай! — приказал рыжий.

— Легко! О! — девушка внимательно посмотрела на неоновый красный крест. — Знаю!

Ночь. Улица. Фонарь, Аптека.
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет...

— Bravo, Татка! — зааплодировали матросы.

— Давай еще Пушкина! — попросил белобрысый.

Вириату уловил последнее слово и улыбнулся.

«Пушкин? Да, это русские!»

Раньше он никогда не видел русских, но был давним поклонником их культуры и даже знал несколько слов: «казачок», «водка», «Наташа», «Горбачев» и «перестройка».

— А теперь песня!

«Аванти популя а ля ристоса! Бандера роса! Бандера роса!
Аванти популя а ля ристоса! Бандера роса! Триумвера...»

Выводили нестройными голосами все трое, чудовищно коверкая текст песни героев испанского сопротивления.

Вириату улыбнулся. Эта тройка была ему очень симпатична.

Нетвердой походкой они перекочевали в двери ночного магазина «Атлантик бич».

Вириату проводил их взглядом до самых дверей. Они чуть было не столкнулись с девушкой, которая только что вышла из магазина, долго извинялись и, наконец, исчезли за толстыми стеклянными дверями.

Девушка огляделась по сторонам и смело шагнула в темноту.

Какая храбрая: не боится ходить одна по темным улицам, удивился Вириату.

Обостренное чувство ответственности заставило его выйти из машины и незаметно проводить ее до своего автомобиля. Но она и не думала соответствовать его планам, так как машины у нее не было, она прошла парковку и смело направилась в переулок, который вел к улице Святого Себастьяна.

Неожиданно из ближайшего подъезда выскочили двое. Один преградил ей путь, другой зашел сзади.

— Сама все отдашь или поиграем? — игриво спросил темнокожий амбал в вязаной синей шапочке, надвинутой на глаза.

Второй, такой же крупный и высокий метис, молча подошел к девушке и вырвал из рук сумку. Она попыталась сопротивляться.

— Резвая какая: меня за палец цапнула! — возмутился бандит и прижал ее одной рукой к грязной стенке.

— Сейчас она нам сама все отдаст и еще спасибо скажет.

В висках у Вириату застучало. Он решительно бросился на помощь.

— Эй! — крикнул он. — Эту даму есть, кому защитить!

По его слова произвели на грабителей обратное действие.

Темнокожий вытащил нож и приставил его к горлу девушки.

— Если сделаешь хоть один шаг в нашу сторону, будешь сам зашивать ей горло!

Вириату лихорадочно думал, как же помочь бедняжке.

— Пожар! — крикнул он, что есть силы.

Бандиты растерялись: этого они никак не ожидали.

Тут же в нескольких окнах зажегся свет, а на балконах стали появляться заспанные, недовольные лица.

Отдаленный шум улицы разрезал вой сирен. Преступники тут же оставили свою жертву и побежали в соседний переулок.

Девушка была очень напугана и стояла, прижавшись к стене. Вириату осторожно взял ее за плечи и повернул к себе.

— Все в порядке? Как вы себя чувствуете? — его слова возымели действие. Она кивнула и улыбнулась.

Маленькая, большеглазая, с короткой темной челкой, так похожая на мальчишку, она очень понравилась ему.

— Спасибо! Вы, кажется, спасли мне жизнь? — поблагодарила его девушка.

— Жизнь, может быть, а сумку — нет.

— Не волнуйтесь: ключи и кредитку я всегда ношу в кармане, — как бы в знак подтверждения она похлопала по заднему карману джинсов. — В сумке были книги. Правда, очень ценные для меня: по японскому дизайну и искусству ксилографии...

Вириату внимательно посмотрел на девушку и с трудом сдержал свою радость.

— Вы интересуетесь искусством? — спросил он, как можно равнодушнее.

— Да. Я учусь на дизайнера, поэтому изучаю все, что относится к этой теме.

— А знаете, мне хочется еще раз испытать удачу. Я оставлю вас на минуту?

Девушка очень удивилась, но промолчала.

Вириату завернул в переулок, куда убежали бандиты, и вскоре вернулся с сумкой и книгами.

— Как вам удалось?

— Обычно грабители забирают ценные вещи, а остальное выбрасывают в мусорный бак.

— Спасибо, теперь вы не только спасли меня, но и вернули мне мои книжные сокровища. Чем я могу вас отблагодарить?

— Дайте почитать одну из них.

— Я хочу хоть что-нибудь для вас сделать, — на этот раз девушка дотронулась до его руки.

— Тогда назовите свое имя.

— Мария Эдуарда.

Он взял ее за кончики пальцев и поцеловал руку.

— Вириату. Рад знакомству.

Щеки его новой знакомой тут же вспыхнули ярким румянцем, но руку она не отдернула.

— Нам придется задержаться, чтобы дать показания, — сказал он.

— Только не это! Совсем не хочется провести остаток вечера, общаясь с полицейскими. Знаете что? — девушка взяла Вириату за локоть. — Я прямо сейчас вас приглашаю в ресторан, и вы не посмеете отказаться. Правда? — она с надеждой заглянула ему в глаза.

— Меня еще никогда не приглашали девушки, — засмеялся Вириату.

— Все когда-нибудь происходит в первый раз, — философски заметила Мария Эдуарда, взяла его под руку и направилась к улице Святого Себастьяна. — Я знаю одно чудное местечко. Там отличная европейская кухня, инструментальная музыка и великолепный интерьер. — Она щебетала без умолку, пытаясь скрыть смущение.

Это был самый забавный и приятный вечер за последние годы его холостяцкой жизни.

Ночное приключение, милый ужин в уютном ресторанчике и прогулка по ночному городу — все это сблизило их и создавалось впечатление, что они уже давно знают друг друга.

Вириату оценил новую знакомую по достоинству. И раньше на его пути встречались привлекательные, умные женщины, но такое удивительное сочетание вкуса, красоты, храбрости и деликатности ему еще видеть не приходилось.

Как бы медленно они не шли, останавливаясь при каждом случае, чтобы полюбоваться на яркие витрины магазина или ночной пейзаж, через три квартала появился дом Марии Эдуарды.

Это был милый особнячок в стиле модерн, с небольшим садиком и красивыми коваными воротами. Мария Эдуарда остановилась.

— Спасибо за чудесный вечер и за все остальное, — сказала она и протянула ему книгу.

— Авона Грю, — прочитал Вириату. — «Искусство ксилографии». Теперь я вас должен благодарить: вы накормили меня, провели экскурсию по городу да еще снабдили увлекательным чтивом на неделю.

— Ошибаетесь. Я могу дать вам ее только на два дня.

Вириату засмеялся.

— А давайте завтра поужинаем где-нибудь еще. Теперь я должен вас отблагодарить за чудесный вечер.

— В семь часов я буду ждать вас у магазина «Атлантик бич».

— Спокойной ночи, милая Мария Эдуарда.

Он дождался, когда она войдет в ворота, а сам двинулся в сторону «Октопуса».

Плинию сидел на ступеньках клуба и дремал.

— Ну ты даешь! Где тебя носит? — сразу перешел он в наступление. — Я уже час здесь сижу!

— Поймал бы такси, — улыбнулся Вириату.

— Как я могу бросить родного брата и его машину? Я же понял, что ты где-то рядом и рано или поздно вернешься.

— Ну тогда поехали!

Марии Эдуарде стоило большого труда, чтобы не броситься на шею своему новому знакомому. Вириату действовал на нее, как магнит, и только хорошее воспитание заставляло ее быть сдержанной. Сейчас она была очень возбуждена и заинтригована, чтобы сразу идти спать. Оставшись наедине со своими чувствами, она не сразу открыла дверь в прихожую, а долго сидела на ступеньках особняка, вспоминая детали сегодняшнего вечера.

Из нескольких фраз Вириату она поняла, что его работа связана с ресторанным бизнесом. Он был начитан, хорошо воспитан, разбирался в тонкостях этикета.

Первый раз он удивил ее, когда подали пасту, любимое блюдо итальянцев. Вириату единственный из ее знакомых умудрился съесть все правильно, одновременно ловко пользуясь ложкой и вилкой. Затем он виртуозно выбрал из толстой карты вин ее любимое белое мозельское вино, и под него заказал «мацареллу» и виноград. А перед уходом купил ей в подарок бутылочку «Бордо», тщательно продегустировав несколько сортов и проявляя незаурядные навыки опытного сомелье.

Мария Эдуарда попыталась вставить ключ в замочную скважину, но вскоре поняла, что с противоположной стороны что-то мешает.

— Понятно! Опять родители что-то задумали, вынуждают, чтобы я позвонила и подняла весь дом на ноги. Не дождутся. Я не дам им возможности испортить такой замечательный вечер.

— Девушка спустилась во двор и посмотрела на окна.

— А не поехать ли мне к деду и доне Лауре? — решила она. — Они никогда не будут читать мне нотации.

Глава 17

Мария Эдуарда открыла гараж, вывела из него свой старенький красный велосипед и помчалась по улице, подставляя свое счастливое лицо ветру.

Район Копакабана находился в десяти минутах езды от их дома. Мария Эдуарда выехала на проспект Атлантика и свернула в переулок, который вел в просторное помещение паркинга. Там же была оборудована стоянка для велосипедов.

Поднимаясь на последний этаж дома барона Педру, девушка все время улыбалась. Она всегда любила ходить к нему в гости.

В свои восемьдесят, он был так же элегантен, красноречив и активен, как прежде и, несмотря на свой титул барона, был прост, добродушен и общителен со всеми. Многие молодые искательницы приключений с большим удовольствием бросили бы свою молодость и красоту к его ногам, но у барона были на это совсем иные планы. Он был из породы тех, кто любит женщин не за молодость и красоту, для него было важным найти для себя человека, который будет понимать

и любить его по-настоящему. И такой человек нашелся.

Накануне рождественского бума, десять лет назад, барон Педру отправился в огромный супермаркет, чтобы купить своей пятнадцатилетней внучке Дуде, новый велосипед.

Когда он поднялся в нужную секцию на пятый этаж, то заметил, что из приличных моделей осталась только одна. Все остальное было раскуплено. Он рысью потрусил к будущему подарку, нахваливая себя за то, что вовремя успел приехать. Когда же барон со счастливой улыбкой подошел к продавцу, то был огорочен, услышав неприятную новость: эта вещь уже продана.

У кассы стояла немолодая, но очень привлекательная женщина, похожая на всех голливудских красоток сразу.

Она заметила его замешательство и благородно отказалась от только что купленной вещи.

Так в его жизни начались замечательные перемены: завязалось знакомство, которое переросло в увлечение, а затем в тихую, нежную страсть.

Ее звали, как возлюбленную Петрарки — Лаура. И она была просто создана для него. Вместе они обожали развлекаться, путешествовать, сорить деньгами, при этом никогда не унывая и умея, если случится, довольствоваться малым.

В шестидесятые дон Лаура блистала в высшем обществе Рио-де-Жанейро. Ее фотографии не сходили со страниц элитных журналов и газет. В конце семидесятых ее муж-миллионер разорился, оставив ее без средств к существованию и без малейшей надежды на будущее: за долгие годы брака он не подарил ей ребенка, а она была слишком порядочна, чтобы решать эту проблему на стороне.

Живя в одиночестве, Лаура старалась не унывать и по возможности следила за собой, как прежде. Но только модные дорогие салоны заменила самостоятельными манипуляциями на собственной кухне, делая всевозможные маски и скрабы для увядающей кожи.

Встреча с бароном окрасила ее мир в радужную гамму. В жизни появился новый смысл. Лаура хотела прожить еще одну, последнюю жизнь с этим прекрасным человеком, встретить с ним глубокую старость и когда-нибудь умереть в один день.

Страсть барона не осталась незамеченной его сыном Леонардо, который от отца унаследовал только титул, но не благородство и чувство юмора. Его непомерное высокомерие и гордость чуть было не испортили жизнь барона Педру. И тогда Лаура решилась на настоящий поступок, чтобы оградить себя от бесчисленных нападков и упреков, она полностью отказалась от прав на владения барона. Сам же дон Педру, чтобы смягчить сына решил дать ему полное право распоряжаться своими капиталами, оставив себе лишь небольшое пособие. Когда материальные проблемы были урегулированы, конфликт исчерпал себя сам.

— Вот дед обрадуется, когда найдет меня утром в спальне для гостей, — думала Мария Эдуарда, вытаскивая связку ключей.

Она подошла к двери с медной дощечкой: «Барон Педру де Андраде и Коуту» и попыталась вставить ключ. Дверь была заперта изнутри.

— Странно! Все словно сговорилось сегодня! — Мария Эдуарда тихо

постучала, надеясь, что кто-нибудь из прислуги услышит ее. Простояв под дверью добрых двадцать минут, девушка сделала еще одну попытку: спустилась в холл и набрала знакомый номер телефона. Трубку никто не брал.

Случилось что-то серьезное! Чувство страха буквально пригвоздило ее к месту. «Я всегда знала, что за счастье надо платить, но только не этим!» Дед — единственный человек, кто любил ее по-настоящему, с кем ей было интересно. Мать и отец не в счет: они воспринимали ее лишь как объект гордости, как приятную деталь для их роскошного интерьера, но были слишком заняты выяснением своих личных отношений и карьерой...

— Что-то случилось? — к девушке подошел портье.

Марии Эдуарде удалось взять себя в руки и довольно связно рассказать ему о своих опасениях.

Она сразу почувствовала, как напрягся портье.

— Вы что-то знаете? — спросила девушка.

— Ну, — замялся он, — я совершенно случайно... Понимаете?..

— Говорите же, прошу вас! — торопила его Мария Эдуарда.

— Я слышал, как барон звонил своему шоферу Себастьяну...

— Что? Что он сказал?

— Он сказал, что в Париже умерла дона Жозефа...

— А потом?

— А потом? Они отпустили Себастьяна, всю прислугу и больше никуда не выходили.

— Надо срочно вызвать спасателей! — приказала Мария Эдуарда.

Через пять минут утреннюю тишину района Копакабана рассек вой приближающейся сирены.

Когда спасатели смогли проникнуть в квартиру барона через небольшое окно на кухне, им представилась странная картина.

Супруги Бонсучесу в обуви и парадной одежде лежали на кровати, держа друг друга за руки, словно прилегли на время отдохнуть.

На прикроватном столике стоял пустой флакон от снотворного...

Когда спасатели открыли дверь, Мария Эдуарда сразу бросилась к деду. Лицо его было умиротворенным и спокойным, руки — теплыми и сухими. Портье, то ли от переживаний, то ли от избытка чувств, прижался к стенке, чтобы не упасть в обморок. Его колотила нервная дрожь.

— Он жив! Вызывайте скорую! — крикнула Мария Эдуарда. — Она энергично тормозила деда, пытаясь привести его в чувства.

— Скорая уже едет, — успокоил ее спасатель. Он попросил всех выйти из комнаты и внимательно обследовал тело барона и баронессы.

— Это либо очень глубокий сон, либо каталепсия, — вынес он свой вердикт. — Если повезет, в реанимации мы быстро приведем их в чувство.

Машина скорой помощи отъехала от подъезда и помчалась в ближайший госпиталь, постепенно набирая скорость. Улицы Рио-де-Жанейро были пустынными и безлюдными. Часы показывали четыре часа утра.

«Самое страшное время, — подумала Мария Эдуарда. — С трех до пяти утра по статистике умирало наибольшее количество людей на всем земном шаре».

Она сидела в такси, которое ехало следом за скорой помощью, и пристально вглядывалась вдаль, словно могла видеть своих близких.

Неожиданно машина резко затормозила и остановилась на переходе. Впереди был шлагбаум.

Длинная серебристая стрела рассекла пространство, яростно громяхая колесами. Скорый поезд номер тридцать два курсировал здесь три раза в сутки. Огромная махина стремительно пронеслась мимо.

Шлагбаум по каким-то своим неведомым законам и не думал подниматься, тупо соображая своими электронными мозгами, когда поезд уйдет в безопасную зону.

— Ну, давай, давай! Проезжай быстрее! — торопила его девушка. Она высунулась в окно и сделала нетерпеливый жест рукой. Ее возбуждение сразу же передалось таксисту, он еще крепче вцепился в руль и заерзал на сиденье.

Дальше произошло то, что, на первый взгляд совсем не поддавалось разумному объяснению.

Дверцы машины скорой помощи распахнулись, и из отсека быстрой реанимации спокойно и красиво вышел пожилой мужчина, а за ним последовала дама...

— Де-душ-ка? — прошептала Мария Эдуарда и пулей вылетела из салона.

Барон Педру был удивлен дважды. Первый раз, когда обнаружил себя на узких носилках под капельницей в машине реанимации, второй — когда увидел бледное лицо собственной внучки.

— Дуда, девочка! Что произошло? — воскликнул он и кинулся ей навстречу. За ним поспешила дона Лаура.

Мария Эдуарда бестолково пыталась объяснить, как приехала к ним в гости, как обнаружила их в спальне с пустым пузырьком от снотворного. Она периодически переходила на плач и бросалась на шею с поцелуями то к одному, то к другому.

Мы не хотели никого пугать, — пыталась успокоить ее дона Лаура. Мы просто узнали о смерти нашей подруги доны Жозефы и решили вычеркнуть этот страшный день из своей памяти. Попросту говоря, проспять его.

— Да-да, Дуда! В банке со снотворным оставалось лишь две таблетки! Мы не хотели никого беспокоить, — попытался объяснить барон.

Все трое стояли на самой середине дороги, ничего не замечая вокруг.

— Я могу вас отвезти домой, — сказал шофер, который вылез из машины и теперь, еле сдерживая слезы радости, наблюдал за сумасшедшей троицей.

— Будьте любезны, голубчик! — сказала баронесса и деликатно села на переднее сиденье, дав возможность Дуде пообщаться с родным дедом.

Глава 18

Когда мерседес Вириату подъехал к дому ду Карму, стрелки на часах показывали четыре часа утра. Сонный Плиниу, не открывая глаз, на ощупь пробрался в гостиную и тут же уснул на диване, подложив под голову скомканный плед.

Вириату тихо прошел в ванную и включил воду, ругая себя за барские привычки. То ли его брат, Плинию, сама непосредственность: говорит, что хочет, делает, что хочет, за всю свою жизнь не держал в руках ничего тяжелее компьютерной мыши, и при этом остается милым и очаровательным. Никому просто в голову не придет сердиться на него.

Образ Марии Эдуарды преследовал его все время, пока он ехал в машине, пока принимал душ.

Разнеженный и усталый от новых впечатлений, он нырнул под шелковую простыню и забылся на целых восемь часов. Спал он очень крепко без сновидений, и даже шум улицы не мог разбудить его.

Яркое утреннее солнце постепенно переползло с подушки на лоб Вириату, потом на глаза, заставив его проснуться.

Он чувствовал себя бодро и радостно, как накануне Рождества или дня рождения. Вириату сладко потянулся, нежась в постели, затем заставил себя встать и бодро пошел в ванную, весело насвистывая мелодию «Двадцать четвертого каприса» Паганини.

Он распахнул дверь и буквально застыл на месте, чуть не столкнувшись с Миналвой, женой его брата Леандру.

— Что ты здесь делаешь? Подглядываешь за мной? — возмутился Вириату.

— Понимаешь, — замялась Налва, — ванная внизу была занята, и я поднялась к тебе... Думала, пока ты спишь, привести себя в порядок... Я пойду?

— Иди! — растерялся Вириату и немного посторонился, пропуская невестку вперед.

Налва скользнула в комнату, как бы случайно прижавшись к нему животом, и Вириату почувствовал, что от нее исходит какая-то чудовищная животная сила. Он помотал головой, пытаясь избавиться от наваждения, затем включил воду и встал под холодный душ, прислушиваясь к своим новым ощущениям.

Энергия наполняла его, переливалась через край и струилась по волосам, шее и всему телу.

Налва, как только за ее спиной закрылась дверь, замерла на пороге спальни. Как много бы она отдала только за одну ночь с Вириату, даже если он ни разу не прикоснулся бы к ней!

Простыни на кровати были смяты, на подушке осталась вмятина.

Тело ее, повинаясь каким-то первобытным инстинктам потянулось к этому еще теплему и притягательному лежбищу. Налва не раздумывая, нырнула в чужую постель.

От белья исходил тонкий запах Вириату. Она закрыла глаза и прислушалась к странным ощущениям своего тела.

Воспоминания нахлынули на нее внезапно. Вот ее привозят в дом мужа, ее, ослепительно красивую, с фатой, украшенной крупными жемчужинами, в белом платье, с новеньким колечком на безымянном пальце. Она чувствовала себя на грани эйфории: счастливая жизнь только начиналась. Это блаженство продолжалось бы и дольше, если бы не он, Вириату. Слишком поздно познакомил ее Леандру со своими братьями. И теперь ее жизнь в доме ду Карму превратилась в настоящую пытку.

Налва начала грубить Марии, старалась поменьше общаться с мужем, с которым до этого были прекрасные отношения. Чудовищная сила заставила ее согнуться под новым бременем, которое давило на сердце и истязало ее душу. Безумная, слепая страсть не давала ей мыслить ясно, пленительный образ, казалось, навсегда поселился в ее мозгу, и каждый день дразнил и мучил ее своей недоступностью и равнодушием.

Да, Вириату, как истинный джентльмен, оказывал ей знаки внимания: улыбался ей при встрече, вежливо выполнял ее мелкие просьбы и даже согласился поменять свою любимую комнатку с мансардой на комнату брата сразу после их свадьбы. Но на этом все закончилось. Он и не думал обращать внимание на молодую жену Леандру, тем более сойтись с ней поближе...

Шум воды стих. Налва буквально вырвала себя из постели и, еще раз жадно оглядев комнату с вещами Вириату, заставила себя выйти.

Уже в коридоре, прислонившись к замочной скважине и ожидая хоть раз увидеть своего возлюбленного без одежды, она разочарованно вздохнула. Вириату и наедине с собой оставался джентльменом и не позволял вольностей. Из ванны он вышел в махровом халате и в тапочках.

Налва прислонилась спиной к двери и отчаянно заплакала.

— Когда же закончится эта пытка? Сегодня же попрошу мужа дать развод.

Она не заметила, как к ней подошел Плинию.

— Что ты здесь делаешь, — удивился он. — Почему ты плачешь? Ты что, уже все знаешь?

Налва потрясла головой.

— Не расстраивайся. Мы должны объединиться и помочь Режиналду. Ему сейчас хуже всего.

Налва смотрела на Плинию и никак не могла понять, о чем он говорит.

— Такая молодая! Как она могла? У нее же дети... А может, это был несчастный случай? Мама пошла к Вруну и Бьянке. Хорошо, что они вчера остались у нас. — Набор непонятных фраз не сразу сложился в стройную зримую картинку.

— Лейла умерла? — постепенно до нее дошел смысл сказанного.

— Ее нашли в мотеле. Она упала с балкона. Но самое ужасное, что вместе с ней был сын Себастьяна, Венансиу.

Страшные новости подействовали на нее отрезвляюще. Налва поняла, что теперь к ней вернулась способность мыслить здраво.

— Я пойду к племянникам, — сказала она и быстро спустилась вниз.

Похороны Лейлы были назначены на среду.

В восемь утра вся семья была в небольшой церкви Виллы Сан-Мигель. Сюда же пришли семьи Себастьяна и Джованни Импротта.

Чуть позже подъехала машина барона Педру с супругой. Они принесли Лейле последний подарок — огромный букет лилий в круглой корзине.

Бьянка с утра капризничала и отчаянно не хотела просыпаться. Теперь же она не могла оторвать глаз от огромного коричневого пакета, в который был упакован букет.

— Ты в порядке, девочка? — Мария взяла Бьянку за руку. За последние два

дня она не отходила от своих внуков ни на минуту и теперь, как барометр, чувствовала малейшее изменение в их настроении.

У Вруну была другая проблема, он замкнулся в себе и не сказал ни слова с того момента, как узнал о гибели матери, лишь иногда подходил к Бьянке и молча гладил ее по голове.

Сердце Марии ду Карму готово было разорваться от боли и любви. Тихонечко, чтоб никто не видел, она выходила в сад и давала себе волю поплакать в голос. Дирсеу старался быть рядом и уходил только тогда, когда Мария опять возвращалась к внукам.

Лицо Лейлы прежде такое милое и простое теперь было чужим и холодным. Бьянка не сразу узнала в женщине, которая лежала в гробу свою мать. Вруну отвернулся и впервые заплакал. Он плакал горько и отчаянно, ничего не замечая вокруг себя. Его голос подействовал на собравшихся совершенно определенным образом, заставив заплакать всех.

Мария посмотрела на старшего сына. До этого он стоял совершенно безучастно. Теперь же на его упрямом лице появились две скорбные складки у рта, и он отвернулся.

Ду Карму подошла к нему и взяла его за руку, как тогда, в детстве, когда они хоронили собаку. Он принял ее сочувствие и прижался щекой к ее руке.

День тянулся невыносимо долго. Казалось, что он никогда не кончится. Солнце садилось и озаряло своим багровым светом лицо Лейлы, которая утопала в море цветов. Священник отслужил мессу и благословил прихожан. А живых он долго призывал к жизни праведной и чистой.

Последние слова произвели на Вруну странное впечатление. Он чуть было не набросился на священника с кулаками, долго кричал, что не хочет жить без матери, грозил кулаком небу, а под конец упал на свежий холм, и стал яростно разбрасывать землю, словно сам собирался лечь вместе с покойной.

Уже к вечеру, когда ритуал был закончен, гости стали расходиться.

Мария закрыла дверь за семьей барона и обратилась к Режиналду.

— Ты не будешь возражать, если временно Бьянка и Вруну поживут у меня?

— Нет, мама. Спасибо тебе. Тогда я пойду? — Режиналду попятился к двери.

Мария не могла отделаться от мысли, что ее старший сын что-то скрывает. Прежде всегда такой уверенный и прямой, он вел себя весьма странно: его тяготило присутствие Марии, он прятал глаза. Как в детстве, когда он проливал простоквашу или нечаянно наступал Киту на лапу, и не хотел признаваться в этом.

— Налду, — начала она, как можно мягче, — ты все мне рассказал? У меня такое чувство...

— Как ты можешь, мама? — возмутился Режиналду. — У меня горе, а ты. Эти странные вопросы...

— Прости, прости, Налду. Я знаю тебе сейчас тяжело, ты винишь себя за то, что поссорился с Лейлой.

— Да, мама. Но не надо об этом. Я поеду.

Мария поцеловала сына в щеку и закрыла за ним дверь. Ей надо было решить еще одну проблему: поговорить с братом, который, узнав о любовной связи своего сына Венансиу и Лейлы, выгнал его из дома.

У Себастьяна всегда был нелегкий характер, но эта мера была очень жестокой. Она попыталась дозвониться до него, но телефон все время был занят. Затем она набрала личный номер квартиры барона и баронессы Бонсучесу.

Ее брат по сей день работал шофером в их семье, хоть мог вместе с сестрой владеть магазином и заниматься развитием бизнеса. На все предложения ду Карму Себастьян всегда говорил одно и то же: «Мое призвание — сидеть за баранкой и служить хорошим людям».

— Ладно, решу эту проблему завтра, — решила Мария и пошла в спальню.

Глава 19

— Себастьян, я живу с тобой тридцать лет, — чуть не плакала Жаниси. — У нас трое прекрасных детей. Но никогда ты не был так жесток ко всем нам. Зачем надо было выгонять из дома бедного мальчика? Ты даже не поговорил с ним...

— Теперь у меня только две дочери и нет сына. Я ничего не хочу слышать о человеке, который все это время поступал так подло: спал с женой брата, да еще стал свидетелем ее смерти!

— Ну, послушай, ты хотя бы поговори с ним без крика. Он обязательно объяснит тебе, какова настоящая причина.

Себастьян упрямо помотал головой.

— Я не хочу больше говорить на эту тему, — он тяжело поднялся и вышел из комнаты.

— Ты свой автомобиль любишь больше, чем родного сына и меня! — в сердцах воскликнула Жаниси.

На самом деле ей было обидно и больно оттого, что в сердце мужа все эти годы торчала острая заноза. «Заноза» эта жила в Париже, имела сильный мужской характер, приличный счет в швейцарском банке и носила имя Жозефа.

Муж Жаниси все эти годы оставался верен жене только физически, но душа его была очень далеко...

«А теперь этот подарок с того света — автомобиль... — волновалась Жаниси. Чует мое сердце неспроста она сделала Себастьяну такой роскошный презент: теперь он ежедневно напоминает ему о прежних чувствах».

Венансиу сидел в соседней комнате своей младшей сестры Режининьи и слышал весь разговор родителей. До него он еще питал надежду на снисхождение, но после категоричного заявления Себастьяна, понял, что ему придется еще долго вымаливать прощение.

«И зачем я согласился на сделку с Режиналду? — ругал он себя. — Теперь в родной семье я стал изгоем и ради чего? Ради помощи кузену, ради зыбкого благополучия и своих политических амбиций...»

— Венансиу, с тобой все в порядке? — На него тревожно смотрели две пары девчачьих любопытных глаз.

— Спасибо, сестренки, что приютили меня на время, но мне надо идти, а то

у вас будут неприятности. Отец может войти сюда в любую минуту.

— Хочешь я сейчас же с ним поговорю, — предложила Элеонора и посмотрела на младшую сестру, словно ища у нее поддержки.

— Не надо, будет только хуже, — сказал Венансиу и молча вышел из комнаты.

Режининья всхлипнула и отвернулась к окну, к ней подошла Элеонора. Так они долго стояли рядом и смотрели на улицу. Венансиу стремительно вышел из подъезда, подошел к своему фургону и только потом оглянулся и помахал рукой.

Огромная машина тронулась с места, мигнула фарами на прощание и скрылась за поворотом.

— Подумать только, три дня назад все было хорошо, а сегодня мне кажется, что жизнь разваливается на части, — сквозь слезы сказала Режининья.

Элеонора обняла младшую сестру и поцеловала.

— Вот увидишь, может быть, через неделю мы всей семьей будем смеяться над этим недоразумением.

Они долго смотрели на фотографию, висящую на стене: мама, папа, Венансиу и они, веселые и красивые в карнавальных костюмах.

— Жаль, что под снимком нет даты, — сказала Элеонора, водя пальцами по стеклу.

— Мы его сделали, когда я училась в седьмом классе, а ты закончила первый курс медицинского колледжа.

— Хорошее было время, — вздохнула старшая сестра.

Тревожный ночной звонок разбудил Марию ду Карму.

«Господи, неужели опять случилось что-то ужасное», — подумала она и подняла трубку.

— Прости, прости, прости, — услышала она голос Дирсеу.

— Все в порядке я еще не спала, — соврала Мария. — У тебя что-то важное?

— Дело касается Линды. Только что один мой знакомый, хороший фотограф, сообщил мне, что готовится грандиозная выставка о тех событиях, тринадцатого декабря 1968 года...

— А при чем здесь Линдалва?

— Понимаешь, существует архив. Родольфо утверждает, что тогда был на площади и у больницы. И фотографировал, понимаешь? Фотографировал!

Сердце Марии учащенно забилось.

— Спасибо тебе Дирсеу, ты опять дал мне надежду!

— Это еще не все! — Голос Дирсеу звучал радостно и возбужденно. — Самое главное, что он лично фотографировал беременную медсестру с маленьким ребенком на руках.

Трубка упала к ногам Марии. Она долго пыталась ее поднять, но руки не слушались.

— Мария, Мария! Что случилось? — беспокоился Дирсеу на другом конце провода.

— Все в порядке, — соврала она. — Просто что-то со связью.

Всю ночь Мария не сомкнула глаз. Как назло стрелки на часах ползли

слишком медленно. Не в силах лежать, она ходила из угла в угол, останавливалась, подходила к часам и снова отходила к окну.

В какой-то момент она осознала, что стрелки на часах спешат на десять минут, обрадовалась и не стала их поправлять.

Ровно в девять она позвонила Дирсеу. Но его телефон молчал. Видимо, он все еще был в фотоархиве.

«Ну почему я не спросила, как с ним связаться? — корила себя Мария. — Сейчас я возьму себя в руки, выпью кофе и поднимусь к детям», — приказала она себе и вышла из комнаты.

Долгожданный звонок раздался в полдень. К этому времени Мария, переделав все дела, опять поднялась в свою комнату и уже не отходила от телефона.

И тем не менее, резкий звук телефонного звонка застал ее врасплох и заставил вздрогнуть.

— Дирсеу, дорогой, почему так долго?

— Нам пришлось «состарить» лицо медсестры на компьютере. Теперь у нас две ее фотографии: в молодости и в зрелости. Я сейчас же выезжаю к тебе. Мы должны подключить средства массовой информации и продумать стратегию поиска.

Мария не могла вымолвить ни слова. Она только постоянно кивала головой в такт словам Дирсеу.

— Мария, ты слышишь меня?

— Приезжай скорее. У меня нет сил ждать тебя так долго.

Дирсеу бросил трубку.

— Дона Мария, дона Мария! Что с вами? — стучала беспрерывно в дверь Клементина. — Я уже пять минут ломлюсь в вашу дверь. К вам пришел Джованни Импротта с какой-то молодой девушкой.

Мария заставила себя встать.

— Клементина, пойдешь скажи, что я сейчас спущусь. Пусть подождет немного.

Джованни возбужденно бродил по комнате и что-то говорил своей спутнице.

Его нежно-лимонный пиджак успешно гармонировал с ярко-желтым оттенком мебели в гостиной. Мария улыбнулась. Джованни явно выбрал именно этот пиджак только из-за того, что по цвету он напоминал ему одну из комнат Марии ду Карму.

«Если так дальше пойдет, — подумала Мария, — то вскоре мы будем носить вещи одинакового цвета».

Юная и симпатичная девушка лет двадцати, с огромными серыми глазами и светлыми волосами, сидела в кресле и внимательно следила за энергичными передвижениями своего спутника.

«А ведь так может выглядеть моя дочь»?.. — подумала ду Карму и подошла к ней поближе.

— Здравствуй, Мария, думаю, что за последние четыре дня я первый принес тебе хорошую новость? — начал издалека Джованни.

— Нет, ты немного опоздал: Дирсеу опередил тебя. — Мария не сводила глаз со своей гостью, одновременно прислушиваясь к своим ощущениям. — Сердце бьется ровно, внутри все спокойно...

— Ну, от этого журналюги мне никуда не деться! Он успевает все время бежать впереди телеги. — проворчал Импротта. — Но думаю, что моя новость будет настоящей бомбой по сравнению с его.

— Не тяни, Джованни, уже прошло десять минут, а ты так и не приступил к делу.

— И то верно! Знакомься — это Анжелика, — важно сказал он.

— Твоя новая подружка?

Девушка вспыхнула.

— Извините, — сказала Мария. — Совсем не хотела вас обидеть. Что же привело вас в мой дом? — обратилась Мария к девушке.

— Вот уже пять лет я ищу своих родителей.

В глазах Марии появился жгучий интерес. Теперь она ловила каждое слово новой знакомой.

— А что вам известно о них?

— Почти ничего. Они потеряли меня в день переворота, тринадцатого декабря. Потом я оказалась в детском приюте, а через год мне подыскали новых родителей. Вместе с ними я прожила пятнадцать лет, пока они трагически не погибли в автокатастрофе... Только после их смерти я узнала правду о себе и начала искать родных.

Мария под села поближе к девушке и дотронулась до ее руки.

— Спасибо, — она посмотрела в сторону Джованни и улыбнулась. — Что ж, я очень рада, что мой друг привел вас в мой дом. Надеюсь, что вы заинтересованы в том, чтобы узнать настоящую правду?

Анжелика согласно кивнула.

— Для этого, дорогая, надо сделать анализ крови.

— А можно эта девочка немного поживет у тебя в доме? — небрежно спросил Джованни. — Тебе же была нужна секретарша?

Мария поморщилась.

— Ты так хорошо умеешь переворачивать смысл слов. Ты такой остроумный и решительный, а до сих пор боишься, что твои «девочки» сожрут тебя живьем, если ты приведешь домой новую подружку?

Джованни сделал вид, что обиделся.

Мария подошла к сейфу, достала пачку в тысячу реалов и подошла к Анжелике.

— Я прекрасно знаю, как молодой девушке трудно жить без родителей и хорошего заработка, особенно в чужом городе. Сделайте одолжение, возьмите аванс в счет будущей работы, — она протянула ей деньги.

— Спасибо... Так много! Говорите, кого надо убить? — пошутила Анжелика, заставив Марию от души засмеяться.

— Раз у вас все в порядке с чувством юмора, думаю, что мы обязательно сработаемся!

— Как у вас весело! — восхитился Дирсеу. За разговором никто не заметил,

как он вошел в комнату и стал свидетелем последней сцены.

Дирсеу поздравил Марию с новой помощницей и сразу приступил к делу.

— Надевай свое любимое бежевое платье. Мы едем в студию.

— Позвольте, позвольте, дон Дирсеу, я ангажировал этих дам на целый день, и у нас в программе ресторан и посещение генеральной репетиции в Школе самбы. Так ведь, сеньора ду Карму? — обратился Джованни к Марии за поддержкой. Она выглядела озабоченной. Казалось, мысли ее далеко.

— Ты что-то сказал про студию? — переспросила она Дирсеу.

— В шесть часов вечера ты выступаешь в прямом эфире в программе «Свежие новости Рио». Я выбил для тебя целых десять минут. — Дирсеу словно не слышал слов Джованни. Он сосредоточенно смотрел на Марию, держа в руках фотографии. — Собирайся, у нас есть только два часа времени.

Дирсеу поймал ее напряженный взгляд. Она пристально смотрела ему на руки.

— Какой я идиот! Забыл о самом главном! Взгляни на это. — Он протянул ду Карму фотографии.

Мария взяла в руки первую попавшуюся. На нее смотрела довольно привлекательная пожилая женщина, лицо которой ни о чем не говорило. Волнистые волосы, высокий лоб, дерзкие скулы, упрямый подбородок, чуть вздернутый нос и чувственный рот...

— Я ее не знаю, — разочарованно протянула она.

— Не торопись, посмотри вторую, — настаивал Дирсеу.

Мария без особого трепета взяла ее в руки и поднесла к глазам... И вдруг из них водопадом хлынули слезы.

— Девочка моя, Линдалва! — только и смогла сказать она. Тело перестало ее слушаться и безвольно повисло на руках Дирсеу.

Она не помнила, сколько пролежала без сознания. Но, очнувшись, сразу же спросила о времени.

— Не волнуйся, дорогая, мы еще успеем все обсудить и не один раз съездить на телестудию и обратно.

Мария кивнула.

— Ты сейчас в состоянии говорить? — спросил он ее.

— Да, а что остается делать? Я не имею права быть слабой. Мне нужно десять минут, чтобы привести себя в порядок. — Мария извинилась и быстро вышла из комнаты.

— Какая сильная женщина! — сказал ей в след восхищенный Джованни.

Глава 20

Ровно в шесть часов вечера Луис Карлос Тедеску включил свою любимую программу новостей. Он любил работать под звук телевизора, умудряясь при этом общаться по телефону, проверять счета и делать кучу разных полезных дел. Сейчас он думал о Назаре.

Его супруга, всю ночь развлекалась в казино и пришла домой с рассветом, очень возбужденная и веселая. Она разбудила его, чтобы рассказать о своем

небольшом выигрыше в пятьдесят реалов и, не раздеваясь, заснула поперек кровати.

Луис Карлос раздел супругу, подsunул ей под голову подушку и укрыл одеялом. Заснуть он больше не смог и поэтому встал и прошел в свой кабинет. Часы на его столе показывали шесть часов утра. Он решил посмотреть новости.

Отличное начало для понедельника! Вот уже час Назаре нежилась в душистой пене своей огромной ванны, любуясь многочисленными полочками с бутылочками, баночками для крема и склянками для духов.

Иногда она высовывала свою стройную ногу с наманикюренными пальчиками и открывала пальцами ноги кран с горячей водой.

Мысли ее текли медленно и лениво, как облака в безветренный день. Она думала о своей новой сумке красного цвета от Диора, о молодом садовнике, который появился в доме соседей напротив, об Изабел...

«Знала бы девочка, кто ее родная мать, — усмехнулась Назаре. — Но мне не в чем себя винить, я люблю ее больше всего на свете. И никто не смог бы стать ей лучшей матерью, чем я».

— Дона Назаре! — раздался стук в дверь. — Вы не утонули? У вас все в порядке?

— Какая же ты глупая, Фауста. Стоит мне ненадолго прилечь в ванну, как ты сразу начинаешь устраивать цирк.

— Извините, я просто за вас испугалась.

— Ну, все! Иди. Я не собираюсь болтать с тобой через дверь. И приготовь мне завтрак.

— Но вы уже завтракали сегодня!

— А это уже не твое дело, сколько хочу, столько и буду завтракать, — возмутилась Назаре и нырнула под воду.

Через полчаса она вышла из ванны со свежим педикюром и тщательно уложенными волосами и сразу прошла в кабинет супруга.

— Дорогая, ты опять потратила больше необходимого? — мягко спросил ее муж, стараясь не глядеть на соблазнительную фигуру в муаровом пеньюаре.

Луис Карлос сидел в огромном кресле и проверял текущие счета.

— Ну, ты простишь своей кошечке эту малость? Я не виновата, что нечаянно увлеклась в магазине. И тем более про старого котика я тоже не забыла: купила ему галстук.

— Спасибо, дорогая. Пожалуйста, больше не называй меня старым котиком. И позволь напомнить, этот галстук у меня уже двухтысячный...

Назаре тут же надула губки и сделала вид, что очень обиделась. Но Тедеску был слишком сосредоточен, чтобы это заметить.

— Должен тебе сказать, — он сдвинул очки на нос и посмотрел в ее сторону, — еще немного, и я могу оказаться на грани банкротства. Ты должна понять меня. Хоть это временные трудности, но сейчас мне нужна помощь и взаимопонимание.

Назаре нахмурилась.

— Я не думала, что все так серьезно.

За все годы супружеской жизни Луис Карлос Тедеску еще ни разу не

упрекнул свою молодую жену за транжирство. Он не жалел денег ни для нее, ни для Изабел. При этом поддерживал материально свою первую семью, из которой Назаре силой вырвала его много лет назад.

Все эти годы Тедеску мучила совесть за предательство своей первой дочери Клаудии и ее матери. Он изо всех сил старался загладить вину повышенным вниманием и деньгами, часто встречая необъяснимое яростное сопротивление со стороны Назаре.

Она с первых минут невзлюбила падчерицу, хоть и старалась прикинуться нежной и деликатной мачехой. Клаудия чувствовала ее раздражение, когда она гладила ее по щеке, когда интересовалась успехами в учебе, а также во время совместных путешествий на пикник или походов по магазинам.

Она все чувствовала, недоумевала, но и не показывала вида отцу, что между ней и Назаре — огромная пропасть, лишь бы не расстраивать его и свою сестру Изабел, к которой была нежно и искренне привязана.

Луис Карлос знал, что рано или поздно он дорого заплатит за свой поступок. Теперь он сидел за столом в своем кабинете и думал, что наступающее ему на пятки скорое банкротство — это и есть то возмездие, которое настигнет его. За старый грех он заплатит своим нынешним благополучием.

— У нас в студии почетный член городского собрания, хозяйка Виллы Сан-Мигель, Мария ду Карму.

Па экране телевизора появилось лицо красивой женщины. Она была так привлекательна, несмотря на зрелый возраст, что Тедеску отложил бумаги и внимательно посмотрел на нее.

— Дорогие сограждане! Я обращаюсь к вам за помощью, — сказала она, глядя прямо перед собой. — Двадцать лет назад у меня похитили дочь. Все эти годы я не переставала искать ее, но все было безуспешно. — Он увидел, что по ее горлу прошел неожиданный спазм. Чья-то добрая рука тут же появилась в кадре с бокалом воды. Ду Карму отрицательно помотала головой и продолжила. — Совсем недавно мои друзья обнаружили фотографию незнакомки, которая называла себя Лурдес. Тринадцатого декабря эта женщина похитила мою дочь Линдалву. Их тогда случайно запечатлел фотограф. Вот эта фотография. Так похитительница выглядела в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом, а так может выглядеть в настоящее время.

«Какой кошмар, просто индийские страсти», — подумал Тедеску и нацепил на нос очки.

С экрана на него смотрела его собственная супруга Назаре.

Он оцепенел на мгновение. И вдруг в ушах его зашумело, и свет стал тихо меркнуть.

Было ощущение, будто выключили лампочку. Темнота залила глаза и странным образом заструилась по всему телу, словно хотела уничтожить все клетки его организма на своем пути. Тедеску усилием воли встал из-под стола. Сейчас он должен, он просто обязан что-нибудь сделать.

— Ты! Ты! Ты! — закричал он и с такой силой оттолкнул кресло, что оно опрокинулось навзничь, задев зеркало, по которому в разные стороны мгновенно расплзлись тонкой паутиной длинные нити.

Тедеску обернулся от неожиданности и поймал отражение цепкого и холодного взгляда Назаре. Ее лицо, опутанное сеткой паутины, напомнило ему образ медузы Горгоны.

В памяти Луиса Карлоса стремительной каруселью пролетели давние воспоминания. Вот, Назаре говорит, что скоро станет матерью. Вот происходит ссора, потом он видит свою новорожденную дочь. Изабел...

— Изабел — не моя дочь? — Глаза его побелели от ненависти, подбородок затрясся. — Ты, чудовище, подстроила все это! Ты развела меня с матерью Клаудии! Ты украла Изабел! — Он говорил, а сам пытался осмыслить все сказанное.

Произнесенные слова вызывали в его сердце острую боль. И он первый раз за много лет испугался, что умрет на глазах той, кого он так люто возненавидел минуту назад.

Тедеску собрал последние силы и задал главный вопрос.

— Зачем ты сделала это? Я же готов был содержать тебя как любовницу, я платил тебе хорошие деньги...

Глаза Назаре сузились.

— Те жалкие крохи ты называешь деньгами? Я — особенная женщина и не в моих правилах довольствоваться малым. Или все, или ничего — вот мое золотое правило!

Назаре чувствовала страшную досаду за то, что произошло несколько минут назад. Какая-то третьесортная передатка разбила все, чем она так долго дорожила, вывела правду наружу, погубив все.

Если бы Назаре могла убивать глазами, она бы непременно сделала это.

Увидев, как вмиг погрузневшее тело Тедеску, не найдя опоры, стало оседать на пол, она подлетела к нему, чтобы добить его, как раненного зверя.

Подойдя в плотную к мужу, который все еще пытался удержать равновесие, цепляясь за край письменного стола, она легким жестом «помогла» ему упасть.

Ее лицо хищной маской нависло над его незащищенным телом. Тедеску даже закрыл глаза, чтобы не видеть это зрелище.

— Да, ты можешь считать меня чудовищем. Хотя всю жизнь я мечтала только об одном — стать счастливой! И боролась за свое право всеми возможными способами! И еще, унеси с собой в могилу мои последние слова: ты был женат на проститутке, у которой были сотни мужчин до тебя. Я несколько лет работала в борделе мадам Берты!

— Лекарство! Дай мне лекарство! — Голос Тедеску звучал тихо и неуверенно.

Он взглядом показал на ящик письменного стола и судорожно схватился за сердце.

Назаре, не торопясь открыла стол, и стала изучать его содержимое.

— О-о! Сердечные капли? — протянула она. — Как ты сейчас в них нуждаешься!

Внизу стукнула дверь, Назаре посмотрела на часы и нахмурилась: вернулась Изабел. Она подошла к окну, выбросила на улицу пузырек с лекарством и вышла из кабинета.

Изабел бросила сумку с книгами в прихожей и сразу направилась в кабинет отца. Обычно, когда она входила в дом, он обязательно встречал ее у порога или на лестнице, интересовался, как прошел день и частенько зазывал в свой кабинет поиграть в шахматы или вместе посмотреть какую-нибудь передачу.

Иногда они так увлекались разговорами, что заранее расставленные шахматные фигуры, так и оставались нетронутыми.

— Папа! Я пришла! — крикнула Изабел, поднимаясь по лестнице.

Дверь кабинета была наглухо закрыта. Это ее очень насторожило. Она знала привычку отца: работать с открытой дверью, чтобы при малейшей возможности можно было пообщаться с ней или ее сводной сестрой Клаудией.

Изабел распахнула дверь и замерла на пороге. Луис Карлос Тедеску лежал на ковре, беспомощно держась за сердце. Глаза его были закрыты.

Девушка лихорадочно заметалась по комнате: кинулась к отцу, затем к телефону и только потом вспомнила, что в столе лежит пузырек с лекарством.

Тедеску беспомощно следил за ее метаниями и что-то пытался сказать.

— Папа! Ящик пуст! — отчаянно крикнула Изабел и попыталась самостоятельно поднять его отца с пола. Ей почему-то казалось, что стоит переложить его на диван, кошмар закончится.

— Я... должен сказать... — Тедеску упрямо пытался сражаться с беспомощностью.

— Я тоже тебя люблю! Молчи! Не пугай меня, папочка! Сейчас я спущусь к маме, и она найдет лекарство!

Упоминание о Назаре свело его сердце судорогой.

— Назаре не... Назаре меня... — его глаза последний раз скользнули по лицу Изабел и застыли, наткнувшись на семейную фотографию.

Девушка почувствовала, как душа отца сжалась в одну точку, и эта точка поплыла, поплыла куда-то, подальше от этого мира боли и страданий.

Изабел свернулась калачиком у его еще не остывшего тела и горько заплакала.

Глава 21

Джованни Импротта, как всегда, взял на себя большую часть заботы о похоронах Лейлы.

Он видел, как странно вел себя старший сын Марии, Режиналду: ходил с непроницаемым лицом, был холоден, если не сказать равнодушен, словно все происходящее меньше всего касалось его. Но Джованни списал такое поведение на счет пережитого стресса и даже шока, в состоянии которого находился Режиналду.

Он помог ду Карму выбрать самое лучшее бюро ритуальных услуг, уладил дела со страховкой и взял на себя организацию прощального ужина в ресторане. Домой он приехал разбитый и усталый. Все домашние были подавлены, и вся его семья: Жоао Мануэл, и Женифер и даже неугомонная теща — дона Флавиана.

Они только что вернулись в свой дом, расползлись по диванам в гостиной и отдыхали молча, лениво наблюдая друг за другом. Импротта, обессиленный, сел в

кресло у окна.

— Я горжусь тобой, Джованни, — первой подала голос дона Флавиана. — Ты так помог семье ду Карму.

Импротта, никогда не слышавший от тещи комплиментов, даже привстал от удивления и пристально посмотрел в ее сторону. Она с невозмутимым выражением лица лежала на угловом кожаном диване, задрав усталые ноги на спинку.

— Дона Флавиана, у вас закончились карманные деньги? — невинно спросил он.

Дети, до этого безучастно лежавшие на диванах, приготовились услышать какую-нибудь острую пикировку их отца с тещей и в предвкушении вытянули шеи.

По ничего не произошло. Ответа не последовало.

Джованни сам приподнялся и посмотрел в сторону тещи:

— Дона Флавиана!

— Хыр-р, пуф-ф-ф, хыр-р, пуф-ф-ф... — раздалось из угла.

Развлечение откладывалось до другого раза.

Джованни очень нуждался в отдыхе.

За последнее время только за счет своего бурного темперамента, ему удалось повернуть кучу сложных и важных дел.

Свой строительный бизнес он часто сравнивал с ездой на велосипеде, где вынужден был выступать в роли лидирующего гонщика.

Строительная отрасль в пригороде Рио развивалась очень мощно и стремительно. За год напряженного труда можно было сколотить целое состояние. А ему было о ком позаботиться.

Несколько лет назад он остался вдовцом с двумя детьми и безутешной тещей на руках. Весь фокус состоял в том, что несмотря на то, что его дети уже выросли, им ни разу не приходило в голову заняться каким-нибудь серьезным делом и подумать о хлебе насущном и будущем дне. Они порхали по жизни беззаботными бабочками, при любой возможности уверяли Джованни, что все его обожают и любят. Ну, разве на них можно было сердиться?

Мысли дона Джованни сами собой перескочили на более приятную тему. Несколько лет назад он был избран в президенты школы самбы «Унидус де Вилла Сан-Мигель» и старался бывать там каждый день, делая все для дальнейшего процветания этого заведения.

Джованни грустно улыбнулся, вспомнив, как всего пять дней назад зажигательно отплясывала Миналва, невестка доны ду Карму.

Ее податливое тело энергично двигалось под прерывистый ритм самбы. Игривые повороты корпуса и бедер приводили зрителей в восторг. Нервная мелодия то затихала, то усиливалась, заставляя и зрителей и танцоров впадать в эйфорию восторга.

Вдруг от небольшой группки учениц отделилась тоненькая фигурка юной Режины. Она явно хотела произвести впечатление на сына барона, Жоао Мануэла.

— Эй, Маурисиньо! — Она ласково позвала его по имени. — Я тоже умею не хуже!

Она почти вплотную подошла к Налве, и пружинящими движениями в стиле испанского фламенко, почти что вытеснила ее из круга. Но тут Миналва пошла в наступление, делая упор на эротичные движения бедрами, и взяла реванш.

Публика взревела от восторга.

— Моя смена подросла, — сказала Миналва, когда шутовское состязание закончилось, и подмигнула Режинье.

«Надо приглядеться к младшей дочери Себастьяна. Из Режининьи может выйти неплохая танцовщица», — подумал он тогда. Мысль о Себастьяне неожиданно заставила его нахмуриться.

«Что же мне так не понравилось вчера? — Джованни наморщил лоб. — Ах, Налва! Вчера на площади она поцеловала Вириату у всех на глазах. Это видел не только Плинну, но и его строгий дядя Себастьян. Только бы это не дошло до Леандру. Надо поговорить...» — но коварный сон прервал его мысли, и Джованни заснул.

Ему приснилась большая такса в пиджаке лимонного цвета. Она ходила на задних лапах по площадке школы самбы и пыталась танцевать.

— Раз, два, три! Ритм держи! Четыре, пять! Будем долго танцевать! — приговаривал он ей.

— Да проснись, Джованни! — Дона Флавиана безуспешно тормозила его за плечо. Она развернула зятя к себе и тихо захихикала: он спал, как младенец, приоткрыв рот. Только соски не хватало. Джованни почмокал губами, повернулся на бок и принял позу эмбриона, при этом засунув в рот большой палец.

— Ты посмотри на него! — возмутилась теща. — Этот великовозрастный младенец и не думает просыпаться.

— Бабушка! Что ты делаешь? — возмутилась Женифер.

— Как видишь, вытираю слюни твоему отцу. Только что звонила ду Карму. Случилось несчастье. В Педра Ласкада ливень смыл дома, и им нужна срочная помощь.

Женифер внимательно посмотрела на отца и сама принялась за дело. Она сняла с него ботинки, стянула один носок и нежно пощекотала его за пятку.

Флавиана от удивления открыла рот.

— Разве так будят? — не удержалась она.

— Бабуля, ему бесполезно зажимать нос или устраивать шум, от этого он заснет еще крепче.

— Откуда ты знаешь?

— Это фирменный способ мамы, — попыталась объяснить Женифер. Ее золотистые кудряшки упали на лоб, и она все время пыталась с ними справиться.

«Как она похожа на мою дочь, такая же хорошенькая и беленькая, как Барби», — Дона Флавиана печально вздохнула, вспомнив о дочери.

— Смотри, бабушка! Сейчас он чихнет и проснется!

— Но какая связь между ногой и носом?

— Не знаю. Может, у него там есть какая-то ниточка?

Нос дона Джованни как бы в подтверждение собрался в смешную гармошку, рот раскрылся, работая, как насос, и он громко чихнул.

— Будь здоров, Джованни! — сказала теща и протянула ему свой чистенький, накрахмаленный платочек.

Импротта медленно встал и по-собачьи помотал головой, стряхивая с себя остатки сна.

— Вы вместе сторожили мой покой? — К нему постепенно возвращалось чувство юмора.

— Нет, папон, наша бабаньетка пыталась тебя разбудить, а сестренция ей помогала! — все это время Жоао Мануэл наблюдал за сценой пробуждения со своего дивана.

— Перестань выпендриваться! — шикнула на него Женифер.

— Дон Импротта, по-моему, нашего мальчика пора приучать к серьезной жизни. И для начала ему надо немедленно нанять учителя словесности. — вмешалась дона Флавиана.

— Так зачем вы меня будили? Случилось что-то? — Джованни сделал серьезное лицо.

— Звонила ду Карму и просила срочно с тобой связаться: в Педра Ласкада наводнение, — объяснила дона Флавиана.

Импротта вскочил, как ошпаренный.

— Не ждите меня сегодня! Вечером вам позвоню.

— Ты куда, папочка? — забеспокоилась Женифер.

— У папы дела, — Джованни остановился и вернулся в гостиную. Он прижался щекой к руке доне Флавианы, поцеловал сына и дочь.

— Не скучай, мышонок. Быть может, я вернусь завтра.

Он стремительно вышел и захлопнул за собой дверь.

На глазах Женифер появились слезы.

— Обидели мышку: написали в норку, — тут же пошутил брат.

— Я тебя заставлю быть воспитанным, — воскликнула дона Флавиана и выбрала подушку побольше.

Словно большой снежный ком рассек пространство комнаты и угодил в голову Женифер.

— Бабушка! — возмутилась девушка.

— Подумаешь один раз промазала! Ты лучше помоги мне: заходи с тыла.

Через пять минут Жоао Мануэл был загнан в угол и просил пощады. Он обессиленно лежал на полу и махал кружевным белым платочком своей бабушки.

Дамы же для профилактики еще немного пощекотали его, посидели на поверженном, а затем объявили перемирие и пошли пить чай.

Глава 22

Режиналду возбужденно ходил из угла в угол по своей спальне.

— Ну ты подумай, мать сняла со счета сто тысяч реалов! Когда я попросил ее о такой сумме на свою предвыборную кампанию, она даже запретила мне думать об этом.

Вивиан, разнеженная и утомленная слишком бурной любовью, лежа на спине, лениво следила за ним одним глазом. Каштановая челка упала на лицо, но

она и не думала ее поправлять. Будь ее воля, Вивиан закрыла бы все окна, заперла дверь на ключ и проспала бы весь день в свое удовольствие. А сейчас ей опять придется думать и за себя и за Режиналду.

«До чего ж он туповатый, — подумала она. — Не видит очевидных вещей».

— Ты слышишь меня? — Голос Режиналду прозвучал громче обычного.

Вивиан сделала усилие и привстала на локтях.

— Пока ты ходишь передо мной голый в одних носках, я не могу сосредоточиться.

— Хорошо, я надену майку.

— Тогда это будет еще сексуальнее, и мы не выйдем отсюда до вечера, — Вивиан перевернулась на живот, дразня его дивной маленькой татуировкой внизу спины, на подступах к копчику, и откинула волосы.

Режиналду, как замороженный, смотрел на изящный изгиб позвоночника, который начинаясь длинной шеей, тоненькой изящной струйкой скользил вниз, где заканчивался дивным рисунком, от которого было невозможно оторвать глаз.

Он тут же сел на кровать и положил руку ей на бедра.

— А почему ты выбрала такой странный сюжет: змею, кусающую себя за хвост?

— Это Уроборос — мой талисман. Он делает меня неуязвимой и совершенной.

Режиналду улыбнулся и долго водил по силуэту пальцем.

— Тебе нравится мой талисман?

— Очень! И знаешь почему? Он выражает твою сущность.

— Ты хочешь сказать, что я по сути змея? — возмутилась Вивиан, оттолкнув его руку. Она резко встала.

— Чем-то да. Во-первых, ты такая же гибкая.

— Дальше.

— Во-вторых, ты такая же красивая.

— Дальше. — Вивиан ходила по комнате, пытаясь собрать в кучу разбросанные вещи.

— Ну, а в-третьих, ты очень опасна для своих врагов. Если ты кого-то невзлюбишь, то не успокоишься, пока не уничтожишь.

— Да, со мной лучше дружить. Ты реабилитирован. — Вивиан надела на голое тело платье из тонкого шелка и вплотную подошла к Режиналду.

— Я подумала, что тебе неплохо бы присоединиться к своей матери во время ее поездки в Педра Ласкада?.. — Она демонстративно скомкала трусики и лифчик.

Режиналду смотрел на них, как замороженный.

— Умница! Как я сам не догадался! Это отличный ход для моей избирательной кампании! — Он еще раз взглянул на руки Вивиан. — Что ты делаешь?

Девушка положила белье в карман его пиджака.

— Знай, когда ты будешь разговаривать с матерью, я рядом.

— Ты удивительная женщина! Вместе мы горы свернем.

— Насчет Эвереста и Альп не знаю, а вот Каркаваду точно!

Мария хорошо знала, в каких жутких условиях могут существовать люди. Но, попав в беднейший район фавел, она содрогалась от ужаса и жалости, видя в каких труппах живут ее соотечественники.

Страшный ливень легко проник в замкнутый, непроницаемый мир бедняков, куда даже полицейские не решались наведываться, и унес весь их нехитрый скарб, разрушив дома и смыв урожай. И тогда эти задавленные жизнью люди, забыв о нехитрых сбережениях, бросились спасать своих детей, стариков и животных. И что примечательно: ни одного случая мародерства не было.

Когда в дом Марии пришел Режиналду, она обрадовалась, что в сыне наконец-то проснулись человеческие чувства, что он безвозмездно хочет помочь несчастным людям, но быстро увидела, что он лишь собирается устроить себе очередную рекламу за ее счет.

— Это все твоя змея Вивиан, — не удержалась Мария. — Сам ты никогда бы до этого не додумался.

— Мама не называй ее так. Эта женщина помогает мне в работе. И потом...

— Что потом?

— Рано или поздно она станет моей женой. Именно о такой женщине я мечтал! — с вызовом сказал Режиналду и сунул руку в карман.

— Ты можешь мечтать о ком хочешь, ты можешь жениться на ком хочешь, но ты не можешь использовать мое имя и мою репутацию в своих корыстных целях. Когда ты забудешь о себе и своей выгоде и будешь помогать другим людям, я первая приду к тебе на помощь и поддержу тебя, — Мария говорила твердо и уверенно, внимательно наблюдая за сыном. — Что у тебя в кармане? — неожиданно спросила она.

Режиналду вспыхнул.

Мария подошла вплотную и дотронулась до его локтя. От неожиданности Налду резко выдернул руку, которая до этого утопала в кармане пиджака, и застыл в смущении. Сделав дугообразный полет, трусики прочертили красивую дугу и плавно приземлилась к ногам ду Карму.

— Какие нынче странные носовые платочки выпускают? — удивилась Мария.

Когда за ее сыном захлопнулась дверь, она разрешила себе посмеяться вволю.

«Надо что-то с ним делать. Если раньше я один на один сражалась с высокомерием и эгоизмом, доставшимся ему от родного отца, то теперь у него появилась союзница», — подумала Мария.

Она подошла к огромному зеркалу, стоящему у окна, выбрала расческу помягче и стала неторопливо расчесывать волосы. Это всегда помогало ей успокоиться и серьезно о чем-нибудь подумать. «Если бы в детстве рядом с моим сыном было плечо настоящего мужчины, он никогда бы не стал таким».

Она с грустью подумала о Дирсеу. «Ну почему это не его дети? Почему самый недостойный мужчина стал их отцом? Почему всю оставшуюся жизнь рядом с ней будет ходить копия ее мужа Жозевалду?»

Когда ее старший сын подрос, он стал просто копией отца. Она не могла смотреть на него без боли: именно так выглядел ее первый супруг тогда, когда

они провожали его всей семьей на заработки. И ладно бы — внешность. Самое неприятное то, что Режиналду унаследовал от отца привычки, походку и скверный характер.

— Где ты теперь, Жозевалду? Чье сердце ты сейчас разбиваешь? — спросила Мария свое отражение.

А Жозевалду в это время сидел на своей маленькой грязной кухне и не мог оторвать глаз от телевизора.

— Ду Карму! Черт! Ду Карму!

Это была та самая деревенская девочка с большими сиськами и ангельским личиком, но только теперь совсем чужая и взрослая.

Взгляд ее выражал уверенность и даже таил какую-то тайну. Эту изюминку Жозевалду встречал редко у особей противоположного пола и ценил ее больше всего на свете. Эх! Завалить бы ее на часок, другой! Поиграть, как тогда на сеновале! Сладкие воспоминания болью отозвались в постаревшем и износившемся от переизбытка жизненных удовольствий сердце.

Его последняя подружка, на чьи деньги он прекрасно просуществовал целых два года, сказала как-то, что его сердце потрачено молью, и теперь ему даже нафталин не поможет!

— Дура! Что ей было надо: крепкий мужик в доме, только корми и одевай! А она выкинула меня, как паршивого щенка. — Он с размаху ударил кулаком по столу, отчего алюминиевая вилка жалко звякнула и упала на пол.

Мысли Жозевалду опять вернулись к ду Карму. «Интересно, она живет одна или у нее кто-то есть? Судя по новостям, эта „сеньора“ неплохо живет. Как там сказали? — „Потратила сто тысяч реалов и безвозмездно привезла строительный материал в Педра Ласкада...“»

— Как она может так бестолково разбазаривать семейные деньги! Вывод один: ей нужен рядом разумный человек, который сможет все взять в свои руки!

Жозевалду отхлебнул из пивной бутылки и решительно поднялся.

— Завтра же поеду в Виллу Сан-Мигель!

Глава 23

Назаре тихо стояла за приоткрытой дверью кабинета Тедеску и прислушивалась к тому, что происходило в комнате. Сейчас она молила Бога только об одном, чтобы Луис Карлос не успел ничего сказать Изабел, и между ней и дочерью все было так, как раньше.

Пока Изабел металась по комнате, Назаре обнаружила у себя в кармане пульт от телевизора, который она бессознательно схватила со стола.

Чтобы заглушить последние слова мужа, она осторожно просунула руку в щель и направила ее в сторону телевизора. Звук стал громче, но Изабел даже не заметила этого. Теперь она лежала, беззащитно свернувшись у тела Тедеску, и тихо плакала.

«В нашу редакцию, — прогремел голос диктора, — поступило несколько звонков... — Назаре чуть не потеряла сознание от услышанного. Она замерла за дверью, молясь, чтобы Изабел не поняла смысл сказанного.

— Я знаю, знаю эту женщину. Она работала в борделе мадам Берты!» — Женский голос показался ей хорошо знакомым.

— Этого мне еще не хватало! Надо срочно что-то делать!

Назаре вошла в кабинет мужа, громко вскрикнула, прижалась спиной к дверному косяку и стала медленно сползать вниз.

Изабел тут же метнулась в сторону матери.

С большим трудом она удерживала ее обессиленное тело у стены, потом тихонько усадила на пол и бросилась к телефону. Девушка не сразу набрала нужный номер, руки ее тряслись, из глаз лились слезы.

— Что случилось? — на пороге появилась старшая дочь Тедеску Клаудия.

Девушка растерянно смотрела на происходящее и никак не могла осознать, что здесь произошло.

— Папы больше нет! — Изабел бросилась на шею сестре.

Та стояла, как вкопанная, не в силах поднять руки.

Еще в детстве, потеряв мать, Клаудия стала задумываться, что рано или поздно это может случиться и с отцом... Она гнала от себя эти страшные мысли, но они появлялись в ее голове снова и снова.

Взгляд ее наткнулся на сидевшую на полу Назаре. Мачеха прислонилась спиной к стене и глаза ее были не в силах оторваться от лица Тедеску.

Луис Карлос, казалось, удивленно смотрел в ее сторону, будто хотел о чем-то спросить.

Клаудия нежно отвела руки Изабел, подошла к отцу и закрыла ему глаза.

— Алло! Алло! Говорите, что случилось! — кричала трубка.

— Это карьер Святого Себастьяна, четырнадцать. Срочно нужна ваша помощь, — сказала Клаудия и внимательно посмотрела на Назаре, ей очень хотелось задать ей пару вопросов.

Лицо мачехи было красным от возбуждения. Такой девушка еще никогда ее не видела.

— Ноги, мои ноги! Что-то с ними случилось! Я не могу ходить! — истерично заголосила она, жадно хватая воздух. — Что со мной? Я умираю! Я иду за тобой, мой любимый, мой единственный мужчина!

Клаудия поморщилась, наблюдая, как плохо играет ее мачеха.

Назаре честно отыграла спектакль и позволила себе расслабиться лишь после того, как Изабел закрыла за собой дверь ее комнаты.

«Похоже, что у Тедеску не хватило сил на последний разговор с дочерью», — усмехнулась она. Назаре немного посидела молча, прислушиваясь к шуму внизу, затем направилась к двери и выглянула в коридор.

Так и есть. Никого! Она подошла к телефону и быстро набрала номер поверенного в делах ее мужа.

— Это главный офис юридической компании? Будьте добры, пригласите к телефону сеньора Теодора Ринальди!.. Скажите, что по срочному делу... его беспокоит Назаре Тедеску.

Через минуту ей ответили.

— Сеньор Ринальди? — Голос Назаре задрожал. — Не окажите ли вы мне услугу? — Она запнулась и выдержала паузу. — Мой супруг, Луис Карлос, умер

от сердечного приступа сегодня вечером... Спасибо, я держусь... Нет, приезжать не надо. Вы меня очень обяжете, если введете в курс дел мужа. Скажите, сколько денег сейчас лежит на счете моего мужа...

Я знаю, что информация деликатная; знаю, что такое профессиональная тайна. Но войдите в мое теперешнее положение: я осталась с двумя детьми на руках, которые еще не получили образования. Я должна знать, сумею ли я обеспечить им достойное будущее.

Она простояла несколько минут в ожидании ответа. Очевидно, поверенный проверял документацию и рылся в бумагах сеньора Тедеску. Наконец, ей ответили.

— Да, да, я внимательно слушаю! Вложил деньги в строительство? И какую сумму? — Назаре похолодела от ужаса, теперь ей не надо было притворяться. Собравшись с силами, она задала последний вопрос: — Это строительство действительно того стоит, и принесет прибыль в будущем?

Назаре почувствовала, что ее собеседник на другом конце провода пришел в замешательство.

— Смотрела ли я новости? Да! А что? Тедеску вложил такую сумму в строительный комплекс на пустыре в районе трущоб в Педра Ласкада? Идиот! — вырвалось у Назаре, и она поспешила прикрыть трубку ладонью. — Нет, я не вам! Я слышала, что там случилось что-то страшное! Как? Все смыло селевым потоком? Спасибо, я перезвоню. — Назаре резко оборвала разговор и положила трубку.

Ее трясло от бессильной ярости, надо было срочно что-то сделать! Она подошла к окну, распахнула створки и что есть силы крикнула:

— Будь ты проклят, Тедеску!

Молодой садовник, который возился в соседском саду с кустами роз, вздрогнул от громкого голоса, но слов не расслышал и приветливо помахал рукой.

Из глаз Назаре капали слезы ярости, ее зрачки сузились, глаза потемнели.

— Должен же быть какой-нибудь выход! — иступленно шептала она. — Думай, думай быстрее!

В коридоре послышались шаги. Назаре метнулась к креслу, прикрыла свои ноги пледом и замерла. Сейчас ей не надо было притворяться, из глаз текли настоящие слезы, слезы ненависти и бессильной злобы. Она закрыла глаза и сосредоточилась. «Как он мог все поставить на карту и вложить все до последней крохи в строительный проект?»

Тедеску и раньше участвовал в рискованных мероприятиях и ни разу не терпел фиаско. «Как он мог, как он мог так поступить с нами? Почему он умер так не вовремя?»

Изабел застала свою мать, беспомощно съежившуюся в огромном кресле.

Она что-то иступленно шептала. По ее красивому лицу лились слезы отчаянья.

— Мамочка, перестань, не плачь! — бросилась к ее ногам Изабел. — Ты — не одна. Я никогда не оставлю тебя! — Она целовала ей руки и гладила по лицу. — Отца не воротишь, а ты должна жить! Мы все должны жить! — Назаре почувствовала, что ее дочь сама с большим трудом сдерживает рыдания. Из-за

этого ее речь стала прерывистой и фразы короткими.

Наzare протянула руку и коснулась ее лба: у девушки был сильный жар. Страх за здоровье Изабел несколько привел в чувство.

— Все в порядке, прелесть моя, позаботься о себе. Тебе надо обязательно выпить аспирин или что-то еще жаропонижающее, а сейчас обязательно побудь со своей сестрой. Ведь у нее теперь никого не осталось: мать умерла пятнадцать лет назад, а теперь она потеряла отца. А я сильная, я справлюсь.

Изабел поцеловала мать в лоб и тихо вышла из комнаты.

Лицо Назаре на миг разгладилось, и она улыбнулась. Эта девочка, которую она присвоила себе двадцать лет назад, невольно стала для нее самым родным и любимым человеком в последнее время.

Наzare услышала, как хлопнула входная дверь, и выглянула в окно. В саду она увидела Изабел и Клаудию. Девушки молча сидели на лавке, обняв друг друга, и рассеяно наблюдали за работой соседского садовника.

Каким-то шестым чувством ощутив скрытое присутствие Назаре, Клаудия подняла глаза и чуть не столкнулась с взглядом мачехи.

— Чертово отродье! — прошипела Назаре и отскочила вглубь комнаты.

«Надо порыться в бумагах Тедеску, пока эта дрянь не вздумала что-то предпринять. Ради нашего с Изабел счастливого будущего я готова на все». — Назаре тихо вышла из комнаты и направилась в кабинет мужа.

Ей было жутко идти по длинному коридору. Раньше она никогда не обращала внимания на то, что половицы рассохлись и стали скрипеть. Назаре шла осторожно, словно боясь, что ее кто-то услышит.

«Чего я боюсь? — спрашивала она сама себя. — Что мне может сделать человек, которого только что отвезли в морг? Даже если его душа летает где-то рядом, она уже ничего сделать не в состоянии. Это все нервы, мои расшатанные нервы. Сейчас я выпью, и все встанет на свои места».

Наzare зашла в гостиную, открыла бар и приложилась к бутылке бренди прямо из горлышка. По телу сразу же прошел приятный поток тепла, в голове зашумело, и она дала выход эмоциям. Ей стало легко и совсем не страшно.

Наzare приблизила распухшее от слез лицо к зеркалу, встроенному в стенку бара, и попыталась указательным пальцем разгладить вертикальную складку на переносице, вытерла остатки туши краем пеньюара и оскалила зубы.

— Дожила, смотрю на собственное отражение и вижу, как жизнь прошла по лицу и наследила, наследила. Мне срочно нужны деньги на операцию: не хочу в сорок пять выглядеть, как печеное яблоко! — Она похлопала себя по щекам. — Все будет прекрасно! Теперь я чувствую себя свободно и уверенно.

Она закрыла дверцы бара и легкой рысью пробежалась по комнате. Сделав большой круг, почувствовала новый прилив энергии.

— Теперь я буду жить, как хочу! Не надо будет ни перед кем оправдываться и объяснять, где я ночевала и куда я ездила. Заведу себе нового любовника и...

Мысль о том, что почти все сбережения Тедеску направил на строительство, внезапно вернулась ей в голову, заставив вмиг присмиреть и съежиться.

— Ну почему я тогда не довела все до конца, когда он привел в дом Клаудию и сказал, что теперь его дочь будет жить с нами?

Бизнес Тедеску тогда был на подъеме, на счетах лежали огромные суммы, сейфы были заполнены хрустящими купюрами, и деньги он раздавал пачками, не считая.

А зачем считать деньги, если их много? Она снова приложилась к бутылке. «А ведь сейчас мы с Изабел могли бы жить в самом шикарном месте в Рио с видом на Каркаваду, с собственным пентхаусом и тремя бассейнами... Все надо делать вовремя!»

Она, как шиншилла, чувствовала себя хорошо, только когда могла опереться на четыре точки: счет в банке, заботу Изабел, страстного любовника и возможность чувствовать себя богаче и красивее других. Назаре двинулась в кабинет мужа.

Она вспомнила о молодом садовнике, нанятом соседями, и ее мысли потекли в другом направлении.

Интересно, он понимает по-португальски? Надеюсь, он джентльмен, и не гадит на хозяйскую зелень во время работы.

Интересно, какое у него хозяйство? Судя по размеру ступни, крохотное! Назаре затряслась от хохота. Она пошатнулась. Ноги не слушались, пришлось опуститься на четвереньки.

Надо же, допилась! Сейчас придут девчонки, а тут их мамка больная ползает. Спросят меня: «Что ты делаешь?» А я им: «Цветы собираю!» Она забилась в очередной конвульсии смеха.

Знал бы тот молодой садовник, что сейчас происходит в доме напротив: красивая «женщина-сам-цведец» думает о нем. «Господи! Какая же я умная, когда напьюсь!»

Когда Изабел пришла в комнату матери, та по-прежнему сидела в кресле.

В руках у нее была пустая бутылка от коньяка.

— А-а! Пришла моя любимая котлетка! — сказала Назаре пьяным голосом. — А мама тут спиртным балуется!

В дверях появилась расстроенная Клаудия.

— А-а-а, и ты здесь! Как замечательно! Хотела тебе рассказать последние новости! — Назаре поднесла пустую бутылку ко рту. — Как быстро все закончилось!

— Мама не надо, тебе будет еще хуже, — попыталась урезонить ее Изабел.

— Мама сама знает, что ей можно, а что нет, — Назаре попыталась сфокусировать взгляд на Клаудии. — Профукал папка твой все денежки наши, профукал! — Она сложила губки бантиком и издала неприличный звук.

Клаудия не в силах смотреть на пьяный кураж мачехи, отвернулась и выбежала из комнаты.

— Мама, что ты делаешь? — упрекнула ее Изабел.

— Окажи мне честь, посиди с пьяной мамкой, как раньше.

Изабел села на подлокотник кресла и положила голову Назаре себе на колени.

— Спасибо, прелесть моя, мне с тобой всегда хорошо, а больше нам никто не нужен. Правда?

Она уткнулась в колени дочери и тихо засопела.

Глава 24

В кабинете Дирсеу вот уже минут пять звонил телефон. Занятый редактированием статьи, он не сразу поднял трубку.

— Алло! Редакция газеты «Кариока».

— Здравствуйте! Могу я поговорить с Дирсеу де Кастру? — спросил приятный женский голос.

— Вы попали прямо по адресу. Я вас слушаю.

— Я по поводу объявления в газете. Скажите, вам еще требуется домработница?

— Да, — сказал он. — Вы сможете прийти сегодня вечером часам к девяти. Мой дом находится рядом с торговым комплексом «Бразилия». Такое белое пятиэтажное здание с синими балкончиками и одним подъездом.

— Спасибо, — поблагодарила женщина. — Я прекрасно знаю этот район. До встречи.

— Буду рад познакомиться, — улыбнулся Дирсеу и повесил трубку.

День пролетел в привычной суете и хлопотах. У Дирсеу не хватило времени даже на обед. Он впопыхах перекусил двумя сэндвичами и выпил чашку кофе. Зато результат дня его порадовал: статья о событиях в районе Педра Ласкада, встреча и интервью с Диего Марадонной и выступление на телевидении.

Усталый, он не решился ехать к Марии, а попросил таксиста отвезти его домой. Когда машина подъехала к дому, на часах было без четверти десять.

Он позвонил Марии, пожелал ей спокойной ночи и направился к своему подъезду.

Одинокая фигура женщины стояла на ступеньках его дома.

— Как я мог забыть? — У Дирсеу сразу подскочило давление. — Я же назначил встречу!

Он ускорил шаг и помахал даме рукой.

— Извините, замотался на работе. Вы меня ждете почти час?!

— Все в порядке, дон Дирсеу. — Это была хорошенькая блондинка лет сорока с соблазнительными формами и приятным грудным голосом.

— Я очень виноват и должен угостить вас кофе, — попытался реабилитировать себя журналист.

— Вы самый необычный работодатель, — улыбнулась дама и прошла в подъезд.

— Как у вас красиво! — восхитилась гостя, разглядывая витражи и огромные растения в кадках.

— Спасибо! Я здесь недавно, но этот дом мне тоже очень нравится. — Дирсеу поздоровался с портье и нажал на кнопку лифта. — Моя собственная квартира не так безупречна, как холл этого дома. Из-за хронического недостатка времени я и вынужден был решиться нанять кого-то, кто не побоится убирать кипы бумаг и выбрасывать одноразовую посуду.

Лифт бесшумно поднялся на пятый этаж и остановился.

Дирсеу растерянно захлопал руками по карманам пиджака.

— Этого еще не хватало! Неужели я ключи на работе оставил?

— Посмотрите во внутреннем кармане. Когда мужчинам некогда, они автоматически кладут их в то место, где обычно лежит кошелек.

— Действительно! — Дирсеу внимательно посмотрел на свою собеседницу.
— Кто бы мог подумать!

Он открыл дверь квартиры, помог даме снять жакет и проводил в комнату.

— Теперь давайте знакомиться по-настоящему. Дирсеу де Кастру.

— Очень приятно. Меня зовут Аретуза. — Дама протянула изящную, узенькую ладошку, и он невольно отметил, что ее хозяйка скорее всего никогда не имела отношения к работе по дому. Слишком ухоженной и нежной была кожа.

Дирсеу уловил тонкий запах дорогого парфюма, реклама которого не сходила с экрана телевизора. Именно такой он недавно привез из Парижа Марии.

— В связи с загруженностью и спецификой работы, — продолжил он, — я остро нуждаюсь в профессионале, который не позволит моему дому зарастить грязью, а мне умереть от голода.

По появившемуся румянцу на щеках Дирсеу понял, что его новая знакомая волнуется.

— Как долго вы работаете в этой области? Есть ли у вас рекомендации? — Он внимательно посмотрел на нее и поправил очки на переносице.

Гостья еще больше засмушалась и схватилась за платочек на шее, явно пытаясь на что-то решиться.

— Не буду скрывать, у меня нет рекомендаций и профессионального опыта в этой области, — сказала она и прямо посмотрела на Дирсеу. Обстоятельства вынудили меня обратиться к вам в поисках работы. Но убратся в комнатах, почистить ковры или что-нибудь приготовить я умею не хуже любой хозяйки. Пожалуйста, дайте мне шанс!

Дирсеу оценил ее прямооту и улыбнулся.

— Ну, давайте попробуем. Приходите завтра в восемь. Я предупрежу портье, что вы поработаете у меня месяц, и, если мы друг друга устроим, заключим контракт на более длительный срок.

— Спасибо за доверие. Завтра в восемь я буду на месте, — поблагодарила его Аретуза.

— А как же кофе? Я все еще чувствую себя виноватым за опоздание, — спросил Дирсеу.

— Еще раз спасибо! Не хочу отнимать у вас драгоценное время.

— Вам вызвать такси?

— Нет-нет, я доеду на автобусе. Здесь всего две остановки.

— Тогда пойдемте. Я просто обязан проследить за тем, как вы в него сядете. А заодно представлю вас портье.

Режиналду, проезжая мимо дома Дирсеу де Кастру, чуть не выпустил руль из рук.

Машина резко вильнула в сторону, задев колесами парапет, отчего Вивиан больно ударилась плечом о дверцу.

— Ты с ума сошел? Спать за рулем! — возмутилась она.

— Ты видела! Ты это видела? — Режиналду и не думал реагировать на ее замечание.

— Что я должна была видеть? Говорящего слона или зеленую макаку? Зачем так волноваться?

Режиналду притормозил недалеко от подъезда Дирсеу.

По хорошо освещенной дороге к автобусной остановке, не торопясь, шел журналист с очень миловидной дамой.

— Вот будет сюрприз для моей матушки! — обрадовался Режиналду и постарался получше рассмотреть незнакомку.

Вивиан вмиг забыла об ушибленном плече и тут же прилипла к окну, стараясь ничего не пропустить.

— Надо же я сама, было, поверила в порядочность Дирсеу. А он оказывается, своего не упустит! Теперь у нас есть козырь против этого журналиста.

Миналва дождалась, когда в доме все утихнет и заняла выжидательную позицию у замочной скважины. Через несколько минут дверь напротив распахнулась и из комнаты вышел Вириату.

Он был в светлом элегантном костюме фисташкового цвета с белой орхидеей в руках.

Сердце Налвы сладко заныло. Она попыталась взять себя в руки, сделав несколько глубоких вдохов.

— Неужели у него кто-то появился? — От такого открытия ей стало не по себе.

Налва вышла на балкон. Теплый южный ветер коснулся ее лица, прошелся по шее и растрепал тяжелые длинные волосы.

Тонкие ноздри жадно втянули свежий воздух. Она долго вглядывалась в темноту в надежде увидеть, как машина Вириату проедет мимо. Но через несколько минут ей стало ясно, что ждать бесполезно.

— Странно, он тайно уходит из дома, не берет машину. Может, дело не в другой девушке, а в чем-то ином? — Эта мысль так понравилась ей своей простотой, что она засмеялась.

Налва еще немного постояла на балконе. Она наблюдала за тем, как шуршит листва в апельсиновой роще и прислушивалась к себе.

В ней опять зарождалась та неутомимая, великая сила, которая прежде была ей не знакома. В самом начале она была рада тому огромному приливу сил, которые неукротимым потоком вошли в нее в день встречи с Вириату. Ей казалось, что она проглотила солнце, которое будет греть и радовать ее всю оставшуюся жизнь. Затем поняла, что, если не разделит свою радость и силу с возлюбленным, сгорит и от нее останется кучка пепла: слишком тяжела была ноша.

— Но ведь все, о чем я думаю, только мои фантазии! — попыталась успокоить себя Налва. Ду Карму говорила, что Вириату устроился во французский ресторанчик. Сейчас он наверняка отправился на работу, а машину не взял, потому что два квартала для молодого мужчины — это не расстояние! — Хорошее настроение мигом вернулось к ней.

«А что, если мне на минуточку зайти в его комнату? Это меня успокоит, и я смогу сразу заснуть.»

Да я просто, обязана это сделать! Ведь, если у него кто-то появился, мне удастся найти доказательства и сразу принять меры».

Налва тихо вышла в коридор и открыла дверь комнаты Вириату.

Кругом было идеально чисто, будто здесь жил не молодой человек, а какая-нибудь принцесса. Книжки на полках подобраны по цвету. Пледы на креслах и кровати идеально разглажены. Симметричные рамки с фотографиями на стене, гармонировали с обоями. Отполированные африканские статуэтки на полу по стилю и цвету прекрасно сочетались с персидским ковром.

Единственный диссонанс вносила книга, лежащая на подушке. Налва взяла ее в руки и прочитала название: Авона Грю «Искусство ксилографии». Странное название, подумала Налва и взяла ее в руки, моментально ощутив, неясную опасность, исходящую от книги. Она тряхнула головой, чтобы снять наваждение, отбросила книгу и стала рассматривать фотографии, развешанные на стене.

Здесь тоже не было ничего особенного. Вот голенький Вириату на руках ду Карму. Налва нежно погладила снимок. Вириату с первой футбольной командой, в школе, у дома, среди братьев...

Она закрыла глаза и уловила едва слышную мелодию, которая идеально подходила к ее теперешнему состоянию. Где-то вдалеке, на улице играла музыка. Она звучала прерывисто и нервно, то возрастая, то затихая вновь. Это была самба.

Девушка прикрыла лицо руками и прислушалась к себе: в ней неумолимо зрела, росла и поднималась необъяснимая волна радости.

Неожиданно на нее накатило странное состояние возбуждения, ей нравилось смотреть и трогать вещи Вириату и, чтобы дать выход эмоциям, она закружилась, завертелась в странном танце, качая бедрами, подпрыгивая и изгибаясь.

Если бы ее мог видеть Вириату, он непременно сказал бы, как она похожа на прекрасную жрицу, танцующую ритуальный танец в честь богини Любви.

Миналва вихрем носилась по комнате, пока не почувствовала резкую боль в ступне. На полу лежала маленькая сережка с зеленым изумрудом. Она схватила ее, поднесла к лицу и яростно зажала в кулак.

— Думай, думай! Это простая случайность или у него кто-то есть?

Ее чувства были настолько обострены, что она уловила тихое треньканье входной двери. Налва выглянула в коридор и услышала возбужденные голоса мужа и Плинию.

— Братишка, с возвращением! Как ты съездил? Что нового в Рио? — засыпал вопросами Леандру младший брат.

Рад тебя видеть! Съездил отлично. — Леандру с трудом пристроил коробки с подарками на диване и соседнем столике. — Удалось решить кое-какие налоговые проблемы с бизнесом Джованни Импротта, думаю, он будет очень доволен, так что небольшие каникулы нам с женой на Новый год будут обеспечены. Кстати, она дома?

Налва положила сережку в карман и вышла из комнаты Вириату. Радостное возбуждение миг сменилось резкой апатией. Сейчас он побреется, надушится этим диким одеколоном с запахом табака, будет приставать ко мне и говорить, как он меня любит и что я смысл его жизни. Все бы отдала, чтобы на его месте

оказался Вириату.

Налва тяжело вздохнула и направилась навстречу супругу.

Леандру, радостный и возбужденный, раздавал подарки. Вручил младшему брату пакет с забавной футболкой и вынул из сумки чудный пенъюар золотистого цвета, расшитый тонкими кружевами и розовыми жемчужинами.

— Нравится? — Он всегда задавал ей один и тот же вопрос, когда что-нибудь дарил.

В последнее время ее это особенно раздражало. Слово «нравится» больно хлестнуло ее по расшатанным нервам, очень захотелось наругать ему, устроить грандиозный скандал, уйти из дома и хлопнуть дверью.

Как он смеет ее спрашивать? Ну почему на его месте не может стоять Вириату?

— Да, — сдержанно сказала она, — миленькая вещица.

— Ты даже меня не поцелуешь?

Миналва приблизилась к нему и холодно чмокнула в щеку, уловив резкий запах его любимой туалетной воды с сильными нотками табака.

«Приготовился заранее, — про себя грустно улыбнулась Налва. — В прошлый раз перед отъездом я сослалась на головную боль, придется сейчас идти в ванну».

Она еще немного повертелась в гостиной, пытаясь угадать, что Леандру привез Вириату, вскоре нашла альбом по античному искусству, полистала его, зевнула и, сославшись на усталость, пошла в свою комнату.

— Что это с ней? — спросил Плинию старшего брата.

— Не знаю! — пожал плечами Леандру и поспешил за Налвой, надеясь, что успеет застать ее не спящей.

Глава 25

Это было их десятое свидание за последние две недели.

Вириату нежно теребил пальчики Марии Эдуарды и все никак не мог послушаться ее голоса. У нее был необычный тембр, грудной, немного глуховатый с пикантной особенностью растягивать гласные.

Сегодня девушка была в особом ударе и болтала без умолку. Мария Эдуарда радовалась своей грандиозной победе: ей удалось заключить первый контракт со студией звукозаписи.

— Я отлучусь на минуту, попудрю носик. — Она нежно освободила пальцы из рук Вириату. — Пожалуйста, закажи мне мартини с апельсиновым соком.

— Я буду скучать, — улыбнулся Вириату. Он проводил девушку взглядом и вытащил из кармана пиджака небольшую коробочку.

— У вас ответственное мероприятие? — услышал он за спиной голос официанта. — Что будете заказывать? — На него смотрели веселые глазки типичного представителя итальянской культуры.

Тщательно уложенные волосы были разделены на прямой пробор, черные усики идеально торчали в разные стороны. С такой физиономией можно было рекламировать только пиццу с помидорами.

— Два мартини с апельсиновым соком и ментоловое мороженое с вишней,
— улыбнулся Вириату.

— Если нужно что-то особенное, можете меня звать, сколько угодно.

— Спасибо, — сказал Вириату, — пока только то, что я уже заказал.

Ему не терпелось еще разок взглянуть на подарок, которым он решил отметить маленький юбилей их знакомства. Вириату аккуратно открыл бархатный футляр и растерялся: на атласной подушечке лежала лишь одна сережка.

— Куда же делась вторая? — заволновался он и сразу вспомнил, что последний раз открывал коробку дома, чтобы полюбоваться на изумруды.

— Не буду портить нам праздник. — Решил он и убрал подарок в карман.

— Ты явно сегодня что-то задумал! — Мария Эдуарда подкралась сзади.

— От тебя ничего не скроешь! Давай немного посидим в кафе, а потом пойдем в одно местечко и ты сама выберешь себе подарок.

— Ты помнишь, что у нас сегодня маленькая годовщина? — обрадовалась Мария Эдуарда.

— Конечно! — Как ни в чем не бывало сказал Вириату. — Ты видишь вон ту витрину в конце улицы с вертящейся вывеской?

— Это же ювелирный магазин... — Растерялась девушка. — Если ты хочешь сделать мне такой подарок на десятый день знакомства, что же ты мне подаришь через год?

— Я готов делать тебе такие подарки хоть каждый день, — Вириату притянул ее к себе и нежно поцеловал в переносицу. — Будь моя воля, я бы прижал тебя к себе, спрятал под рубашку и никуда бы не отпустил.

— И на работу бы так ходил?

— И на работу!

— Ваш заказ! — Официант поставил на столик бокалы с мартини и две вазочки с мороженым.

— Спасибо! — поблагодарил его Вириату и протянул купюру. — Сдачи не надо.

— Если хотите, я каждый день могу резервировать этот столик для вас! Вы самая красивая пара, какую я видел в нашем ресторане.

Мария Эдуарда и Вириату от души рассмеялись.

Домой Вириату вернулся за полночь. Он тихо открыл входную дверь и буквально наткнулся на Плинию.

Младший брат сидел у телевизора с банкой пива, отчаянно борясь со сном.

— Ты чего не спишь?

— Тебя жду. — Обычно веселое и легкомысленное лицо младшего брата было серьезным.

— Что-то случилось? — забеспокоился Вириату.

— Пока нет, но может случиться. — Плинию отставил банку с пивом и встал с дивана.

— Не говори загадками. — Вириату начал терять терпение.

— Ты ничего не замечаешь? Что происходит с Налвой? — Начал издали младший брат. — Понимаешь я видел, что произошло между вами на площади.

— Ты говоришь про тот случай, когда она бросилась мне на шею и

поцеловала?

— Так ты ее не провоцировал?

— Поверь мне, братишка, я прекрасно знаю, как Палва дорога моему брату, и никогда не сделаю ему больно.

— Извини, что подумал о тебе плохо.

Вириату подмигнул Плинию, поднялся к себе в комнату и моментально почувствовал посторонний запах.

«Здесь опять была Налва, — нахмурился он, закрыл дверь на ключ и широко распахнул окно. — Пусть из моей жизни уйдет все ненужное и нелепое. Я не хочу ни с кем ссориться. Я хочу лишь любить того, кто мне нравится и жить с теми, кто мне дорог».

Казалось, он на век был очарован милым характером, безупречным вкусом и красотой Марии Эдуарды.

Вириату сел в кресло и улыбнулся. Как же ее угораздило выбрать именно те сережки с изумрудами, которые лежали у меня в кармане? Он вынул коробочку и спрятал ее в письменный стол. «Когда-нибудь я расскажу ей эту историю, и мы вместе посмеемся».

Назаре виртуозно разыгрывала безутешную вдову в течение двух дней. Она отказывалась от еды и питья, не вставала с дивана и не хотела слушать ни о какой медицинской помощи.

На третий день Изабел все же вызвала врача.

Доктор Жак внимательно осмотрел пациентку, сказал, что она абсолютно здорова и прописал успокаивающее лекарство, от которого Назаре постаралась избавиться при первом же удобном случае.

В день похорон Луиса Карлоса она не могла дожидаться, когда все уйдут на траурную мессу, и ей удастся кое-что предпринять.

Сидение на диване не прошло для нее даром, и на третьи сутки в голове созрел идеальный план, который мог принести ей кучу денег.

Во время очередной тайной вылазки в кабинет мужа Назаре обнаружила в шкапулке для сигарет потайное отделение, в котором лежало страховое свидетельство на имя старшей дочери.

«Старый идиот! Хотел надуть меня! — Радостно засмеялась Назаре. — Вот это подарок. Вот удружил!» — Она спрятала документ в надежное место, чтобы воспользоваться им при первом же удобном случае.

Отпевание было назначено на десять часов. Утром к ней пришла Изабел, заботливо покормила ее с ложечки фруктовым пюре и попыталась уговорить вызвать сиделку, на что Назаре сразу выразила свое категорическое несогласие.

— Ты же знаешь, как я буду нервничать только от мысли, что по дому ходит незнакомый человек, — пыталась она убедить дочь.

— Тогда давай я оставлю дома Фаусту! — предложила Изабел.

— Не надо, родная моя, эта женщина была очень привязана к Луису Карлосу. Так пусть она проводит его вместе с вами в последний путь, раз я не могу этого сделать.

Изабел тихо заплакала. Назаре утерла ей слезы и поцеловала в лоб.

— Иди, иди, дочка. Ты должна быть рядом со своей сестрой.

Ровно в девять дом опустел. Назаре прошла в кабинет мужа и набрала номер телефона страхового агентства.

Услышав короткие гудки, она сделала вторую, третью и четвертую попытку. Наконец, на другом конце провода послышались длинные гудки, и кто-то снял трубку.

— Здравствуйте, — Назаре решила, что будет изображать из себя вежливую и наивную простушку. — Вас беспокоит жена вашего клиента, но позвольте мне пока не представляться.

— Конечно! Что вы хотите узнать? — спросил приятный мужской голос.

— Не могли бы вы помочь мне в одном вопросе? У меня весьма пикантный семейный случай. Видите ли, на старшую дочь моего покойного мужа выписана страховка. Так вот, мне хотелось бы узнать, смогу ли я получить ее лично?

— Извините, здесь я никак не могу вам помочь. Страховку может получить лишь тот, на чье имя она выписана.

— Но у меня особый случай, дело в том, что девушка находится за границей, а мы так нуждаемся в деньгах.

— Могу лишь посоветовать дочери вашего мужа оформить доверенность на вас. Другим путем вы ничего получить не сможете.

Назаре со злостью бросила трубку.

Озарение пришло внезапно. «А что, если мне воспользоваться нынешней ситуацией с поисками дочери ду Карму? В подвале должны остаться старые вещи Изабел. На этом можно заработать».

И она со всех ног бросилась вниз.

Через час активных поисков Назаре достала из огромного плетеного чемодана для пикника маленькую розовую пеленку, распашонку такого же цвета и белый кружевной чепчик.

«Какая прелесть! — она провела рукой по вещам Изабел. События тех лет сразу всплыли в ее памяти. Назаре вспомнила, какой любовью и нежностью окружил их Луис Карлос, как баловал и старался во всем угодить. — До чего же приятно было изображать из себя воспитанную богатую сеньору! — Назаре достала из чемодана дымчатую атласную шляпку с пышным бантом и поднесла к лицу. Ее острое обоняние сразу уловило слабый запах духов. — Как же они назывались? „Завтрак на траве“? Нет! Как-то по-другому... Пикник! Точно: „Пикник на траве“».

Когда Изабел исполнился годик, она заказала у модной портнихи их первый совместный наряд, точную маленькую копию своего делового костюма из той же самой ткани.

На улице она ловила на себе восхищенные взгляды и наслаждалась вниманием, когда рядом с ней шла ее точная маленькая копия — Изабел.

Лицо Назаре разгладилось и порозовело.

«Ну, все-все, распускать нюни некогда! — поторопила она себя. — С минуты на минуту в дом могут прийти».

Назаре нашла старенький поляроид, всунула в него кассету и сфотографировала вещи Изабел. «Думаю, что ду Карму легко расстанется с деньгами, когда увидит одежду дочери».

Она разыскала телефонный справочник и быстро набрала номер Марии.

— Алло! — услышала она знакомый голос.

— Сеньора ду Карму?

— Да, я вас слушаю.

— Добрый вечер! У меня для вас очень хорошие новости, — Назаре намеренно подчеркнула слово «очень».

— Представьтесь, пожалуйста. Я не привыкла говорить с тем, кого не знаю.

— Думаю, что сегодня вы измените своей привычке, — по телу Назаре разлилась теплая волна радости. Она почувствовала сладостную возможность власти и превосходства над этой женщиной. — У меня есть важная информация о вашей дочери.

Назаре с трудом выдержала затянувшуюся паузу.

— Откуда вы узнали о моей проблеме? — Холодно спросила Мария.

Такого самообладания от ду Карму она не ожидала. «Что ж, — подумала Назаре, — сильная соперница — это даже интересно!»

— У меня есть вещи вашей малышки. Немного усилий с вашей стороны, и все это будет принадлежать вам.

— Насколько я понимаю, речь идет о деньгах? — голос был твердый и бесстрастный.

— Думаю, что небольшая сумма — это не слишком серьезная проблема для сеньоры с вашим положением.

— Я буду иметь дело с вами только в том случае, если вы предъявите мне настоящие доказательства.

«А она не так проста, как кажется, — зло подумала Назаре. — Фотография одежды малышки вас устроит?»

— Да! — сказала ду Карму и сама положила трубку.

«Ну что ж, пока все идет просто замечательно! — похвалила себя Назаре. — Что же не дает мне почувствовать полную радость? Ах, да! Страховка Клаудии? Не думаю, что эта мерзавка когда-нибудь воспользуется этими деньгами».

Назаре подошла к камину и достала из кармана документ. «Подумать только, одна маленькая спичка — и проблемы нет!» Толстая глянцева бумага вспыхнула мгновенно, превращаясь в бесформенную темно-коричневую массу.

«Что ж, теперь я перекушу немного и буду болеть спокойно! А то от этих бульонов и пюре меня уже тошнит». Назаре пришла на кухню, отрезала себе огромный ломоть ветчины и открыла баночку с маслинами.

— С такой закуской и покойного помянуть не грех! — Она достала из холодильника бутылку джина и налила себе в стакан внушительную порцию спиртного.

— Да упокоится твой прах с миром, Луис Карлос Тедеску. Аминь! — Назаре сделала внушительный глоток и с жадностью набросилась на еду.

Глава 26

— Случилось что-то? — Анжелика заметила, как побелело лицо Марии. — Может принести лекарство или воды?

— Спасибо, сейчас все пройдет, — успокоила ее ду Карму. — Мне уже гораздо лучше! Только что позвонила женщина, которая хочет продать мне одежду и информацию о Линдалве.

Анжелика опустила глаза и нахмурилась. Мария тут же почувствовала ее напряжение.

— Я не хочу, чтобы ты так волновалась при каждом телефонном звонке. Если, даст Бог, ты окажешься моей дочерью, мы сумеем сделать нашу жизнь более счастливой, если нет, то мой дом всегда будет твоим домом, пока ты не найдешь свою родную мать или не захочешь уйти отсюда по собственному желанию.

— Вы так добры ко мне, сеньора Мария! Спасибо! — В глазах девушки стояли слезы.

— Не думай, что я пригрела тебя из жалости! Вовсе нет. Ты прекрасно подходишь мне как секретарша, ты честно зарабатываешь свой хлеб и еще с тобой очень приятно общаться, — улыбнулась ду Карму.

— Можно я задам вам один вопрос?

— Конечно!

— У вашей дочери были какие-то знаки на теле: шрамы, родинки, родимые пятна? — спросила Анжелика.

— К сожалению, нет. Конечно, это намного упростило бы ее поиск. В то время Линда была здоровенькой, крупной девочкой с большими серыми глазами и светлыми волосиками на голове. Просто настоящая принцесса.

Анжелика нахмурилась.

— Ты ведь не просто так спросила, да? — поинтересовалась ду Карму.

— Не хочу играть вашими чувствами, но теперь мне стало совсем ясно, что я не ваша дочь.

— Почему ты сделала такой вывод, ведь анализы еще не готовы?

— С самого рождения у меня на ноге была родинка. — Анжелика приподняла юбку, и Мария увидела чуть выше колена небольшое темное пятнышко, размером с горошину.

— Не расстраивайся, девочка, рано или поздно мы обязательно найдем наших близких. И раз мы встретились, будем благодарить Бога за то, что он даровал нам эту встречу.

Анжелика отвернулась к окну, чтобы Мария не смогла увидеть, как она плачет.

Телефонный разговор с незнакомкой почти всю ночь не давал Марии заснуть. Ду Карму прокручивала в голове подробности, пыталась вспомнить, где раньше она могла слышать этот голос.

Обессиленная и измотанная тяжелыми воспоминаниями, она забылась тяжелым, тревожным сном.

Ей приснилась нежная молодая девушка, очень похожая на нее в юности, только волосы и глаза у нее были светлее. Она шла по берегу моря и собирала ракушки и камушки... Линда, где ты, Линда? Мария искала ее даже во сне.

Изабел, совершенно разбитая от тягостных впечатлений вернулась домой. Всю дорогу от кладбища она вместе с Фаустой и Клавдией шли молча, каждый

думал о своем, не в силах сказать ни слова.

Иногда на улице им встречались знакомые, говорили слова соболезнования, старались утешить или сказать что-то доброе в адрес покойного.

Изабел улыбалась сквозь слезы, говорила «спасибо» и обреченно шла вперед.

На время она даже забыла, что дома их ждет Назаре. Про мать Изабел вспомнила только, когда Фауста воскликнула, что ей срочно надо зайти в магазин, купить хозяйке анчоусы.

— Какие анчоусы? Назаре же не ест ничего! — удивилась Клаудия.

— Да нет, буквально перед нашим уходом я поднялась к ней в комнату, и она попросила зайти на рынок купить ей маринованных анчоусов.

Девушки молча посмотрели друг на друга.

— Странно! — сказала Клаудия. — Перед нами Назаре разыгрывает убитую горем вдову, у которой отнялись ноги, а Фаусте приказывает принести что-нибудь вкусенького.

— Не говори так, Клаудия, ей действительно очень плохо, но раз к ней вернулся аппетит, значит, скоро она пойдет на поправку!

— Какая же ты наивная, Изабел! Назаре всю жизнь использует людей и виртуозно притворяется доброй, когда ей надо.

— Перестань, Клаудия, я понимаю, что тебе сейчас очень тяжело, но не надо срывать зло на моей матери.

— Да, Назаре ненавидит меня и при любом случае старается унижить. Только ты этого не видишь или просто не хочешь увидеть... — Клаудия схватила сестру за плечо.

— Ты делаешь мне больно, отпусти. — Изабел сняла с себя ее руку.

— Прости! Я сама не знаю, что на меня нашло. Мне очень страшно: раньше у меня был отец, который мог меня защитить. А теперь? Что теперь?

— Теперь у тебя есть я.

Фауста молча наблюдала за сестрами, вытирая слезы кончиком траурного платка.

К дому они подошли совершенно разбитые долгой дорогой и грустными воспоминаниями.

— Посмотрите, девочки, внизу в подвале горит свет! — удивилась Фауста. — Неужели ко всему прочему к нам еще и воры залезли?

Все трое тихо приблизились к маленькому окну. Тесное помещение хорошо освещала одна единственная лампочка. Вещи были хаотично разбросаны по углам, кругом валялись выпотрошенные коробки, старые сумки и чемоданы.

— Кому это понадобилось? — воскликнула Изабел.

— Сейчас посмотрим, где сеньора Назаре. — Клаудия стремительно понеслась вверх, чувствуя, что ей представился один из немногих шансов, разоблачить мачеху.

В том, что погром в подвале это ее рук дело, она не сомневалась.

— Клаудия! Ты куда? — Изабел едва поспежала за сестрой.

Она чуть не налетела на Клаудию, которая резко остановилась на последней ступеньке лестницы.

Прямо перед ними стояла Назаре, держа в руках фотографии.

— Мамочка, слава богу! Ты ходишь? — кинулась ей навстречу Изабел.

Назаре внезапно потеряла равновесие и упала на руки дочери.

— Я хотела сделать вам сюрприз, но не получилось. Не получилось. Я еще слишком слаба. — Назаре театрально прикрыла глаза.

Клаудия пыталась рассмотреть, что она держит в руках, но та предусмотрительно спрятала вещь в карман.

Девушки с трудом довели Назаре до комнаты и усадили в кресло.

— Спасибо, дорогие, как вы вовремя пришли. Если бы это случилось позже, я могла запросто свалиться с лестницы.

— Не надо, мама! Как ты можешь так говорить? — воскликнула Изабел.

— В нашем доме происходит что-то странное, — переключила на себя внимание Клаудия. — Вещи в подвале перевернуты вверх дном, будто пытались найти что-то ценное!

Назаре насторожилась.

— А зачем вы лазили в подвал?

— Не волнуйся, мамочка, мы увидели, что там горит свет и заглянули в окно. Но там уже никого не было.

— Подумать только, в дом залезали воры, а я сидела здесь одна, совершенно слабая и беззащитная. Ведь они могли убить меня?

— Ну зачем переживать о том, что не случилось? холодно сказала Клаудия и вышла из комнаты.

В коридоре она столкнулась с Фаустой. Горничная была в странном возбуждении, Клаудия тихо подозвала ее к себе и увлекла в кабинет отца.

— Кто-то пользовался электрическим камином. По-моему, наша хозяйка что-то скрывает. Посмотри, что я нашла! Она протянула девушке кусок обгоревшей бумаги.

Клаудия поднесла его к свету: на гербовой бумаге были видны лишь несколько слов: «свидетельство на имя Тедеску I».

От последней буквы осталась лишь жалкая палочка, с которой могли начинаться имена: Назаре, Изабел или Клаудия.

— Неужели она посмела сжечь какой-то важный документ? Девушка растерянно посмотрела на Фаусту.

Та только неопределенно пожала плечами и добавила.

— Я была на кухне, по-моему, у нас в доме завелась крыса, большая крыса, которая ест ветчину, оливки и оставляет после себя крошки.

— Значит, эта крыса наследила не только на кухне и в кабинете отца, но и в подвале. Клаудия обняла служанку и прижалась к ней. Несомненно, Назаре что-то скрывает.

— Можешь всегда рассчитывать на меня, милая девочка. Родителей я тебе не смогу заменить, но стать преданной подругой и союзницей, пожалуйста!

— Спасибо тебе, Фауста, в этом доме только ты меня понимаешь.

— Ну, зачем ты так? У тебя же есть сестра, которая тебя просто обожает, она твоя лучшая подруга.

— К сожалению, меня не любит ее мать и Изабел всю жизнь будет

разрываться между нами.

— Да, бедная девочка, мне ее тоже жалко: жить между двух огней. Ни покоя тебе, ни благодарности.

— Фауста, — Клаудия вытерла слезы. — Дай мне слово, что теперь ничего не будешь скрывать от меня даже, если твоя хозяйка попросит что-то сделать тайно.

— Конечно! Я буду только рада, если мы выведем ее на чистую воду!

Снимая последние две тысячи реалов со своего счета, барон Педру, принял твердое решение устроиться на работу.

Деньги таяли, как снег летом. Да и могло ли быть иначе! При малейшей возможности он покупал своей жене дорогие подарки, баловал ее всевозможными сюрпризами и путешествиями. Да еще и внучка подросла и превратилась в красивую девушку. Теперь игрушками и велосипедами не отделаешься. Рано или поздно у нее появится молодой человек, и тесный круг родственников расширится.

Его сын Леонардо говорил что-то о депутате Томасе Джеферсоне.

«А что неплохая партия! Начинающий политик и Дуда. Он сможет показать ей весь мир и сделать счастливой, — подумал барон. — А впрочем, пусть сама выбирает того, кто придется по сердцу».

«Деньги, деньги, где же деньги? — он озадаченно смотрел на пустую кредитку. Попрошу-ка я Леонардо подыскать мне чего-нибудь. В пляжные спасатели и вышибалы я, конечно, не гожусь, но мой опыт и знания могут пригодиться в разных областях». Барон вздохнул, выпрямил спину и пошел к дому, весело насвистывая мелодию.

По пути он купил небольшой букетик роз, бутылку красного домашнего вина и коробочку пирожных со взбитыми сливками.

«Хорошее решение, мы обязательно должны это отметить! — решил барон Педру. — Главное в жизни — суметь вовремя принять меры! Остальное — мелочи. Дырявый карман можно зашить, болезнь вылечить, деньги заработать, но, к сожалению, никто не сможет вернуть тех, кого ты любил, кому вовремя не смог сказать о своих чувствах».

Бонсучесу не был баловнем судьбы в полном смысле слова.

Да, ему повезло родиться в богатой и знатной семье с приличными связями и большими возможностями. Но как гласит бразильская пословица: «Богатые тоже плачут».

Барон пережил первую, горячо любимую супругу, мать Леонардо. Она скончалась от испанского гриппа, будучи на шестом месяце беременности, оставив на его руках единственного наследника восьми лет. Его траур затянулся на целых четыре года. Он томился, тосковал, не скрывал своих слез даже на людях, а затем заказал хрустальный саркофаг с двумя мраморными фигурами: молодые женщины с младенцами на руках.

Его собственный наследник оказался полной его противоположностью, и с возрастом разница в характерах отца и сына заметно углубилась. Барон изо всех сил старался делать все, чтобы Леонардо чувствовал себя счастливым и ни в чем не нуждался, приспособливался к его трудному характеру и привычке постоянно

ворчать и делать замечания собственному отцу. А после женитьбы сына с юмором относился к козням и проискам молодой невестки. Несколько лет назад пережил разорение и унижительное содержание, которое ему предоставил собственный наследник из его же сбережений.

Но, видимо, фортуна все же иногда любила заглядывать к нему на огонек, и уже в зрелые годы он дважды получал от нее шикарные подарки.

В его жизни появились две замечательные женщины: внучка Мария Эдуарда и Лаура, та, о которой он даже не смел грезить во сне. Со второй супругой ему было просто, весело и уютно.

Барон Педру относился к жизни философски, с трепетом принимая ее жесткие уроки и фантастические подарки. Он знал, что в этом мире для чего-то существуют бедные и богатые, праведники и воры, властелины и рабы, сильные и слабые, и у каждого есть выбор и свободная воля, чтобы слепить собственную судьбу. Без труда и исканий нельзя добиться большего.

Его собственная взрослая жизнь началась в солнечный апрельский день, когда на день рождения его отец, барон де Бонсучесу, подарил великолепное издание сочинений французского мистика, хироманта и философа Дебарроля «Искусство узнавать жизнь».

Тогда в его двенадцатилетнем теле только просыпалась чувственность и необъяснимая любовь ко всему. Он был открыт миру и думал, что все люди обязательно рождаются с золотой ложкой во рту, с любящими родителями и большими возможностями.

Но стоило ему прочесть пару страниц, как он понял, что ничего не знает о настоящей жизни.

Барон Педру замедлил шаг, присел на лавку и попытался вслух восстановить текст по памяти:

«Учись читать! Без труда я не даю ничего, я в лавровые венки вплетаю крапиву, которая жжет лоб, в пиршественные блюда я выжимаю яд болезней, к богатству я присоединяю скуку и пресыщение, я беру плату за каждое наслаждение, потому что наслаждение есть награда и должна быть куплена усилием... Ищи и обрящешь!»

— Хорошо сказано. Вы мудрый человек, — барон услышал слова незнакомого человека. Мужчина в элегантном твидовом костюме с тростью в руках сидел на другом конце лавки и кормил голубей.

— Простите! — засуетился барон. — Я не заметил вас. С некоторых пор у меня появилась странная привычка высказывать мысли вслух.

— О! Если это такие ценные мысли, я готов сопровождать вас повсюду.

— Какой изысканный комплимент. Спасибо. — Барон улыбнулся и учтиво откланялся.

Глава 27

Назаре не могла, не хотела больше ждать, пока судьба подставит ей очередную подножку в виде пустого счета в банке или другого подобного неприятного сюрприза.

— Как заставить этого поганца играть по моим правилам? — Она уже час пыталась дозвониться до представителя страхового агентства Пауло Энрике.

После трех неудачных попыток, уломать его решить вопрос о страховке Клаудии полюбовно, он перестал отвечать на ее звонки.

«Чего он хочет? — не могла понять Назаре. — Я предложила ему двадцать процентов от общей суммы да еще пообещала незабываемую ночь в шикарном отеле». Она с яростью отшвырнула трубку.

«Ну что ж, если гора не идет к Магомету, значит, Магомед пойдет к горе». — Назаре скинула домашний халат и распахнула дверцы шкафа.

«Что же мне надеть? В прошлый раз я была в кожаном костюме, и это не сработало, потом надевала черное платье от Шанель... Остается последний вариант — женщина в красном. Уж перед этим ни один нормальный мужчина устоять просто не сможет!» — Назаре потянулась к вешалке и почувствовала, что в комнате не одна. Обернувшись, она столкнулась с изумленным взглядом Клаудии.

— Ты так быстро выздоровела?

— Как видишь! — нахмурилась Назаре. — А с каких пор ты начала входить без стука в мою комнату?

— Я стучала, мне никто не ответил, — пыталась оправдаться девушка.

— Только не надо врать! Ты, наверняка, стояла и подслушивала за дверью! — Назаре подошла к ней. — Как же ты отличаешься от своей сестры.

Из глаз Клаудии хлынули горькие слезы.

— Ну, зачем ты так! Почему ты меня ненавидишь? — Девушка стремительно вылетела из комнаты и по привычке направилась в кабинет отца.

— Ничего, поплачь немного. Тебе это пойдет на пользу! — крикнула Назаре ей в спину.

С чувством выполненного долга и в хорошем настроении она прошла в ванную и включила воду.

«Сделаю только все самое необходимое». — Назаре с тоской посмотрела на флакон пены для душа и повертела в руках пузырек с жасминовой морской солью.

«Нет, сейчас не время нежиться в душистой воде. Сначала дело!» Назаре почувствовала, что от долгого сидения в кресле в роли безутешной вдовы ее организм накопил столько дополнительной энергии, что ее могло хватить на то, чтобы спокойно взорвать ближайший супермаркет.

«Теперь я готова действовать и, если надо, то горы сверну! Сегодня этот зануда будет сражен наповал, он просто не сможет уйти, даже если очень захочет!» — Назаре включила яркую подсветку и внимательно осмотрела себя в зеркале.

За годы ее лицо стало несколько мягче, отчасти потому, что она давно перестала работать в борделе, отчасти потому, что в ее жизни появилась Изабел.

— Живя с таким ангелочком, скоро сама станешь ангелом, — любила повторять она, с умилением глядя на дочку.

Назаре сама не заметила, как однажды чужой ребенок цепко схватился маленькой ручкой за ее сердце, чтобы не выпускать никогда. С тех пор она стала

немного мягче, сентиментальнее, ее цели в жизни изменились: теперь она хотела счастья не только для себя, но и для своей приемной дочери.

Неожиданно Назаре нахмурилась и приблизилась к зеркалу: у виска появился новый седой волос. Она безжалостно выдернула его и еще раз придирчиво себя осмотрела. «Единственное, что выдает мой возраст, это шея. Придется надеть высокое кольцо из розового жемчуга».

Она искусно наложила неяркий макияж на лицо, особенно выделив при этом только чувственные губы, уложила волосы феном и сделала яркий педикюр.

Постепенно к ней вернулось хорошее настроение.

«Теперь я вызову такси. Не показываться же в таком виде на улице во время траура!» — Она еще раз оглядела себя со всех сторон и осталась очень довольна.

Выходя из дома, Назаре все же нацепила на всякий случай траурную шляпку, чтобы своим вызывающим видом лишний раз не дразнить соседей.

Такси подъехало к небольшому скверу напротив дома. Назаре спустилась вниз и быстро села в машину.

Через двадцать минут она подъехала к главному офису страхового агентства.

— Не уезжай никуда! — приказала она таксисту и вышла из машины.

Ей очень повезло. Пауло Энрике уже готов был сесть в свой автомобиль, когда она цепко схватила его за рукав. Молодой человек вздрогнул от неожиданности.

— Голубчик, это всего лишь я, не надо меня бояться. — Начала она сладким голосом, который всегда безотказно действовал на мужчин. — Ну, что такое? Какой вы противный! Я с самого утра обрываю вам телефон, уже начала волноваться, думала, что с вами что-то случилось. — Назаре нежно провела рукой по галстуку молодого человека и поймала себя на мысли, что он, пожалуй, ей очень нравится.

Она давно питала особую слабость к натуральным блондинам с голубыми глазами и тем более с сильным характером.

«Интересно, какой он в постели?» — подумала она и ухмыльнулась.

— Добрый вечер, сеньора Тедеску. — Он мягко от нее отстранился. — Я уже говорил вам и не один раз, что наш разговор закончен. И я ничем не могу вам помочь: страховку может получить только Клаудия Тедеску, и вы не имеете никакого отношения к этим деньгам!

— Какой же вы сердитый! — Назаре все еще пыталась быть любезной. — Даже речь заранее подготовили! Ну, всегда же существуют способы, чтобы решить любую проблему! Давайте договоримся полюбовно!

— Знаете что, сеньора Тедеску! Если вы не отстанете от меня, я обо всем расскажу вашей падчерице и сочту своим долгом сообщить в полицию, что вы собираетесь присвоить себе чужие деньги.

— Ты смеешь угрожать мне, сосунок? — Зрачки Назаре сузились. Впервые за всю жизнь ее чары не подействовали. — Не хочешь по-хорошему? Так знай, что теперь у тебя появился еще один враг. А я своих обид никому не прощаю!

Назаре гордо подняла голову и села в такси, демонстративно хлопнув дверью перед его носом.

— У вас проблемы, сеньора? — Все это время таксист пытался понять смысл долетающих до него фраз и выдвинул свое предположение: богатую сеньору бросил молодой любовник. Ему стало очень жалко красивую женщину.

— Я могу для вас что-нибудь сделать? — робко предложил он свою помощь.

Наzare возмущенно посмотрела на него.

— Подарите мне десять миллионов! — огрызнулась она и демонстративно отвернулась к окну.

«Как он смеет влезать не в свои дела!» — Она уже собиралась снова поставить его на место, но вовремя остановилась: внезапно ей в голову пришла интересная идея.

«Может, и хорошо, что так сложилось. Ведь рано или поздно Клаудия могла узнать правду, начался бы судебный процесс и прочие неприятности. А что, если мне сегодня обрадовать девочку хорошими новостями, и сказать о страховке?» — Назаре задумчиво посмотрела в окно.

— Почему мы не едем? — Она заметила, что до сих пор машина стоит на месте.

— Сеньора! Вы были так увлечены своими мыслями, что не расслышали меня. Если вам нужна моя помощь, можете рассчитывать на мои силы.

Наzare с интересом посмотрела на таксиста: простое лицо, лысоватая макушка, сутулые плечи — так, ничего особенного.

«Подумать только, кого приходится вербовать в союзники!» — подумала Назаре.

— Трогай, потом посмотрим. Может, и ты на что сгодишься. — Назаре достала из косметички зеркальце и принялась прихорашиваться. Она аккуратно подкрасила губы, промакнула салфеткой немного расплывшуюся тушь и припудрила нос.

«Ну что во мне не так? Почему этот молодой человек был так холоден со мной? Судя по внешнему виду мне не дашь и тридцати пяти, а это хороший возраст: тело еще не старое, лицо в порядке и опыт кое-какой имеется». — Она чувственно облизала губы и внимательно посмотрела вперед.

Машина ехала явно не в ту сторону.

— Голубчик! Что за фокусы? Не хватало мне еще преступления на сексуальной почве.

— Не волнуйтесь, сеньора, думал вы не заметите, и поехал по длинной дороге. В последнее время от клиентов чаевых не дожدهшься, поэтому и зарабатываю таким образом.

Наzare ухмыльнулась и попыталась лучше разглядеть его выражение лица в зеркале. Он улыбался.

— Я вижу, ты мужик не промах. Своего не упустишь! — Она покровительственно хлопала его по плечу. — Сможешь завтра подъехать на площадь Свободы?

— Нет проблем! Ради вас я брошу все дела! — обрадовался таксист. — Могу я оставить вам визитку?

— О, да ты — серьезный человек.

— А что остается делать, стараюсь.

— Останови машину где-нибудь здесь. — Назаре вытащила из сумочки кошелек и протянула купюру. — Ну, будь здоров, сдачи не надо.

— Позвольте поухаживать за вами. — Таксист вышел из машины, обошел ее и галантно открыл дверь.

— До встречи, голубчик! Скоро ты мне понадобишься.

Домой Назаре вернулась в отличном настроении.

«Ничего, что получилось не так, как я хотела. Есть еще один прекрасный способ использовать страховку: заставить девчонку заплатить по ипотеке». — Назаре открыла дверь и чуть не столкнулась с Клавдией.

— Ну, как прогулка? Я вижу, ты нашла время, чтобы сходить в церковь. — Девушка не скрывала иронии.

Назаре не отреагировала на колкость падчерицы, а сразу начала с главного.

— Луис Карлос даже на том свете думает о нас, — Назаре выдержала паузу и, не дожидаясь вопроса, продолжила. — Он позаботился о том, чтобы мы могли выкупить наш дом.

— И каким же образом?

— Он оставил тебе страховку, по которой мы можем получить приличную сумму. — Назаре мельком взглянула на Клаудию.

— Страховку на мое имя? Значит, эти деньги принадлежат мне.

— Что ты этим хочешь сказать? — нахмурилась Назаре. — Что оставишь близких тебе людей наедине с этой огромной проблемой?

На лице Клаудии отразилась сомнение.

— Подумай, девочка. — Назаре потрепала падчерицу по щеке и прошла в комнату.

«Ловко я разыграла эту партию! — похвалила она себя. — Если не сработает, подключу к решению этого вопроса Изабел. Уж сестре-то Клаудия ни за что отказать не сможет».

Назаре быстро переделась, вынула из холодильника бутылочку шампанского и отправилась в ванную.

«Теперь-то я заслужила право поваляться в душистой воде и отметить мои маленькие успехи!»

Со времен своего законного замужества у Назаре появилась новая привычка: подолгу сибаритствовать в ванне. Для нее это был хороший способ не только расслабиться, но и подумать о жизни. Здесь она строила свои планы, продумывала вечерние наряды, мысленно спорила с воображаемыми партнерами и мечтала, мечтала, мечтала. Вода знала о ней все.

Но в этот раз Назаре захотелось большего. Она до отказа открутила вентель и включила душ. Упругая струя прошла мелкими иголочками по возбужденному телу, заставив ее соски сжаться от восторга. Назаре нагнулась и подставила под мощную струю спину и ягодицы. От сильного ощущения у нее закружилась голова.

«Почему я раньше никогда этим не занималась?» — Она прислушивалась к себе, будто узнавала свое тело заново, издавала странные звуки, экспериментировала и все никак не могла остановиться. Все это время она

чувствовала рядом присутствие несговорчивого молодого человека, Паулу Энрике.

Ее воображение наделило его большим достоинством и маленькой родинкой в районе пупка. Она не давала ему возможность быть хозяином положения, а сама прокручивала всевозможные фокусы, на которых набила руку в юности, работая у мадам Берты.

— Ну, давай, давай, не останавливайся! — прохрипела она и обессилено опустилась в горячую воду, частично уловив затуманенным сознанием посторонний шум.

— Сеньора Назаре! Вам плохо? — За дверью стояла растерянная Фауста.

— Пошла вон, дура! Мне хорошо! И не беспокой меня, когда я отдыхаю! — рывкнула Назаре и отхлебнула из бутылки.

Веселые пузырьки заструились по всему телу, голова закружилась, и ей стало смешно.

«Почему этот молодой мерзавец не идет из моей головы? В нем же нет ничего особенного! Лет через пять у него обязательно появятся залысины и живот, и, скорей всего, отрастет задница. Да, фигура у него совсем не спортивная... Так, ничего особенного...»

Мысли Назаре текли лениво, то и дело перескакивая с недостатков и достоинств Паулу Энрике на текущие домашние проблемы.

«Сейчас я немного подремлю и встану, как огурчик», — решила Назаре и закрыла глаза.

Страшный кошмар из далекого детства вернулся к ней неожиданно.

Начиналось ненастье. Огромная свинцовая туча заставила всех детей разбежаться по домам. Маленькая девочка немного замешкалась на табачном поле, где играла с подругами. Она все никак не могла найти белую туфельку своей куклы. Назаре заглядывала в кусты, шарила по траве руками, пока случайно не наткнулась на что-то твердое: перед ней стояли грубые мужские сапоги.

Назаре подняла голову и увидела человека в рабочей спецовке и грязной кепке. От него пахло бензином и луком.

— Ты здесь играешь одна? — Он поднял пальцем ее подбородок.

— Нет! — соврала Назаре. — Там в кустах мой папа и братья.

На мгновение в глазах незнакомца промелькнул испуг, но, заметив, что девочка стала поспешно от него пятиться, он заметно повеселел. Тогда Назаре сделала последнюю попытку, быстро пробежать мимо него. Но нога нечаянно зацепилась за кочку, и сильная острая боль пронзила все тело. Назаре почувствовала, как ее левая нога опухает и немеет. К горлу подкатил комок, который не давал ни дышать, ни кричать. Что-то сильно сжалось внутри, заставив сознание провалиться в темноту.

— Я тебе помогу, провожу до того сарая, а то ты можешь промокнуть, — сказал мужчина и рывком оторвал от земли маленькое худое тело...

Она очнулась, когда на землю спустились сумерки, от сильной боли и неприятного запаха.

Дождь закончился, оставив после себя огромные лужи и мокрую траву. Нога сильно ныла, но к этой боли прибавилась другая, еще более неприятная и

странная.

У нее было ощущение, будто ее проткнули насквозь. Тело частично онемело, и любое движение отзывалось острой болью. Назаре осторожно провела по бедрам и поднесла руку к лицу, в смятении и ужасе отпрянув. Нос обжег свежий запах собственных фекалий.

— Нет! — изо всех сил крикнула девочка. — Это не могло со мной случиться!

Потом она долго каталась по полу и билась в истерике, но рядом не было никого, кто смог бы ее успокоить. Через час она нашла в себе силы подняться, скинула с себя перепачканную одежду, вымылась в соседней луже и отправилась домой, к отцу-алкоголику и равнодушной мачехе, которым никогда не было дела до ее проблем.

С той самой поры, когда негодяй в рабочей спецовке грубо надругался над ней, она дала себе слово, что отомстит всему миру за то, что родилась женщиной.

В прошлом она пролила много слез и пережила много унижений. Затаила злобу на весь мир и выбрала себе жизненное кредо: «Бери от жизни все, не разбираясь в средствах».

В двенадцать лет она насильно стала женщиной. В тринадцать могла стать матерью, но ребенок родился мертвым. Беременность и трудные роды еще больше ожесточили ее и заставили броситься в темный омут сомнительных удовольствий, который должен был поглотить не только ее еще неокрепшее тело, но и уничтожить душу. Назаре, преодолевая брезгливость, упрямо вставала на путь порока.

За год она переспала почти со всем персоналом клиники, в которой лежала, начиная от главного врача и кончая местным сторожем. Познавая любовь женщин и мужчин, которые встречались ей на пути, она словно хотела испачкаться, как можно больше. Она начала воровать и ни разу не попалась. Кидалась в омут любви и сомнительных удовольствий, но так и не подхватила ни одной серьезной болезни. Интриговала, строила козни, но обязательно находила сочувствующих, которые оправдывали ее действия и помогали ей.

К сорока трем годам она поняла, что достигла многого: у нее есть законный муж, дом, положение в обществе. Никто не собирается наказывать ее за прежние грехи...

Назаре вздрогнула. «Опять этот ужас!»

Она включила холодную воду и долго стояла под ледяной струей душа, стараясь прийти в себя от наваждения далекого детства.

«Я порвала с прошлым. Я должна забыть обо всем!» — убеждала она себя, прислушиваясь к ощущениям внутри.

Фауста не раз подходила к дверям ванной, стараясь уловить признаки жизни своей хозяйки. До ее слуха долетало странное бормотание, крики, смех и всхлипы, похожие на плач.

«Как убивается по супругу», — думала бесхитростная женщина. Наконец, она потеряла терпение, махнула мокрой тряпкой и приняла решение пойти в магазин.

Глава 28

Мария долго приходила в себя после странного телефонного разговора с неизвестной женщиной. У нее хватило силы воли не показывать, насколько важна для нее любая информация о дочери.

Знала бы незнакомка, как в течение трех дней она вздрагивала от каждого телефонного звонка, все время просматривала почту и старалась не отходить от телефона.

В понедельник ее ожидание увенчалось успехом. Анжелика, разбирая почту, наткнулась на странный конверт без обратного адреса и сразу принесла его в кабинет сеньоры ду Карму.

Мария повела себя странно: попросила никого к себе не пускать в течение получаса и заперлась в своем кабинете, чего раньше никогда не делала.

Любопытная Анжелика все же заглянула в замочную скважину и увидела, как ду Карму рассматривает фотографии. По ее красивому лицу текли слезы.

Ей захотелось броситься к Марии, приласкать, сказать хорошие слова, хоть как-то успокоить. «Неужели она получила новости о своей дочери?» — подумала Анжелика и впервые почувствовала острый укол ревности. Резкий телефонный звонок быстро привел ее в чувство. Она подняла трубку.

— Алло! Личный секретарь сеньоры ду Карму у телефона. Здравствуйте!

На другом конце провода замешкались, но она четко уловила чье-то дыхание.

— Алло, вас не слышно, говорите громче! — настойчиво повторяла Анжелика.

Дверь кабинета неожиданно открылась, и на пороге появилась Мария.

Она уже успела вытереть следы слез, но покрасневшие глаза и нос говорили о том, что еще минуту назад Мария была очень расстроена.

— Спасибо, Анжелика, это меня, — она быстро перехватила трубку и прикрыла ее нижней частью ладонью. — Будь любезна, сходи, пожалуйста, за минеральной водой в соседний супермаркет.

Девушка собиралась сказать, что весь холодильник загружен отличной питьевой водой «Перье» и газировкой, но вовремя одумалась.

— Конечно, сеньора Мария. — Она стремительно вышла из кабинета.

Ду Карму проводила ее взглядом, дождалась, когда она захлопнет дверь, и поднесла трубку.

— Если вам есть, что сказать, говорите! — Предчувствия ее не обманули: ей сразу ответили.

— Вы очень умная женщина, раз не собираетесь привлекать к нашим отношениям посторонних свидетелей.

— Оставьте комплименты для тех, кто их по достоинству оценит. Нам незачем соблюдать правила этикета. Вы назначаете цену, я либо принимаю ваши условия, либо нет. — Мария старательно прислушивалась ко всем звукам, доносящимся из трубки. Она уловила шум улицы и гул проезжающего поезда.

«Эта женщина, очевидно, звонит с вокзала», — подумала она.

— Сколько денег вы хотите за вещи моей дочери и информацию о ней?

— Сушную малость — двести пятьдесят тысяч реалов.

— И что же я получу за эту сумму?

— Фотографию дочери в возрасте одного года и информацию о ее местопребывании.

— Какие гарантии вы можете мне дать?

— Никаких!

Мария услышала, что собеседница на другом конце не смогла сдержать свою радость. Смех был приглушенный и немного хриплый.

— Именно это вы и хотели мне сказать? — спросила Мария бесстрастным голосом.

— Если вы дадите честное слово и не будете заявлять в полицию, я пришлю вам фотографию вашей годовалой дочери.

Мария услышала короткие гудки. Но стоило ей положить трубку, как телефон зазвонил снова.

— Я согласна на эти условия! — поторопилась сказать Мария.

В ответ она услышала голос Дирсеу.

— Жду тебя, сеньора ду Карму, завтра в восемь утра у муниципального ЗАГСа. Но только объясни мне сначала, на какие такие условия ты согласна?

Марии стоило больших усилий, чтобы не заплакать снова. Ей хотелось все рассказать Дирсеу, попросить о помощи, спросить совета, но слишком велик был риск.

— Кто про что, а вшивый все о бане! — Мария пыталась казаться несерьезной.

— Откуда ты знаешь эту русскую поговорку?

— Пообщаешься с таким известным журналистом как ты, считаешь двадцать лет его колонку, еще не то узнаешь. — Разговор с Дирсеу немного отвлек ее от мрачных мыслей.

— У тебя все в порядке? У меня такое впечатление, что ты чем-то расстроена.

— Нет! Все хорошо, просто немного устала!

— Это мы можем исправить сегодня же вечером. Могу я пригласить тебя в оперный театр? Мы уже целый год туда не ходили.

— С огромным удовольствием, но только не сегодня: я жду важную информацию от поставщиков.

— Неужели строительные трубы и фитинги могут быть интереснее «Призрака оперы»?

— Извини, дорогой, я действительно не могу. Давай созвонимся вечером.

— Тогда у меня будет еще один шанс. Целую тебя, любимая! Постарайся побыстрее разделаться со своими проблемами.

Мария положила трубку и снова расплакалась.

— Что-то случилось? — Она не заметила, как на пороге появилась Анжелика с большим пакетом из супермаркета.

— Нет-нет, все в порядке. Соринка в глаз попала. — Мария для большей убедительности потерла глаз. — Ну зачем ты таскаешь такие тяжести! — Она виртуозно переключила внимание на Анжелику.

— Здесь всего шесть бутылок, — попыталась оправдаться девушка.

— В следующий раз, когда задумаешь напоить целый полк, возьми с собой в магазин меня или Плиниу. Кстати, где он?

— Я видела только что вашего сына на улице. Он помогал какой-то девушке менять колесо.

— Хотелось бы мне посмотреть, как он это будет делать. По-моему, в свои двадцать четыре года он только и умеет что ходить на вечеринки, танцевать и целоваться с девушками.

Щеки Анжелики вспыхнули ярким румянцем.

Ду Карму зацокала языком.

— Девочка моя, что я вижу! Он и тебе вскружил голову?

Анжелика неопределенно пожала плечами.

— Знай, парень он, конечно, неплохой. Но единственное, что он делает хорошо из серьезных вещей, так это водит машину. А этого слишком мало, чтобы прокормить семью.

В дверь робко постучали.

— Я открою?

— Конечно! — сказала Мария и прошла в свой кабинет.

— Сеньора ду Карму! К вам Рита де Кассиа. Ей можно войти?

— Ну, что за вопросы? Для близкой подруги у меня всегда найдется время.

Рита робко вошла в кабинет. На ней было старенькое ситцевое платье и ниточка пластмассовых красных бус на шее. Но даже застиранная невыразительная одежда не могла скрыть всей прелести ее сильной и стройной фигуры и приятного открытого лица мулатки, которое всегда так высоко ценилось французскими художниками.

Ду Карму впервые нашла себе близкую подругу лишь в большом городе.

Рита выросла в бедной семье на окраине Рио. С детства помогала матери растить младших братьев и сестер и неизвестно, как бы сложилась ее судьба, если бы в один из дней она не пошла на прогулку с младшим братом в парк. Именно там ее заметил молодой человек, который тут же назначил ей свидание. Знала бы она, на что была способна его странная африканская душа. Теперь это был вечный кошмар ее жизни. Но Рита терпела издевательства и побои, пытаясь оградить от трудностей своих детей...

— Рита, дорогая моя, рада тебя видеть! — Мария усадила подругу в кресло напротив. — Ну, как твои дела?

— Я буквально на пять минут. Пожалуйста, не беспокойся!

— Ты слишком редко ко мне заходишь, что так просто я тебя ни за что не выпущу. — Мария выглянула в коридор. — Анжелика, приготовь нам, пожалуйста, по чашечке кофе с молочным ликером.

— Я уже поставила чайник, — приветливо отозвалась девушка.

— Спасибо! Будь любезна, подай нам к кофе по бокалу холодной воды.

Мария плотно прикрыла за собой дверь.

— Как твои дела с мужем? Слышала, что Сигану вышел из тюрьмы два дня назад.

— Пока он тихий и ведет себя грозно только на словах.

— Скажи ему, пусть только пальцем тебя тронет, и тот же адвокат, который его вытащил, посадит его на более долгий срок, — Мария нахмурилась. — Или хочешь, я сама с ним поговорю?

— Не надо. Я заглянула к тебе, чтобы поблагодарить. Может, сейчас он одумается и найдет хоть какую-нибудь работу.

— Рита, Рита! За что такой хорошей женщине, как ты, судьба послала такого мерзавца?

— Наверное, для того, чтобы у меня родились дети.

— Да, Бог послал тебе двух ангелочков, — улыбнулась Мария. — Подожди, знаю, что у Майкла скоро день рождения, купи ему, пожалуйста, от меня подарок.

— Мария, ты и так постоянно балуешь моих детей, а теперь предлагаешь деньги... — растерялась Рита.

— Ты же знаешь, что для меня целая проблема пойти в магазин. А так, ты что-нибудь сама подберешь сыну, да еще здесь и на праздничный стол хватит. — Она крепко обняла подругу и вложила ей в руки деньги.

— Смогу ли я когда-нибудь тебя за все отблагодарить?

— Не выдумывай, пожалуйста, глупости! Если бы я оказалась на твоём месте, неужели ты мне не помогла?

Рита улыбнулась.

В кабинет вошла Анжелика с подносом в руках.

— Сеньора Мария, только что мне передали для вас конверт.

Лицо ду Карму сразу побледнело.

— Что с вами? — забеспокоилась секретарша.

— Все хорошо! — Мария старалась говорить, как обычно. — Немного голова закружилась. Она взяла письмо и сразу положила его в карман.

Те двадцать минут, пока они с Ритой пили кофе, показались ей вечностью.

Она старалась задавать обычные вопросы, смеялась, доброжелательно слушала подругу, но маленький белый прямоугольник, теперь лежащий в кармане ее пиджака, буквально парализовал все ее мысли.

Уходя, Рита осторожно взяла ее за локоть.

— Мне кажется, что тебя что-то беспокоит. Я могу тебе помочь?

— Спасибо, душа моя! Тебе это только кажется! — улыбнулась Мария. — Буду рада, если ты зайдешь ко мне на этой неделе домой, и захвати с собой детей. У меня сейчас живут внуки, пусть немного развлекутся.

— Постараюсь. Спасибо за все! — поблагодарила ее Рита и вышла из комнаты.

Мария проводила подругу до самого выхода и остановилась перед столом секретарши.

— Анжелика, — сказала она, как бы между прочим, — а кто передал тебе этот конверт?

— Мужчина. Наверное, посыльный.

— Да-да! Конечно, посыльный, — Мария задумчиво потерла переносицу. — Знаешь что? Я тебя сегодня целый день мучаю разными поручениями, езжай-ка ты домой, отдохни или зайди в парикмахерскую, сделай себе прическу.

— Но я...

— Не спорь, пожалуйста, пока я твой босс, и мне виднее устала ты или нет!

— Спасибо, сеньора Мария, до свидания. — Анжелика поняла, что ду Карму хочет остаться наедине с загадочным конвертом.

Мария закрыла офис изнутри и поспешила войти в кабинет. Она внимательно изучила конверт: от него пахло тонкими женскими духами «Ночь на пляже».

«Странный вкус у этой дамы, — подумала она. — Эти духи раньше предпочитали состоятельные проститутки из Рио».

Мария аккуратно разрешила конверт бумажным ножом и вынула из него маленькую детскую фотографию.

Снимок был нечеткий, очень старый, черно-белый с пожелтевшими краями. Но и это не помешало ей узнать в маленькой девочке с огромными серыми глазами свою дочь. Очаровательная малышка в пышном белоснежном платье и крохотных башмачках сидела в огромном кожаном кресле и серьезно смотрела на фотографа.

— Девочка моя, Линдалва! — Мария прижала фотографию к груди. Руки ее стали ватными, голова закружилась. Она с трудом открыла ящик письменного стола и вынула из него аптечку. Что-то тяжелое давило ей на грудь, словно невидимая крепкая рука сильно сжала ей сердце.

— Где-то здесь был спрей. Мне надо успокоиться. — Мария высыпала все лекарства на стол. — Вот он!

Она повертела баллончик в руках, соображая, как его лучше использовать, а затем запрокинула голову и прыснула лекарство на язык.

Неприятный острый вкус обжег гортань и заставил ее на миг прийти в себя.

— Все. Сейчас мне станет легче, — сказала она самой себе. Тяжелый спазм исчезал постепенно, через минуту она стала дышать спокойнее и ровнее.

«Я не позволю себе умереть. У меня слишком много дел в этой жизни». — Она уронила голову на стол и закрыла глаза.

Незаметно она потеряла счет времени. На улице стемнело. По стенам кабинета расплзлись причудливые тени.

Сон был тяжелый и глубокий. Марии снился грязный автобус, который проезжал мимо усталого молодого велосипедиста с лицом Дирсеу. Она хотела выйти из него, что-то говорила шоферу, металась по автобусу. Но ее словно никто не видел. Люди разговаривали о чем-то своем, водитель насвистывал веселую мелодию.

— Почему, почему вы не хотите со мной разговаривать! — кричала она, что есть силы. Но никто даже не посмотрел в ее сторону. Тогда она заглянула в маленькое зеркало в кабине водителя и не увидела своего отражения.

— Боже! Что со мной? — Она пыталась найти свои руки, свое тело, но ничего не увидела. Тогда Мария подумала, что это какой-то розыгрыш и бросилась в салон к детям, но вместо них увидела грязные тюки и сумки, наваленные на места, где только что были ее малыши.

— Нет! Этого не может быть! — закричала она... и проснулась.

Мария с трудом добрела до окна и распахнула его настежь. Под одиноким фонарем задумчиво стоял мужчина и внимательно смотрел на витрину ее

магазина.

Что-то до боли знакомое показалось ей в его манере подпирать левым кулаком бок, слегка покачиваясь на носках.

— Жозевалду?

Мужчина посмотрел на распахнутое окно, улыбнулся и зашагал прочь.

— Этого не может быть! Господи, не дай мне сойти с ума! — Она обессиленно рухнула в кресло. — Нет, раскисать нельзя. У меня появилась надежда найти дочь, и я должна сделать все, что в моих силах.

Мария включила свет и собрала разбросанные вещи.

«Сейчас приведу себя в порядок и поеду домой», — решила она и потянулась за трубкой, чтобы позвонить Дирсеу.

Телефонная трель на миг оглушила ее, заставив вздрогнуть от неожиданности.

— Я смотрю, ты совсем не торопишься домой, сеньора ду Карму, — голос был прежний.

— Что ты хочешь мне сказать на этот раз?

— Ты уже получила фотографию дочери. Теперь готовься к следующему этапу. Завтра в пять часов утра я буду ждать тебя на пристани, у второго выхода в старый ангар. Ты знаешь где это место?

— Да, конечно!

— Имей ввиду, если я замечу, хоть намек на какую-нибудь слежку, меня ты больше не увидишь.

— Я даю тебе честное слово, — сказала Мария и услышала частые гудки.

Как ни странно, но после разговора она почувствовала себя гораздо легче, к ней вернулись прежняя уверенность и способность здраво мыслить.

Закрыв офис, она спустилась вниз через магазин, поставила его на сигнализацию и, уже подходя к входной двери, чуть не столкнулась с Дирсеу.

— Дорогой!.. — обрадовалась Мария. — Но как ты понял, что я еще здесь?

— Просто проезжал мимо и увидел свет в твоём кабинете. — Он нежно поцеловал ее и оторвал от земли.

— Что ты делаешь? — Мария обвила руками его шею.

— Похищаю тебя, пока никто не видит.

— Перестань дурачиться!

— Не сопротивляйся, мы еще ни разу не делали это в машине...

Глава 29

Назаре проснулась рано утром, еще до рассвета, чтобы как следует продумать все детали предстоящего дела. Кругом было очень тихо. Только робкое тиканье часов нарушало сонную тишину дома.

Назаре накинула на себя халат и быстро спустилась вниз.

Как нарочно, холодильник был забит полуфабрикатами из мороженой рыбы, зеленой фасоли, консервированных бобов, а также морепродуктами и кусками холодного мяса.

Назаре поморщилась, так и не найдя в нем ни кусочка сыра или чего-нибудь

сладкого.

«Где же Клаудия прячет свои шоколадки?» — Она принялась тщательно исследовать длинные отделения дверцы холодильника. Результат поиска ее порадовал: пластмассовая баночка апельсинового джема, полплитки шоколада с орехами и два кофейных бисквита.

«Хотелось бы посмотреть на эту мартышку Клаудию, когда она увидит, что ее завтрак куда-то исчез». — Назаре затряслась от приступа беззвучного смеха и почувствовала приятный прилив сил.

Она разложила на салфетке свой трофей, немного полюбовалась на него и сразу отправила в рот большой кусок шоколадки.

«Как только у меня в руках будут деньги, я тут же выкуплю долю у Клаудии. И пусть она катится, куда подальше!» — Назаре промакнула губы свежей салфеткой и стряхнула крошки на пол.

«Нет свидетелей, нет доказательств... Теперь пора подумать о внешнем виде».

Назаре, не мешкая, спустилась в подвал, чтобы найти что-нибудь попроще из своего бывшего гардероба. Она быстро перебирала тряпки, морщилась, ругалась и, наконец, остановила свое внимание на незаметной серой шляпке с мягкими полями и такого же цвета классическом костюме.

«Теперь я похожа на большую серую мышь. — Она внимательно осмотрела себя в зеркало и осталась довольна. — Чем незаметнее я буду, тем лучше!» — решила она.

В четыре тридцать утра такси подъехало к главному входу в парк. Назаре не стала ждать, пока ей откроют дверь. Она сама уселась на заднее сидение прямо за спиной таксиста, чтобы он не мог видеть ее лица.

— Куда мы едем, сеньора, на этот раз?

— Отвези меня на пристань и чем быстрее ты это сделаешь, тем больше чаевых получишь.

— Хорошо, сеньора.

— Кстати, как тебя зовут? Я запомнила твоё имя. Гектор, кажется?

— Жилмар.

— Да-да, Жилмар! Вот еще что. Ты оставишь машину в трехстах метрах от входа в ангар и будешь ждать меня не больше тридцати минут. Если я не выйду оттуда, уезжай.

— Что-то мне не нравится это, сеньора. Это не связано с чем-то криминальным?

Такого поворота сюжета Назаре никак не ожидала. Но ей хватило минуты, чтобы прийти в себя. И она театрально всхлипнула.

— Что-то не так? Я могу вам помочь? — сразу забеспокоился расстерянный водитель.

— Можете, — с пафосом заговорила Назаре. — Я еду на пристань, чтобы передать деньги одной бессовестной дряни, любовнице моего мужа. Она дала мне слово, что не оставит его, если сегодня не получит от меня деньги.

— Хотите, я пойду с вами или сам переговорю с вашей соперницей?

— Нет-нет! Это бесполезно. Сделайте, что я прошу. Этим вы мне очень

поможите.

Всю оставшуюся дорогу они ехали молча.

Наzare ликовала: ей удалось с минимальными усилиями заманить к себе в союзники полезного человека. Когда машина въехала на территорию порта, она была готова ко всему, мысленно подобралась и успокоилась. Сердце билось ровно и спокойно.

«Как интересно, я даже не волнуюсь. Любопытно, узнает ли меня ду Карму после стольких лет или нет?» — Назаре, убедившись в том, что таксист поставил машину на нужное место, прошла в огромное помещение ангара и внимательно изучила площадку.

Освещение было неяркое, кругом стояли ржавые контейнеры, наполненные списанными деталями морских судов и прочим техническим мусором.

Наzare выбрала площадку около одного из них. Рядом с погрузчиком. Отсюда можно было быстро ускользнуть в случае опасности через соседний выход в следующее помещение или забраться наверх и быстро спуститься по пожарной лестнице. Она внимательно осмотрела соседнюю стену с огромным количеством выключателей и рычагов.

«Вот это настоящая удача! — обрадовалась Она. — В случае опасности я просто вырублю свет!»

Она уловила гулкий стук женских каблучков по металлическому полу.

«А вот и гости!» — Назаре пришла в радостное возбуждение и посмотрела на часы. Было ровно пять утра.

— Сеньора ду Карму! Вы одна?

Мария вздрогнула и обернулась. В дальнем углу между огромным контейнером и электрическим пультом стояла высокая статная женщина в строгом костюме стального цвета. Ей почудилось что-то неуловимо знакомое в этой фигуре.

Она подошла поближе, пристально всматриваясь в силуэт. Широкая шляпа тщательно скрывала от нее лицо незнакомки.

— Вы принесли деньги? — Голос был низкий и глухой.

— Да. — Мария подняла большую кожаную сумку.

— Откройте ее и покажите деньги, — приказала женщина.

Мария вынула из сумки несколько толстых пачек.

— Хорошо! — успокоилась незнакомка. — Оставьте то, что принесли на месте и отойдите к двери.

— Я не собираюсь уходить отсюда с пустыми руками. — Мария проявила неожиданную твердость. — Вы видели, что я вас не обманула, теперь говорите, что собирались мне сказать. Я оставлю сумку у себя. Вы можете подойти и забрать ее.

— Подумать только, вы диктуете мне условия? — Назаре невольно приблизилась к ду Карму. — Ну, хорошо, я сегодня добрая. Линды сейчас нет в Бразилии. — Мария от неожиданности выпустила сумку из рук, и она тяжело шлепнулась к ее ногам. — Ее отдали на усыновление в Израиль. Теперь девочку зовут Клаудия.

«Это лицо я видела в день похищения! — Марию озарила внезапная

догадка. — Это же та самая Лурдес, которая вызвалась мне помочь в тот день!» Она отступила на шаг, а потом яростно бросилась ей навстречу.

— Это ты ее похитила! Я узнала тебя!

Назаре была ошарашена таким проявлением темперамента, она отскочила в сторону. А затем, сделав хитрый маневр, подхватила сумку и метнулась к электрическому пульту.

Раздался щелчок, и весь ангар сразу погрузился в темноту.

Мария, ничего не видя вокруг, продолжала преследовать Назаре, ориентируясь лишь на стук ее каблуков. Она пересекла пространство, вслепую поднялась по какой-то лестнице и оказалась на площадке. Там уже никого не было. Мария растерянно обернулась и увидела, что женщина ловко спускается по пожарной лестнице. Не раздумывая, она бросилась в погоню.

У Марии было небольшое преимущество: ее руки были свободны, поэтому она все же смогла догнать преступницу и вцепиться в сумку.

— Сейчас я позову на помощь, ты попадешь в полицию и там расскажешь настоящую правду, — сказала Мария, пристально глядя ей в глаза.

Со стороны могло показаться, что две дамы репетируют какой-то странный танец, медленно двигаясь по кругу.

— На помощь, Жилмар! — отчаянно крикнула Назаре и сделала еще одну попытку вырваться из цепких рук ду Карму.

Мария не заметила, как из такси выскочила щуплая мужская фигура и кинулась в их сторону. Раздался странный глухой звук, сознание померкло, тело стало ватным, и она провалилась в темноту.

— Как ты вовремя! — обрадовалась Назаре. — Бежим скорее. Она может в любое время очнуться!

— Погодите, сеньора, вы меня обманули. Я слышал, что вы похитили дочь этой женщины.

Нашел время выяснять отношения! Ты же только что стал моим соучастником! — захохотала Назаре, глядя на Жилмара, который растерянно стоял с доской в руках и хлопал бесцветными ресницами. — Да, я давно вляпалась в эту грязную историю, но только из-за того, чтобы спасти жизнь маленькому ребенку... А теперь Изабел, бывшая дочь этой страшной женщины, живет со мной! И она очень счастлива! — Назаре почувствовала, что сболтнула лишнее и остановилась, перейдя на более суровый тон. — Да почему я должна перед тобой оправдываться? Твое дело выполнять мои поручения, а не устраивать здесь допросы. И имей в виду, если сюда приедет полиция, я все свалю на тебя! — Она с силой подтолкнула Жилмара к машине. — Поехали-поехали! Нам нельзя здесь оставаться, потом поговорим спокойно.

Такси, стремительно рванувшее с места, чуть было не столкнулось с большим черным джипом, въезжающим на площадку.

Назаре на всякий случай пригнула голову и надвинула на лицо шляпу.

В салоне сидели двое мужчин. Одного из них она сразу узнала. Это был президент школы самбы «Унидус де Вилла Сан-Мигель» Джованни Импротта. Второго мужчину она видела первый раз.

«Этого еще не хватало: ду Карму заранее позаботилась о помощниках».

— Гони, гони, быстрее! Нам нельзя здесь светиться.

Когда машина выехала на шоссе, Жилмар заметно сбавил скорость и перестроился в первый ряд.

— Сеньора! — начал он. — Обстоятельства этого темного дела заставляют меня изменить условия нашего сотрудничества.

— Какой ты стал красноречивый! — язвительно прокомментировала Назаре.

— Не делайте из меня дурака: я следил за вами и видел все, что происходило в ангаре, — сказал Жилмар, намеренно пропустив ее замечание.

Такого оборота от этого простака, который до этого ронял слюни, глядя на откровенный вырез ее платья, она не ожидала.

— Что же ты хочешь за свое молчание?

— Ровно половину того, что лежит у вас в сумке! — сказал он и остановил машину.

— Почему мы встали?

— Красный свет! Мы подъехали к светофору. Ну, как? Вы готовы принять мое предложение? Подумайте, мне ничего не стоит рассказать интересные подробности нашей встречи в отделении местной полиции.

— Мне надо подумать, — сказала Назаре. — К такому повороту я не готова.

— Я не тороплю вас. — Жилмар пожал плечами и отвернулся.

Назаре дождалась, когда на светофоре появится желтый свет и, стремительно распахнув дверь, выскочила из машины.

— Стой! Куда?! — попытался остановить ее Жилмар, но его голос был быстро заглушен возмущенными сигналами автомобилистов, которые торопились проехать на зеленый свет.

Назаре стремительно спустилась по переходу, не встретив никого по пути, и вскоре оказалась на противоположной стороне улицы.

Прямо навстречу ей ехало новенькое блестящее такси.

«Вот это — настоящая удача!» — обрадовалась она и проголосовала.

Мария пришла в себя от того, что кто-то активно массирует ей голову и гладит по лицу.

— Дирсеу? — предположила она, уловив лишь знакомую тень.

— Да-да, любимая! Я здесь!

— Такси... Не дайте им уйти! — Мария попыталась встать, но пошатнулась и упала ему на руки.

— Не волнуйся, я приехал не один. Джованни, гони за машиной! Она только что проехала мимо нас.

— Уже еду! — тут же откликнулся Импротта. — А ты побудь здесь, пока я не пришлю за вами машину.

— Если надо будет, я отнесу ее домой на руках, — огрызнулся Дирсеу.

Джованни хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой и поспешил сесть в машину.

Черный джип тяжело развернулся и направился в сторону шоссе.

— Как вы узнали, что я здесь? — К Марии постепенно возвращалось прежнее самообладание.

— У тебя отличная секретарша! Хорошо, что ты разрешила ей пожить у себя.

— Да, Анжелика замечательная девушка, — Мария сделала успешную попытку встать на ноги. — Но как она узнала, куда я поехала?

Все очень просто, как только ты ушла из дома, она тут же кинулась к тебе в комнату. Вчера ей показалось, что тебя кто-то шантажировал. И когда она нашла там фотографию Линды, испугалась за тебя и подняла всех на ноги.

Плинию пришло в голову позвонить мне и Джованни. Мы были у тебя уже через пятнадцать минут после твоего ухода. И хотели уже заявить в полицию, но тут Джованни обратил внимание на странную запись на обороте фотографии: «В 5 утра. Порт. Ангар № 2».

— Неужели я сделала это на единственной фотографии моей дочери?

— Как видишь, очевидно, ты была не в том состоянии, чтобы полностью себя контролировать...

— Дирсеу, надо вызвать детектива Мадругу. Я узнала ту женщину, именно она украла у меня Линдалву!

— Не волнуйся, любимая! Как только мы приедем домой, я лично привезу его к тебе.

Мария спрятала свое лицо на груди Дирсеу и дала волю слезам.

Назаре быстро добралась до дома, даже не стараясь скрыть свое ликование. На такую сумасшедшую удачу она просто не рассчитывала.

«Подумать только у меня в руках сумка, в которой лежат двести пятьдесят тысяч реалов! И из них я не потратила ни одной монетки! Даже не заплатила за услуги Жилмару!» — Назаре быстро поднялась по лестнице, скидывая с себя ненавистные серые тряпки, и вихрем ворвалась в собственную спальню.

«Господи, мне уже давно не было так весело! — Назаре хотелось набрать в грудь воздуха и закричать, что есть силы. Она упала на свою широкую кровать, раскинув руки и закрыла глаза. — Дрыхнут сони, и не знают, что у них в доме появился счастливый человек!»

— Мама! Ты такая счастливая! Что случилось? Па лестнице — странная одежда, твоя дверь нараспашку... — На нее смотрела Изабел.

— Девочка моя! Мне удалось достать деньги! Ты понимаешь, что это значит? — Назаре возбужденно соскочила с кровати и закружила Изабел по комнате.

— Мама! Я сейчас упаду!

— Радость моя! Теперь весь дом достанется нам. Понимаешь? Только нам двоим!

— А куда же денется Клаудия? Она же моя сестра, и я не хочу, чтобы она оказалась на улице.

— Ты, моя добрая, моя милая девочка, все заботишься об этой мерзавке.

— Мамочка, ты же знаешь я не люблю, когда ты так говоришь о моей сестре.

— Ничего с ней не случится. Она еще будет мне целовать руки и говорить «спасибо».

— Кому я буду целовать руки? — на пороге появилась Клаудия.

— Ах, это ты. Как говорится, помяни черта, он и появится.

— Что ты говоришь, Назаре?! Ты так кричала и топала, что даже я проснулась. А потом, если у тебя от меня секреты, почему ты держишь дверь нараспашку?

— Не смей мне дерзить! У тебя всегда и на все есть ответ! Я растила тебя, противная девчонка, с пятилетнего возраста. Где же твоя благодарность?

— Тебе с утра не терпится со мной поссориться?

— Нет, я хочу предложить тебе кое-что интересное, к примеру, купить свое собственное гнездышко. — Назаре сверкнула своими безупречными крупными зубами.

— Мама, о чем ты говоришь? — воскликнула Изабел.

— Как быстро ты меняешь свои планы, — нахмурилась Клаудия. — Еще вчера ты говорила мне о страховке на мое имя и просила заплатить по ипотеке. Сегодня же предлагаешь купить собственное гнездышко!

— Да, мама, откуда у нас появились деньги? — Изабел подвинула к матери кресло.

— Спасибо, дочка! — Назаре присела на самый край и вытянула стройные ноги. — Просто я их достала. Заняла, если хотите! Заняла на неопределенный срок.

— И кто же дал тебе такую огромную сумму? — Клаудия не скрывала своей иронии.

— Друг твоего отца!

Лицо девушки сразу стало серьезным.

— Да-да, друг! У Луиса Карлоса были не только деловые связи, но и дружеские!

— Не нравится мне все это, — сказала Клаудия и вышла из комнаты.

— Мам! Ты говоришь правду? — Изабел села на корточки и заглянула ей в глаза.

— Конечно, дочка! Это закон жизни: нам „после стольких неприятностей и испытаний просто должно было повезти!

— Как же я рада за нас, мамочка! — она обхватила мать руками и положила голову на ее колени.

— Радость моя, мы с тобой обязательно станем счастливыми!

Глава 30

Налва с тоской ходила по дому, не зная чем бы себя занять. Она разглядывала виниловые обои, дотрагивалась до разных предметов, которые ей попадались на пути и, сделав круг, возвращалась снова.

«Этот сеньор Джованни — настоящий идиот! Надо же, догадаться подкинуть моему мужу идею устроить праздник в школе самбы. Хоть бы у меня спросили, нужно ли мне это! Ну, почему я в свой собственный день рождения должна делать то, что мне противно?»

— Сеньора Миналва, не хотите позавтракать? — Перед ней неожиданно появилась горничная. — Леандру сказал, чтобы Клементина оставила вам

пирожки и горячие булочки.

— Спасибо Сиссера, мне не хочется. — Налва лениво потянулась. — Кругом так тихо. Все разъехались?

— Да, в доме только Клементина и Вириату. Он спит сейчас в своей комнате.

— Да? — Налва тут же повеселела. — А знаешь, пожалуй, я позавтракаю, но только не на кухне. Где, ты говоришь, Клементина спрятала для меня пирожки?

— Давайте я подам вам завтрак на подносе? — засуетилась Сиссера. — В холодильнике остался отличный козий сыр, сливки...

Отличная идея! — улыбнулась Налва. — Принеси все в комнату прямо сейчас.

— Хорошо, сеньора. Вы будете чай или кофе?

— Знаешь что, принеси мне и то и другое. Только обязательно поставь на поднос две чашки.

— Слушаюсь, сеньора. — Сиссера удивленно пожала плечами и спустилась вниз.

Миналва ликовала. Сейчас она попробует устроить завтрак на двоих. Такая идея должна понравиться любому молодому мужчине и тем более Вириату.

Налва под села поближе к зеркалу и открыла ящичек с любимой косметикой.

«Так, что тут у нас? Блеск для губ со вкусом клубники. Он ее терпеть не может... А вот со вкусом кофе подойдет: и красиво и натурально. Немного матовой пудры на нос, щеки и лоб. Теперь румяна. Пусть будут тоже кофейные. Духи. С утра, конечно, „Фаренгейт“. Французы знают толк в запахах. Что-то неуловимое, манящее и сексуальное. Да! Лифчик долой! Побольше естественности. Я только встала. Мне принесли завтрак и я любезно решила его разделить с братом своего мужа... — Она сделала последний штрих. — Вот так. Отлично!»

В дверь громко постучали. От неожиданности Налва выронила кисточку из рук.

— Кто там? Входите!

Стук повторился.

— Входи, Сиссера, ты меня пугаешь! — Налва открыла дверь. — Ну, что такое?

На пороге стоял сияющий Леандру. В одной руке он держал охапку свежих роз, в другой — поднос с завтраком.

— Сюрприз! Извини, руки были заняты, пришлось стучать ногой. Я не очень сильно напугал тебя?

— Нет, — Налва отвернулась и прошла в комнату. — «Ну, почему так, почему мне судьба послала это испытание? Я не люблю его, веду себя, как последняя стерва, а он только улыбается и всегда стремится сделать мне приятное. Уж лучше бы избил меня, накричал, запер в комнате, а от него только и слышишь: „Дорогая, любимая, радость моя“. Если бы на его месте был Вириату!»

— Ты такая взъерошенная. Что-то случилось?

— Нет, просто не выспалась.

— Это не страшно, дело поправимое. — Леандру поставил поднос на стол и разлил кофе по чашкам. — Мне удалось убежать на полчаса с работы, чтобы вместе с тобой позавтракать. Ты рада?

— Рада, — сказала Налва сквозь зубы и села к столу.

— Давай заодно обсудим праздник. До него осталось только два дня.

Налва резко встала, чуть не опрокинув поднос.

— Я не хочу говорить на эту тему, мне совсем не хочется ни веселиться, ни танцевать!

— Но ты же считаешься самой лучшей исполнительницей самбы в школе Джованни. И потом, — Леандру привел самый главный аргумент, — на праздник придет вся наша семья...

— Вся семья? — Налва немного оживилась. — Хорошо, я подумаю.

Она разрежала булочку пополам, намазала ее джемом и задумчиво откусила.

«М-м-м, вкусно! Какой интересный привкус у теста, будто туда добавили сливочный ликер».

Миналва всеми силами старалась справиться со своими эмоциями: думала о кофейном аромате, о гувернантке Клементине, которая печет такие бесподобные булочки, о ее дочери Аурелии, которая помогает ей по хозяйству, но вскоре поймала себя на том, что ее мысли перескочили на мужа. «Ну, почему у Леандру такие большие крестьянские руки, красноватые, широкие и крепкие? Трудно представить, что человек с такими руками с отличием закончил университет и получил диплом. Ему бы в поле фермером работать или крутить баранку в таксопарке».

Небольшая фарфоровая чашка была еле заметна в руках Леандру. Со стороны могло показаться, что он пьет из собственного кулака. «Что у него за манера, обхватывать чашку пальцами целиком? Это даже неприлично!»

Леандру болтал не умолкая. Он что-то говорил про будущий праздник, про работу...

Миналва лишь иногда кивала головой, изо всех сил стараясь справиться с волной раздражения, которую вызывал в ней всего лишь внешний вид мужа.

«Ну, почему он так сильно отличается от брата? Его круглое улыбчивое лицо, типичный бразильский нос, широковатый и слегка приплюснутый, темные волосы, ямочка на подбородке так раньше нравились мне. Раньше, а не теперь... — Налва сделала себе еще один тост. На этот раз он ей показался безвкусным. — А ведь он — точная копия ду Карму! Боже мой, как я раньше не обращала внимание на то, что сплю с клоном моей собственной свекрови! — Это неожиданное открытие заставило ее усмехнуться. — Почему же два родных брата и такие разные? Вириату элегантный, утонченный, красивый. У него такие ясные глаза, светлые волосы. В нем сразу чувствуется порода, аристократическая стать...»

— Ты меня совсем не слушаешь, Миналва! Что случилось?

Его вопрос странно подействовал на нее: внутри что-то оборвалось и остановилось. Миналва прислушалась к себе: она впервые за последнее время почувствовала себя спокойно. В голове родилась мысль, которая очень понравилась ей своей простотой и ясностью.

— Знаешь что? — Налва впервые посмотрела мужу в глаза. — Отпусти меня. Давай, проживем с тобой раздельно.

— Как раздельно? — растерялся Леандру. Он встал и приблизился к ней. — Я и так редко бываю дома, прихожу поздно. Мне часто приходится ездить в командировки. И я все время скучаю по тебе. Ты из-за этого расстроилась? — Леандру заглянул ей в лицо. — Что случилось?

— Я больше не испытываю к тебе прежних чувств, — Налва опустила голову, внутренне готовясь к бурной реакции мужа. — «Пусть он накричит на меня, ударит, начнет угрожать, но только не уйдет молча!»

Тишину комнаты нарушило только тиканье часов и шуршание легких занавесок. Залетевший в комнату ветерок, легко поднял белый тюль и накинул его на голову и плечи Налвы, отчего она сразу стала похожа на невесту.

Это прикосновение не испугало ее, а скорее обрадовало, будто кто-то третий, невидимый появился в комнате и незаметно погладил ее.

«У меня появился союзник», — подумала она.

— Ты говоришь так спокойно, даже безразлично... — Леандру стало страшно по-настоящему. Он и раньше замечал странности Налвы, но всегда списывал это на счет ее горячего нрава и вздорного характера, но предположить, что ее проблема так серьезна, он не мог.

— Я не хочу больше так жить. Я все время одна... — Налва пыталась смягчить сказанное.

— Дай мне еще один шанс! Только один шанс! У нас обязательно все получится, — Леандру отчаянно обхватил ее колени.

Назаре посмотрела на ажурные стрелки часов. Они висели прямо перед ней и притягивали внимание своим нестандартным корпусом в виде большого символического доллара. «Скоро двенадцать, время ланча! Надо же день только начался, а я успела столько сделать! За час заработала двести пятьдесят тысяч реалов и теперь сижу в главном офисе банка „Кобакабана“. Ну, разве я не умница? — Она поглубже устроилась в мягком кресле и положила ногу на ногу. — Какой забавный банковский клерк!» — Назаре переключила свое внимание на полного мужчину, сидящего перед ней, похож на медвежонка, но только лысого. Ей стало очень весело и она засмеялась.

— Вы единственная женщина на моей памяти, кто так доброжелательно воспринимает всю эту бумажную волокиту, — сделал ей комплимент работник банка.

— И что же делают ваши клиентки? — заинтересовалась Назаре.

— Сначала радостно улыбаются, потом требуют кофе, скучают, капризничают, некоторые ругаются... Подпишите, пожалуйста, последнюю бумагу, — Клерк придвинул ей листок.

— Мария де Назаре Тедеску, — она с удовольствием поставила свою крупную витиеватую подпись. — Что ж, пойдем в хранилище?

— Нет-нет, сеньора, вам не придется выходить отсюда.

Назаре вновь откинулась на спинку кресла и приготовилась ждать.

— Вы представляете, мой покойный супруг хранил это богатство иод матрасом! — рассмеялась она. — Уж я то знаю, что деньги должны работать,

расти и приносить доход.

— Да, им нежелательно лежать без движения, — вежливо согласился клерк. — А вот и последняя стадия, — он вставил внушительную пачку денег в счетный аппарат. — Вы что-нибудь возьмете отсюда?

— Нет. Я уже оставила себе пятьдесят тысяч на мелкие расходы и собираюсь потратить их на себя, — Назаре заговорчески придвинулась к нему поближе. — На мой взгляд, это самое выгодное вложение: подтяжка лица, липосакция, неделя в салоне SPA, чтобы избавиться от стресса. За эти деньги я куплю по меньшей мере пятнадцать лет жизни.

— Что ж, успеха вам, сеньора. Наш банк счастлив, что вы выбрали именно наши услуги, — он галантно встал и поцеловал Назаре руку.

Из банка Тедеску вышла в приподнятом настроении. «Сейчас поймаю такси и поеду развлекаться!» — решила она, остановившись у светофора.

Большой черный джип остановился рядом. Назаре почувствовала смутную тревогу. Она незаметно попыталась рассмотреть тех, кто сидел в салоне. Внутри у нее все похолодело. «Опять этот нелепый лимонный пиджак и галстук? Этот Джованни Импротта меня просто преследует!» Джованни сделал странный жест рукой, будто поймал муху, что-то сказал своему спутнику и высунулся из машины. Назаре отвернулась.

«Неужели, они едут на парковку, где работает Жилмар? Но как они смогли так быстро вычислить его? Думай, думай! Надо срочно что-нибудь предпринять». — Назаре поспешила к телефонной будке и достала визитку Жилмара.

— Пригласите, пожалуйста, сеньора Жилмара! — Сказала она, как можно любезнее.

— Подождите, сеньора. Он сейчас подойдет.

Назаре показалось, что время остановилось. Она нервно барабанила своими длинными пальцами по пластиковой трубке. Наконец, ей ответили.

— Помнишь меня? Привет!

Таксист был растерян и поэтому ответил не сразу.

— С вашей стороны было наглостью позвонить мне.

— Ты обрадуешься, когда узнаешь причину, — сказала Назаре вкрадчиво.

— Нам больше не о чем разговаривать.

— Мы так внезапно расстались, что я даже не рассчиталась с тобой за поездку.

— Зачем вы дразните меня?

— По-моему, мы договорились о сумме в тридцать тысяч?

— Я уже сказал вам, что хочу ровно половину, иначе я расскажу все, что я знаю полиции, — голос Жилмара звучал уверенно и твердо.

— Я просто не могу этого сделать, — Назаре виртуозно разыграла волнение. — Часть денег должна пойти на лечение моей дочери. Она больна и ей требуется серьезная операция. Ладно! Мое последнее условие: я предлагаю тебе пятьдесят тысяч. Давай встретимся в баре рядом с главной парковкой Копакабаны.

— Я не верю вам.

— Через полчаса я буду на месте. Приходи и возьми их.

Жилмар упрямо держал паузу, словно решал для себя — соглашаться или нет. Но она-то точно знала, что никто не откажется от суммы, которая так легко плывет в руки.

— Так и быть, — наконец, решился он, — я возьму эту мелочь. Но смотрите, если вы меня обманете, я тут же пойду в полицию!

— До встречи, дорогой! — проворковала Назаре и первой повесила трубку.

До места встречи было рукой подать, поэтому Тедеску шла не спеша, не пропуская ни одной витрины магазина. Все пестрело ядовитыми яркими красками: красные и лиловые цвета лишь иногда разбавлялись розовыми или цикламеновыми оттенками.

Назаре с удовольствием рассматривала свое отражение в витринах. «А что? Я вполне соответствую нынешней моде. Красная юбка до колен с четырьмя короткими разрезами, облегающая трикотажная кофточка. Да и цвет вполне подходящий: с приятным оттенком красного, непринужденно переходящего в желтый.

«Я еще вполне недурна». — Точно в подтверждение своим мыслям она услышала протяжный мелодичный свист у себя за спиной и странную речь. — «Beaute du diable!» (бесовская красота) — Назаре обернулась.

Мимо нее проходила длинная вереница иностранных туристов, в основном преклонного возраста. Все они улыбались и бесцеремонно пялились на нее. Рядом с бесцветными миниатюрными женщинами с перманентом на голове мужчины, одетые в основном в легкие свитера и светлые пиджаки, выглядели весьма элегантно. У некоторых вместо галстука были повязаны шелковые платки.

Во главе туристической группы шла высокая худая женщина с копной рыжих волос на голове. Она держала над головой закрытый зонтик.

«Эта рыжая каланча могла бы не напрягаться с зонтиком. Ее и так за версту видно!» — подумала Назаре.

Назаре с интересом проводила группу глазами и направилась дальше.

По дороге ей попались витрина парфюмерного магазина «Эсти Лаудер», небольшой магазинчик нижнего белья «Бюстье», а так же бельгийская лавка сладостей. Туда она все же заглянула, чтобы купить свежей клубники в белом шоколаде.

«Вечером обрадую Изабел», — решила она.

Ягоды были упакованы в прозрачный пакет и перевязаны розовой блестящей лентой.

«Уж слишком они крупные и красивые. Что-то не верится, что это настоящая свежая клубника! — Назаре потянула за ленточку, пакетик легко раскрылся. — Изумительный аромат! Наверно, и здесь не обошлось без отдушки. Ну-ка, какие они на вкус?» — Она положила ягоду на язык и зажмурилась от удовольствия.

«Подумать только, сколько искушений вокруг! Нет, сначала дело, потом все остальное!» — Она жадно вдохнула в себя аромат шоколада и ванили, заставив себя уйти подальше от бельгийской кондитерской.

«Попробую еще одну, пожалуй!» — Вторая ягода лишь еще больше разожгла аппетит и окончательно подняла ей настроение.

«В конце концов, Изабел уже двадцать лет. Она не маленькая девочка, пусть сама покупает себе то, что ей нравится! Тем более до вечера эти ягоды вряд ли доживут: они же свежие».

В небольшой и уютный зал бара Назаре пришла первой.

С порога она отметила для себя, что и без того небольшая часть посетителей в основном расположилась у барной стойки с горячительными напитками, и что почти все столики были свободны.

Лишь один из них занимала пожилая пара, медленно потягивающая пиво. Она заказала себе бокал «Сангрии» со льдом и двумя ломтиками лимона и устроилась в самом дальнем углу помещения, откуда хорошо просматривался весь зал бара.

Хоть она была готова к встрече с таксистом и все продумала до мелочей, Жилмар появился внезапно и заставил ее вздрогнуть.

— Где мои деньги? — сердито рявкнул он, вовсе не думая проявлять любезность.

— Спокойно! Сначала ты сядешь, и мы поговорим.

— Нет. Больше никаких разговоров! — Жилмар приблизил к ней свое лицо. — Из-за вас я в глубокой заднице.

— Именно поэтому нам и стоит спокойно поговорить. Это в твоих интересах! — Назаре придвинула к нему соседний стул. — Ты не понимаешь, дурачок, я лишь хочу защитить тебя!

— Защитить от чего?

— От неприятностей, которые могут появиться внезапно, как ливень среди дня! Тебя очень легко найти. Ты работаешь таксистом в крупной трансфертной компании в Копакабана, едешь на фирменной желтой машине. Вычислить тебя будет несложно, в отличие от меня, мой дорогой!

— Какой еще дорогой?

Назаре развеселилась: ее начинала забавлять непробиваемая тупость собеседника.

Мой дорогой! Мой любимый! Мой сообщник... Мой дружок! Мой сладенький! Мой красавчик! Именно так о тебе я скажу, будь уверен! Если появится полиция, разговор будет именно такой! Я скажу, что мы работали на пару, что ты меня подговорил, что ты меня втянул в это дело! — Назаре не смогла сдержаться и громко прыснула. — Смешно, правда?

— Сучка! — Жилмар побелел от злости и бессилия.

— Кобель! — тут же парировала она и опять затряслась от смеха. — Ты бы стал моим кобелем? Стал бы, стал. Ведь это и так ясно!

Назаре впервые увидела в глазах таксиста живой интерес.

— Но нам не стоит заходить так далеко. — Назаре вынула из сумки бумажный пакет с деньгами и придвинула его к Жилмару. — Тебе придется лишь взять вознаграждение и сказать пару нужных фраз.

— Каких фраз?

— Ты скажешь, что у тебя в машине была обычная пассажирка, которая тихо сидела на заднем сиденье в темных очках. А на вопрос, почему ты заступился за меня, скажешь, что та женщина начала меня избивать и тебе

пришлось меня защищать.

Жилмар задумался.

— Теперь ты видишь, что я забочусь о тебе и желаю тебе только добра?

Назаре нежно взяла его за руки и погладила. Жилмар недоверчиво улыбнулся.

— Теперь закрой глаза и представь меня. Говори, что ты видишь!

— Светлые волнистые волосы до плеч. Прямой нос. Чувственный рот.

Грудь...

— Но-но, не увлекайся! — Назаре похлопала его по руке. — Впрочем, им ты расскажешь все, но только с точностью наоборот! Ты ведь не дурак и достоин большой награды!

— Обещала, так сделай! — На лице таксиста появилась лукавая улыбка.

«Как же он похож на крысу, — подумала Назаре, — на старую, потрепанную и мерзкую крысу». Она настолько четко представила розовый голый хвост у него под брюками, что вздрогнула. Неприятный и сильный озноб прошел по ее телу.

Жилмар понял это по-своему и придвинулся так близко, что она тут же почувствовала на лице его дыхание. Назаре тут же загнала свои эмоции поглубже внутрь и улыбнулась самой обворожительной улыбкой, на какую была способна.

— Ты такой решительный, сильный, такой крутой. Мне хотелось бы тебя смягчить, хотя бы немножко. — Она ласково прикоснулась к нему ногой и посмотрела на его руки, заметив, что кожа на них покрылась мелкими мурашками.

— А чего тянуть? Давай поедem куда-нибудь и устроим праздник!

— Шалунишка, чертенок! Когда мне понадобятся твои услуги, я обязательно позвоню на стоянку. — Назаре порывисто встала, давая понять, что разговор закончен.

Глава 31

Окрыленный Жилмар беспечно подъехал к стоянке и остановился.

«Надо бы отвезти деньги домой, — подумал он и торопливо вылез из салона. — Не дело держать такое богатство целый день в багажнике».

— Жилмар! — К нему навстречу шел диспетчер. — Тебя спрашивали вон те двое.

Он увидел мужчин, которые смотрели в его сторону. Один был в пиджаке лимонного цвета и в таком же нелепом галстуке. Другой был одет в просторный свитер и джинсы и внешне напоминал представителя театральной богемы.

— И чего им надо? — задумчиво спросил Жилмар.

Он сразу узнал машину, у которой стояли мужчины, и невольно внутренне съежился, готовясь к неприятностям.

— Тебе лучше знать!

Он попытался справиться с нахлынувшими эмоциями. В голове зашумело.

— Ты что размышляешь? Я спрашиваю, ты их знаешь?

— Нет. — Жилмар увидел, как высокий мужчина стремительно

приближается к нему. Его суровое лицо не предвещало ничего хорошего.

— Ты что-нибудь натворил, Жилмар? Мне не нужны здесь разборки.

— Нет!

— Что ты заладил: «нет да нет»! — Потерял терпение диспетчер.

У Жилмара появилось сильное желание убежать куда-нибудь подальше.

— Почему этот очкарик так рассержен? Кстати, он идет в твою сторону. Может полицию вызвать? У него явно чешутся кулаки...

Дирсеу и не думал сдерживать свои эмоции. Он готов был смять, раздавить, сломать это ничтожество, которое посмело поднять руку на его любимую женщину.

— Эй ты, я к тебе обращаюсь. Ты ударил женщину, и сейчас я тебя проучу!

— В чем дело, парень? Ты сумасшедший? Чем я тебе не понравился? — Жилмар старался говорить легко, на всякий случай пятясь к машине.

— Ты помнишь мошенницу, которую вчера на рассвете привез в порт? Ты помнишь женщину, которую вчера ударил по голове?

— Ого! Сколько вопросов! — Таксист держался изо всех сил.

— Так вот, сукин сын! Это была моя жена!

— Он сумасшедший! Я не понимаю, о чем он!

— Подлец, трус! Я тебе шею сверну! — Дирсеу схватил его за шиворот.

Краем глаза Жилмар заметил, что к ним стали сбегаться люди. Вскоре их окружило плотное кольцо таксистов.

— Что этот чудак от тебя хочет? — Жилмар узнал голос своего коллеги Рудольфо. Он пытался остановить Дирсеу, схватив его за рукав. По тот со злостью отшвырнул его руку.

— Наши ребята сейчас отметелят этого ботаника. Ему мало не покажется! — сказал Рудольфо, ища поддержки у своих приятелей. Он уже намеревался вновь накинуться на Дирсеу, но кто-то жестко схватил его за локоть.

Он обернулся и увидел недовольное лицо человека в вызывающе желтом пиджаке.

— Кто тронет этого парня, будет иметь дело со мной, — спокойно сказал он.

Мужчина развернулся всем корпусом и обратился к диспетчеру.

— Ты меня помнишь?

— Сеньор Джованни Импротта? Вы здесь? На его удивленном лице появилась растерянная улыбка. — Что вы хотите?

Мне всего лишь необходимо побеседовать с вашим таксистом, сеньор Гонсало. Кажется так вас зовут?

— Да-да... Вы даже помните мое имя?

— Я никогда и ничего не забываю, поэтому и добился многого, — ухмыльнулся Джованни. — Но вернемся к делу. Этот таксист стал свидетелем одной деликатной ситуации. И если он расскажет правду, то поможет нашей полиции! Более того, я даже выплачу ему небольшое вознаграждение. — Импротта улыбнулся своей фирменной мальчишеской улыбкой и пожал диспетчеру руку, незаметно положив ему в карман новенькую хрустящую купюру.

Это обстоятельство оказало волшебное воздействие на Гонсало. Он вытянул шею и громко крикнул.

— Всё сеньоры, расходимся! Недоразумение улажено!

Импротта оттеснил Жилмара к его собственной машине и заставил сесть в салон.

«Хорошо, хоть не скрутили и не увезли не пойми куда, — подумал таксист и сразу вспомнил про деньги. — А что, если у них хватит ума обыскать машину? Тогда мне не отвертеться». — Он сделал отчаянную попытку выйти наружу, но был лишь еще сильнее зажат с двух сторон Дирсеу и Джованни.

— Я ни в чем не виноват: моя единственная вина в том, что пытался помочь моей клиентке, когда на нее набросилась другая женщина.

— Ну-ка, рассказывай подробнее. — Ткнул его в бок Дирсеу.

Жилмар сморщился и потер ушибленное место.

— Да, что тут рассказывать? Моя клиентка села ко мне в машину рано утром.

— Куда вы поехали? — спросил Джованни.

— В порт.

— Ну-ну, дальше!

— А что дальше? — Жилмар озабоченно почесал затылок. — Мы остановились у второго ангара, там, где теперь заброшенный склад. Она вышла и попросила подождать.

Он чувствовал себя не очень уютно под пристальными взглядами Дирсеу и Джованни, поэтому старательно избегал смотреть на них и старался глядеть прямо перед собой.

— Значит так, я припарковался и через минут десять увидел, как за моей клиенткой кто-то гонится, ну и вмешался. А потом появились вы... Дама сказала, что ей угрожает смертельная опасность со стороны разгневанного любовника. Я и помог ей в этой пикантной ситуации. — Он повернулся в сторону Джованни и впервые за весь разговор посмотрел на него. Тот одобряюще кивнул. — Мы проехали несколько километров по шоссе и она вышла.

— Где?

— Не могу сказать. Просто не помню.

— А имя ее и адрес ты знаешь?

— Нет.

— Но хотя бы внешность ее ты запомнил?

— Когда я ее посадил в машину было темно, а потом она все время была в темных очках.

— Ты можешь ее описать? — вмешался Дирсеу.

— Я могу попытаться.

— Так, сеньоры, только вспоминать мы будем в другом месте, — решительно заявил Джованни. — Нам понадобится помощь профессионала, поэтому сейчас мы пересядем в мой джип и кое-куда прокатимся.

— Зачем? Я же все вам рассказал! — забеспокоился Жилмар.

— Не бойся, мы поедem в приличное место, где работает очень толковый специалист. Он по описанию мгновенно нарисует нам твою клиентку.

— Но мне надо работать, зарабатывать деньги. — Жилмар цеплялся за любую причину лишь бы не уезжать далеко от собственной машины.

— Если ты поедешь с нами, то внакладе не останешься, — успокоил его Джованни.

— А как же моя машина?

— Голубчик, она стоит на охраняемой стоянке. Здесь ничего с ней не случится. Ты просто закроешь двери и поставишь ее на сигнализацию. И имей в виду, не в твоих интересах терять время на разговоры. — Джованни помог ему выбраться из машины. — Если ты быстро дашь описание, то через полчаса вернешься на парковку.

Жилмар смирился. Он покорно позволил посадить себя в джип, всю дорогу гнал от себя мысли о злополучном багажнике и в лаборатории криминальной полиции вел себя сдержанно и сосредоточенно.

Молодой человек лет двадцати пяти провозился с ним не больше сорока минут. Работать с ним было легко. Он задавал довольно ясные вопросы и тут же выдавал результат на листке.

Жилмар для того, чтобы быть более убедительным, вспомнил внешность своей покойной бабушки, в чьих жилах текла настоящая английская кровь. Он отнесся к работе очень серьезно: придирчиво давал описания носа, лба и разреза глаз, с чем-то не соглашался, кое-что просил подправить или убрать.

— А говоришь, не запомнил! — удивлялся Джованни. — Ты так здорово описываешь свою попутчицу, будто знаешь ее сто лет!

Дирсеу недоверчиво поглядывал в сторону таксиста и все время молчал.

— Думаю, мы закончили, больше добавить нечего! — наконец сказал Жилмар.

Джованни взял рисунок.

У человека, который смотрел на него, был абсолютно бесполой вид: короткие волосы, заостренные и неприятные черты лица: длинный узкий нос был немного изогнут, глаза мелковаты и невыразительны, подбородок остро выпирал вперед.

— Эта дамочка очень хорошо бы вписалась в английский интерьер, — впервые за весь день пошутил Дирсеу.

— Действительно! — засмеялся Джованни вид у этой дамочки какой-то молеvidный. Вылитая миссис Смит из предместья Лондона! Кстати, ничего общего с той, которую показывали на телевидении.

Дирсеу внимательно посмотрел на Жилмара.

— Я очень подробно описал свою пассажирку! Это та дама, которую я подвозил в порт.

— Спасибо тебе! Спасибо, Жилмар! Все в порядке! — подбодрил его Джованни. — Возьми деньги и обязательно позвони мне, если что-нибудь вспомнишь. Мой шофер отвезет тебя на парковку.

— Спасибо, я обязательно постараюсь вспомнить что-нибудь еще! — На такую удачу Жилмар не рассчитывал. Импротта дал ему столько денег, сколько он обычно получал за месяц работы. — Прощайте, сеньоры!

— Ну, уж нет. До встречи! — засмеялся Джованни.

Как только за таксистом закрылась дверь, Дирсеу тут же подскочил к телефону.

— Куда ты звонишь? — растерялся Импротта.

— Ду Карму! Нам надо срочно показать ей этот рисунок!

— Зачем звонить? Поехали! Она, наверняка волнуется, мы же привезли ее домой и сразу уехали на поиски таксиста.

— Точно, почему я не догадался позвонить ей с парковки? — расстроился Дирсеу.

— Нам было некогда! — подмигнул ему Джованни. — Мы защищали честь дамы.

— Слава богу! Вы приехали! Я места себе не нахожу! — Встретила их на пороге встревоженная Мария. — Ну, как? Вам удалось что-нибудь найти?

— Дорогая! — поцеловал ее Дирсеу. — Мы нашли-таксиста, который подвозил ее. Посмотри внимательно эта женщина тебя ограбила?

Мария положила рисунок на стол и включила лампу.

— Не знаю... Она совсем не похожа на ту, что на меня напала... Хотя, я не уверена, ведь ее лицо было скрыто очками.

— Очень хорошо! — Тут же оживился Джованни. — Значит, этот шофер нагло врет.

Дирсеу и Мария смотрели на него удивленно.

— Да! Мы все должны радоваться этому! Очевидно, он был заранее проинструктирован. — Джованни сел на диван и ослабил узел галстука. — Хорошо, что я не нажал на него сильно, теперь он расслабится и выдаст с потрохами свою сообщницу!

— Пусть детектив Мадруга подключится к этому делу, — сказала Мария.

— Правильное решение, — одобрил ее Джованни. — У него железная хватка. Если он берет след, то ни за что не отпустит!

— Спасибо тебе, Джованни! — Голос Марии задрожал. — У меня все кипит в груди! Более двадцати лет я пытаюсь поймать эту женщину, но она все время ускользает от меня...

Дирсеу налил в стакан воды и протянул ей:

— Пожалуйста, дай мне слово, что больше не будешь ничего скрывать! Ты действовала неправильно! Зачем ты пошла на встречу одна и никого не предупредила?

Джованни согласно закивал головой.

— Я понимаю свою ошибку, не ругай меня. — Мария сделала глоток и ей сразу стало легче. — Я и так наказана...

Жозевалду чуть было не шлепнулся в обморок, когда почувствовал на себе пристальный взгляд из окна. На всякий случай, он поторопился удалиться в более безопасное место.

«Неужели на меня смотрела ду Карму? — размышлял он, шагая к автобусной остановке. — Не может быть! Зачем ей засиживаться допоздна в собственном магазине? Она наврядника сейчас отдыхает где-нибудь в ресторане или ужинает у себя дома. Да, не думал я, что так все обернется. Где теперь она и где я? — Жозевалду со злостью отшвырнул камень, попавшийся ему на дороге. —

Нет, я так это не оставлю. Она пока еще моя жена. По-моему, пора подумать о возвращении в семью...»

Жозевалду не спал почти всю ночь. Он вертелся на неудобной узкой постели в дешевенькой гостинице, прислушивался к скрипам и отдаленным голосам посетителей, несколько раз вставал и ходил по комнате, отгоняя от себя неприятные мысли.

«Эх, было бы у меня восемь реалов на выпивку, я бы сразу успокоился! — Он тяжело опустился на шаткий стул и схватился за сердце. — Черт! Опять печет! Довела меня последняя сучка своими выкрутасами. Но ничего! С завтрашнего дня начну новую жизнь в комфорте и роскоши. Пора моей женушке вспомнить, чья она жена».

Жозевалду хрипло засмеялся и заставил себя снова лечь. Он долго вертелся, пытаясь выдать из памяти, остатки прошлого.

«Интересно, какая Мария была в молодости? Точно помню, у нее были большие сиськи и копна мягких, вьющихся волос. От них так приятно пахло зелеными лимонами... Еще вроде у нее в районе пупка была родинка размером с горошину? Нет! Это у Никиты... Горячая была девка, необъезженная, — Жозевалду улыбнулся. — А у кого тогда был шрам от аппендицита? По-моему, у ду Карму... Какая разница, скоро мне не надо будет напрягаться, сам все увижу... — С этими мыслями он забылся беспечным и глубоким сном.

Рано утром его разбудил настойчивый стук в дверь.

— Кого там черти принесли? — рявкнул он недовольно.

— Сеньор Жозевалду! Вы снимали номер ровно на сутки: или оплачивайте дополнительное пребывание, или уходите.

«Какой неприятный голос у этого портъе», — подумал Жозевалду и свесил ноги с кровати.

— Я понял. Уже собираю вещи! — крикнул он в сторону двери и сладко потянулся.

Жозевалду приехал к самому открытию магазина, купив себе по дороге маленький кебаб на деревянной палке и банку газировки с кофеином. После завтрака внутри у него стало радостно и спокойно.

«Не думаю, что меня смогут выкинуть вон. Дети подросли, конечно, но им до сих пор нужен отец... Наверняка, они будут рады увидеть меня. За них не надо беспокоиться, а вот ду Карму... Она всегда была с характером. — Жозевалду опять почувствовал боль в области сердца. — Да что ж такое? Выходит, мне нельзя волноваться!»

Он поймал на себе тревожный взгляд симпатичного юноши, стоящего у витрины магазина строительных материалов.

— Вам плохо, сеньор? Могу я вам помочь? — спросил он.

— Нет, спасибо! Уже прошло. — Улыбнулся Жозевалду и почувствовал, что его ноги стали ватными.

«Еще чего не хватало! Бояться собственной жены. Ну, вперед, вперед! Там нет ничего страшного», — подгонял он себя.

Жозевалду открыл тяжелую стеклянную дверь магазина и вошел в огромный зал.

«Ничего себе устроилась моя благоверная, — восхитился он. — Здесь товаров миллионов на пять, если не больше!»

— Могу я вам помочь? — Па Жозевалду смотрела симпатичная молодая женщина в зеленом халате с бейджиком на шее.

— Видите ли, сеньора Кресилда, (ее имя он успел прочесть на бейджике, который висел у нее на шее), меня интересуют последние новинки сайдинга, — улыбнулся Жозевалду. Эту фразу он приготовил заранее.

— Присядьте, пожалуйста, сейчас я принесу вам каталог с фотографиями. — Она указала ему на мягкое кожаное кресло в самом центре зала.

— Спасибо, сеньора, — сказал Жозевалду как можно любезнее и огляделся.

«Похоже, что я пришел сюда первый, — подумал он, вытянул длинные ноги и прикрыл глаза. — Пусть идет, как идет. Я не должен волноваться из-за всяких пустяков. В конце концов я муж ду Карму, а не посторонний человек!»

— Извините, сеньор! — Молодой человек в красивом костюме чуть было не споткнулся об его ноги.

— Ничего страшного. Это я должен извиниться! — Жозевалду поднял глаза и замер от неожиданности.

«Боже мой! Пристальный, немного насмешливый взгляд, чуть вздернутый нос, бородка, как у античного патриция», — на него смотрела его точная молодая копия.

— Режиналду? Сынок? С ума сойти! Та же прическа, нос, взгляд!

Молодой человек прищурил глаза и немного отошел в сторону. Жозевалду с непонятным трепетом ждал его реакции. По лицу его сына можно было прочесть, что сейчас в его душе борются разные чувства. Наконец, он все же улыбнулся.

— Папа?

— Да, сынок, это я! — Жозевалду инстинктивно протянул к нему руки. Молодой человек с неожиданной горячностью принял его объятия.

— Рад тебя видеть! Но как ты здесь оказался?

— Хотел увидеть кого-нибудь из вас. Кстати, как дела у матери? — спросил он как можно более равнодушно.

Режиналду тут же отпрянул и пристально посмотрел на него.

— Не думаю, что она будет очень рада тебя видеть. Тебе сейчас лучше не попадаться ей на глаза. Кстати, где ты живешь?

— В гостинице напротив железнодорожной станции.

— В этой дыре?

Жозевалду неопределенно пожал плечами и опустил глаза.

— Возьми деньги и сними себе номер получше, — Режиналду протянул отцу купюру. — А вечером давай встретимся и кое-что обсудим.

Жозевалду не рассчитывал на такую внезапную удачу. Он тут же схватил деньги и спрятал их в карман.

— Так где мы встретимся? — спросил он, не скрывая внезапного порыва радости.

— У станции есть неплохая голландская забегаловка, где продают отличное бочковое пиво. Буду ждать тебя часика в два. — Режиналду дружески похлопал отца по плечу и вышел из магазина.

Жозевалду проводил его взглядом, но увидев, что к нему направляется Кресилда с огромным каталогом в руках, развернулся и поспешил выйти следом за сыном.

— Сеньор, куда же вы? — крикнула она ему в спину. Жозевалду неопределенно махнул рукой и вышел из магазина.

Только на улице он почувствовал себя спокойно. Набрав полную грудь воздуха, он улыбнулся.

«Что ж, сто реалов — неплохой улов за сегодняшнее утро! — Он вытащил новенькую купюру и попробовал ее на ощупь. — Надеюсь, что сегодня мне еще удастся поймать рыбешку пожирнее!»

Барон Педру, всегда сдержанный и воспитанный, стучал в дверь собственной квартиры так, будто за ним гнались голодные койоты.

— Уже иду! Подождите минуту! — услышал он голос своего слуги Жака.

Дверь распахнулась, и барон без всяких объяснений пулей влетел в гостиную.

— Где Лаура? У меня очень хорошие новости!

— Пошла к портнихе, заказать себе новое платье, — удивленно ответил Жак.

— Может, и к лучшему, а то я мог бы напугать ее. — Барон внимательно посмотрел на слугу. — Любезный, а что это у нас на голове?

Жак выглядел весьма нелепо: волосы его были тщательно упакованы в целлофановый пакет, на котором громоздилась вязанная женская шапочка с выпуклыми желтыми цветочками.

— Маска для волос, сеньор. — И без того некрасивое лицо Жака покрылось померанцевыми пятнами. — Прошу прощения. Я думал, что вы вернетесь часа через два...

— Дорогой Жак, разве я похож на того, кто выбалтывает чужие тайны? — Он с трудом сдерживал себя, чтобы не расхохотаться.

— Нет.

— Если ты так трепетно относишься к этой проблеме, могу дать тебе адрес моего приятеля. У него в сорок лет начала намечаться лысина, так он решил эту проблему всего за полгода.

— Вы так добры ко мне, барон Педру!

— Ну, что ж, приводи себя в порядок и ступай домой. Себастьяна я уже отпустил. Сегодня с баронессой мы устроим настоящий праздник.

Вечер семья Бонсучесу провела на открытой веранде, любуясь на яркие огни и витрины проспекта Атлантика.

— Спасибо, Педру! Мы уже давно вдвоем так грандиозно не пировали: омары, королевские креветки, перепела в соусе «Шампань»! — Баронесса Лаура нежно положила свою ладонь на руку мужа.

— Дорогая! То ли еще будет! Я все сделаю для того, чтобы мы стали жить еще лучше и интереснее.

— Педру, у тебя есть замечательная привычка. Каждое утро ты встаешь и думаешь, что жизнь только начинается.

— А разве это не так? — засмеялся барон и обнял Лауру за плечи.

— Но я очень волнуюсь за тебя. Ты думаешь, что морально готов к такому шагу? Ведь работать у депутата так ответственно!

— Более чем готов! — Барон мечтательно посмотрел на небо. — Я так хочу работать! Хоть бы это время быстрее пролетело, и пришел этот исторический понедельник моей жизни.

Баронесса засмеялась.

— Знаешь, Педру, ты напоминаешь мне маленького ребенка, который никак не может дождаться Рождества.

— Я не хочу тебя разубеждать в обратном, — сказал барон и нежно поцеловал ей руку.

Будильник разбудил баронессу в семь часов утра. Она тихо соскользнула с кровати и на цыпочках вышла из комнаты.

В гостиную она спустилась через двадцать минут в приподнятом настроении и с маленькой коробочкой в руке.

В честь торжественного события она надела строгую английскую юбку и нежно-сиреневую шелковую блузку, которую так любил барон Педру, украсив ее ниткой разноцветного жемчуга.

Стол был элегантно сервирован на две персоны. Делфтский фарфор прекрасно сочетался с серебряными приборами и накрахмаленными белоснежными салфетками.

— Сеньора Лаура, здравствуйте! — поздоровалась служанка. — Вы так рано встали!

— Доброе утро, Жюли! Что не сделаешь для любимого человека! У барона сегодня особенный день, и я хочу, чтобы он прошел идеально. — Она внимательно посмотрела на стол.

— А где малиновое желе? Педру его так любит!

— Я сейчас принесу его, сеньора.

— Доброе утро, дамы! — На пороге гостиной появился барон в своем любимом синем костюме от Живанши с бабочкой сапфирового цвета. Он был тщательно выбрит и свеж: вчерашний ночной моцион явно пошел ему на пользу.

— Педру, зачем ты так рано поднялся? Мог бы поспать немного! Ведь до десяти часов еще куча времени!

— Кто рано встает, тому Бог подает! А разве это не так? — засмеялся он и поцеловал супругу, только сейчас обратив внимание на то, что она держит в руках небольшую велюровую коробочку.

— Это тебе, дорогой, — спохватилась баронесса, — на память о твоём первом рабочем дне.

— Как мило, Лаура! Ты купила мне подарок!

— Да, дорогой, думаю, что к твоему деловому стилю и теперешним обязанностям тебе непременно пойдет парфюм от «Хьюго босс».

— Спасибо, Лаура! Я даже не подумал об этом. Ну, конечно в таком костюме я просто обязан хорошо пахнуть.

Барон аккуратно открыл коробочку, нанес себе несколько капель на область шеи и медленно прошелся вдоль стола, уставленного всевозможными приборами для завтрака.

— Боже мой! Ты настоящий принц, дорогой! Ты так элегантен, что я даже немного ревную, — восхитилась Лаура.

— Я этому очень рад: ревность красивой женщины делает радостнее жизнь мужчины. Но увы, миледи! Я всего лишь только барон, разорившийся дворянин, который борется за свое выживание. — Он поцеловал руку супруге и придвинул ей стул.

— Не драматизируй так, дорогой.

— Клянусь, я не это имел в виду. Если говорить правду, то я нахожу все это таким забавным. — Барон налил доне Лауре кофе из маленькой серебряной джезвы. — Сегодня исторический день: Бонсучесу после стольких десятилетий бездумной траты денег начинает их зарабатывать!

— Приятного аппетита, дорогой. Давай побыстрее расправимся с фондю и не забывай, сегодня нельзя опаздывать.

— Ну, что ж, как говорят французы: со всем надо быть — *en relations*, в добрых отношениях.

— Уж по части деликатности, Педру, тебе нет равных. И, пожалуйста, не волнуйся, дорогой, ты со всем обязательно справишься.

Глава 32

Утро в доме Марии ду Карму выдалось необычным. У всех было приподнятое, игривое настроение: ведь вечером должен был состояться праздник в честь дня рождения Миналвы.

Сиссера с Клементиной радостно хлопотали на кухне, обсуждая праздничное меню. Бьянка, успевшая дважды позавтракать, вертелась около них, выпытывая у Клементины секрет очередного рецепта. Девочка по-турецки сидела на высоком стуле и что-то старательно записывала в розовую тетрадь.

Леандру поцеловал спящую Налву, оставил поздравительную открытку и коробку с гранатовым браслетом на сервировочном столике и спустился на кухню, застав за столом двух братьев Плинию и Вириату.

Довольная Клементина любовалась на них, подперев кулаком подбородок.

— Леандру, радость моя, поздравляю тебя с таким замечательным событием, — сказала она и поцеловала его в щеку. — Мы все уже оценили то, как ты оформил прихожую: иллюминация, надувные шарики, цветы! Как же Миналве повезло с мужем!

— Спасибо Клементина, ты меня захвалила.

— А как Налва? Уже встала?

— Нет, еще спит. Она хочет на вечере выглядеть неотразимо.

— Ну, и правильно, — Она поставила на стол еще один прибор. — А ты давай, садись рядом с братьями. Я сделаю тебе твой любимый сэндвич с сыром, колбасой и укропным маслом.

— Спасибо, Клементина, что бы мы все делали без тебя и Сиссеры.

— Ходили бы голодными, — подыграл ему Плину.

— Кстати, не забудьте, вечер начинается ровно в шесть. Постарайтесь не опаздывать, — напомнил Леандру.

— Не знаю, попаду ли я туда, — виновато сказал Вириату. — Группа японцев на сегодняшний вечер заказала столик в нашем ресторане, я просто не смогу быстро освободиться.

— Ты что, братишка? Если ты не придешь, Миналва очень обидится. Ты же знаешь, как важно, чтобы вся семья была рядом.

— Я не могу обещать, — нахмурился Вириату, — но постараюсь прийти хотя бы к концу торжества.

— Вот и ладно, мальчишки! — похвалила их Клементина. — Возьмите еще по круассану, пока они теплые.

— Спасибо, Клементина. — Вириату промокнул губы салфеткой. — В меня больше не влезает!

— Клементина, устроила вам очередную пытку едой? На кухню вошел Режиналду, распространяя вокруг себя крепкий аромат свежей туалетной воды. — Всем доброе утро!

— Привет, Налду, выручи нас, — взмолился Плиниу, — попробуй стряпню Клементины.

— Меня и уговаривать не надо. — Режиналду с удовольствием запихнул себе в рот целый круассан. — Пару булочек возьму с собой в офис, с вашего разрешения.

— Берите пример со старшего брата, у него всегда был хороший аппетит, — засмеялась Клементина.

— Папочка, я уже готова! — Бьянка со всех ног бросилась ему на шею.

— Тогда бери свой портфель и иди в машину.

— Всем до вечера! Увидимся на празднике в школе самбы! — Режиналду поспешил следом за дочкой.

Бьянка, весело подпрыгивая, чуть не столкнулась в дверях с Дирсеу.

— Здравствуй, разбойница, опять на кухне вертелась, а теперь в школу опаздываешь?

— Пока нет! — философски заметила девочка. — Если папа поспешит, то мы успеем к первому уроку.

— Скоро из тебя получится неплохой юрист, ты уже умеешь переводить стрелки па других, — засмеялся Дирсеу.

— Дорогой, хорошо, что я тебя поймала! — по лестнице спускалась Мария. — Ну, что же ты не зашел па кухню? Неужели даже кофе не выпьешь?

— Выпью, в аэропорт. Я хочу вылететь первым рейсом в столицу. Я не должен опоздать на встречу с министром.

— А министр не может подождать?

— Нет! А тем более министр-журналист! Я месяц потратил, чтобы добиться встречи с ним.

Мария страстно поцеловала его в губы. Дирсеу с трудом оторвал ее от себя.

— Если ты будешь так делать, я потеряю голову и опоздаю на самолет.

Мария весело засмеялась.

— Ну, наконец-то, я сумел развеселить тебя. А знаешь, у меня появилась отличная мысль. У нас еще есть время, чтобы ты переделалась и полетела со мной.

— Боже мой!

— Минутку... — Дирсеу наморщил лоб. — Я напишу статью, пошлю ее через интернет... А мы поужинаем в модном ресторане, где обедают известные политики, окунемся в столичную ночную жизнь и вернемся!

— Нет, дорогой, к сожалению, не получится: сегодня же день рождения Налвы. — Мария поправила ему узел на галстуке. — Я не могу не пойти. Да и ты смотри, не опоздай!

— Как я мог забыть! — Дирсеу стукнул себя по лбу. — Ты не едешь, потому что, ненавидишь столицу. Так?

— Не то, что ненавижу. Это не совсем так. Просто этот город слишком спокойный для меня. — Мария лукаво усмехнулась. — А его расстояния? Едешь, едешь и никуда не приезжаешь.

Неожиданно в холле появился Режиналду.

— Извини, мама, я с тобой не согласен! — Режиналду подошел к Марии и чмокнул ее в щеку. — Простите, я невольно подслушал. Думаю, что тебе, мама, пора привыкать к столице. — Режиналду с вызовом посмотрел на Дирсеу: — Хотя бы для того, чтобы навещать своих внуков.

— Я даже и не знала, что ты собираешься туда переехать.

— Ждать осталось недолго. Это уже очень давно входит в мои планы. К большому сожалению, тебя не так часто интересуют мои дела.

— Президентский дворец? — усмехнулся Дирсеу.

— А почему бы и нет? Я уверен, что Вивиан способна обустроить его очень уютно. Нужно только сделать небольшой ремонт, — Режиналду демонстративно посмотрел на свои новенькие часы. — Что ж, к сожалению, должен откланяться.

— Молодой политик уже позволяет себе дорогие вещи? — съязвил Дирсеу. — Смотри, не промахнись на выборах. Простой народ не любит и не понимает позерства.

— Что плохого в том, что будущий политический лидер имеет хороший вкус? И что ты называешь позерством? — Режиналду сделал удивленное лицо. — Это не самые дорогие часы, которые может позволить себе человек моего возраста и положения. Это всего лишь «Картье». Причем модель не самой лучшей серии.

— Все же позволь тебе возразить. Человек, носящий на руке массивный кусок золота, усыпанного розовыми бриллиантами, у простых бразильцев непременно вызовет недоумение и раздражение. Им будет интересно узнать, откуда у молодого и начинающего карьеру политика, который не ведет собственный бизнес и пока нигде не работает, появились большие деньги. Быть может, он запустил руку в какой-нибудь общественный фонд или получил взятку? А это, заметь, никогда не приветствовалось нашим законом.

— Дирсеу, ты становишься параноиком! Если тебе приятно всю жизнь ходить в вязаном свитере за тридцать реалов и дешевых пластиковых очках, то не считай, что это же будут делать другие! — Режиналду демонстративно отвернулся от журналиста, давая понять, что больше не собирается разговаривать с ним на эту тему.

— Идем, — обратился он к Бьянке, которая все время сидела на диване и жадно слушала разговор взрослых. — Нам нельзя опаздывать.

Режиналду подтолкнул девочку в выходу.

— Попрощайся с бабушкой.

— Пока, бабуля! — Бьянка чмокнула Марию в щеку.

— Пока, дорогая, до вечера!

Режиналду подчеркнуто вежливо кивнул Дирсеу и закрыл за собой дверь.

Мария нахмурилась.

— Что тебя так расстроило, дорогая?

— Режиналду! Он ведет себя, как восточный падишах: снимает дорогую квартиру, выбрасывает деньги на часы, стоимость которых равна стоимости двух приличных автомобилей, а потом — это навязчивое желание переехать в столицу. Что конкретно он сделал для людей, которые ему доверяют? Пока он только говорит и разбрасывается обещаниями!

— Многие депутаты не заслуживают многого из того, что имеют, — засмеялся Дирсеу. — Не расстраивайся так, твой сын не исключение.

— Куда же приведет его гонор и самомнение? За Режиналду мне иногда страшнее, чем за других сыновей.

— Не переживай, дорогая. Он уже взрослый мальчик. А жизнь обязательно расставит все на свои места.

Режиналду неторопливо спускался по ступенькам, надеясь услышать что-нибудь интересное.

«Какой же я идиот, так плотно закрыл дверь, теперь ничего не услышишь! — Режиналду смахнул невидимую пыль с рукава своего пиджака и усмехнулся. — Знала бы моя дорогая матушка, какой сюрприз я подготовил ей сегодня вечером: трагическое возвращение в прошлое».

— Папа! Садись скорее в машину, — крикнула Бьянка, — а то на второй урок мы тоже опоздаем!

— Уже иду! — Режиналду бросил последний взгляд на дверь, нехотя сошел с лестницы и устроился на переднем сиденье машины.

— Гони, Венансиу! Сейчас мы отвезем Бьянку в школу, а потом я дам тебе особое задание.

— Пап! Ты готовишь какой-то сюрприз? — спросила Бьянка.

— С чего ты взяла? — удивился Режиналду.

— Метод дедукции, — задумчиво сказала девочка. — Во-первых, на кухне ты сказал, чтобы я быстрее собиралась, а сам еле-еле шел за мной и задержался на лестнице, чтобы послушать, о чем говорит бабушка. Во-вторых, зачем-то дразнил Дирсеу. И, самое главное, ты же сам сказал, что дашь дяде Венансиу «особое задание».

Режиналду повернулся к дочке и внимательно посмотрел на нее.

— Бьянка, тебе не стыдно говорить глупости? Лучше бы повторила домашнее задание!

— Это не глупости, — надулась девочка.

— Режиналду, по-моему, твоя дочь уже успела вырасти.

— Не пугай меня, Венансиу, лучше следи за дорогой.

Клаудия нервно ходила по комнате, сжимая в руках маленькую женскую сумочку.

— Где же Назаре? — спрашивала она уже не первый раз Изабел, спокойно сидевшую в кресле с журналом в руках.

— Я же сказала, прихорашивается. Что ты так нервничаешь? Посиди со мной.

Клаудия, сосредоточенная на чем-то своем, пропустила ее слова мимо ушей.

— Ты ей сказала, что мы идем в банк, а не на свадьбу?

— Не заводись, пожалуйста.

— Изабел, полчаса назад ты говорила то же самое...

— О чем спорим, девочки? — Назаре не торопясь спускалась с лестницы. На ней был коротенький норковый жакет и вызывающе облегающие кожаные брюки.

— Господи, мама! — радостно воскликнула Изабел.

— Наконец-то. — Клаудия не скрывала своего раздражения. — Ты готова ехать?

— Не совсем. — Назаре загадочно улыбнулась. — Думаю, что сейчас нам надо серьезно поговорить. Изабел, мне кажется, пришло время поставить точку в истории Клаудии. — Она демонстративно отвернулась от падчерицы, упрямо не замечая ее присутствия.

— Назаре! Я здесь, говори! — У Клаудии от возмущения застучало в висках.

— Знаешь, дочка? — Назаре и не думала повернуться и, чувствуя смятение падчерицы, наслаждалась ощущением превосходства и вседозволенности, не скрывая этого.

— Если тебе есть, что сказать говори мне прямо в глаза, — упрямо повторила Клаудия.

— Дочка, я хочу тебе сказать...

— Мамочка, что ты делаешь? — Не выдержала Изабел. — Ты опять хочешь поссориться с Клаудией?

— Ты же знаешь, дочка, что я заняла деньги? — спросила Назаре, как ни в чем не бывало.

— Знаю.

— Так вот, теперь нам вполне хватит не только погасить долг, но и выкупить долю. У нас даже еще останется приличный кусок!

— Я не совсем понимаю, к чему ты клонишь, — расстерялась Изабел.

— Все очень просто! Я хочу предложить эти деньги ей.

— Мне? — Клаудия не смогла скрыть своего изумления. — Взамен чего?

— Взамен ее доли в этом доме. — Назаре упрямо продолжала говорить о падчерице в третьем лице.

— Ты мне предлагаешь деньги?

— Дорогая Изабел, мы без всякого труда погасим долг нашими деньгами и выкупим долю, а она пусть забирает сундуки, полные денег, и сваливает отсюда. — Назаре впервые посмотрела в сторону девушки.

— Что ты предлагаешь? — Клаудия не верила собственным ушам. — Погасить наш долг?

— Да! До чего же некоторые туго соображают! Говорю еще раз, медленно и разборчиво. Погасить долг нашими деньгами и выкупить твою долю.

— Значит я поняла правильно.

— Конечно! Речь идет об очень выгодном предложении. Я даю тебе свободу, это что-то вроде подарка от матери дочке. Золотая возможность! У тебя будет свой дом, только твой и ничей больше! Ты будешь царствовать там одна, будешь казнить и миловать!

— У меня уже есть дом, — тихо возразила Клаудия. — Мой отец оставил мне часть наследства.

— Только одну треть, дорогая, а я же предлагаю тебе целый дом! И потом, я не хочу провести остаток моих дней, глядя на тебя.

— Проблем нет. У меня есть собственный план по этому поводу. Я лично погашу долг из денег за страховку, а ты сама заберешь деньги и уйдешь отсюда!

— Ты говоришь то же самое, но только наоборот! — Назаре еле сдерживала себя, чтобы не вцепиться Клаудии в волосы. — Это моя идея, дешевая воровка.

— Я уже не тот ребенок, которому ты внушала страх. — Девушка старалась говорить спокойно. — Только посмей поднять на меня руку, только попробуй!

— Перестаньте сейчас же! — не выдержала Изабел. — Мама, поднимись к себе в комнату.

— Нет!

— Я не прошу, я требую. Ты сделаешь это хотя бы ради меня?

— Хорошо, я пойду, но только ради тебя, дочка. — Она с ненавистью посмотрела на Клаудию. — Тем более, мне надо подправить макияж.

Изабел дождалась, когда мать поднимется по лестнице, и вплотную подошла к сестре и взяла ее за руки.

— Я не верю, что вы обе дошли до такого, Клаудия!

— Заметь не я начала этот разговор, а твоя мать.

— погоди, не надо так со мной разговаривать! Мы же сестры, у нас всегда были искренние отношения. Давай поговорим нормально! Что ты хочешь?

Чего я хочу? — воскликнула Клаудия и отвернулась к окну, чтобы скрыть слезы. — Я всего лишь хочу справедливости. Я устала, потому что на меня смотрят, как на помеху. Со мной обращаются, как с незванным гостем, который хитростью пролез в дом.

— Зачем ты так говоришь?

— Изабел, выслушай меня до конца, пожалуйста! — Клаудия повернула к сестре заплаканное лицо. — Мой папа оставил дом нам троим, он никогда не делал различий. А Назаре все время обращается со мной так, будто я к собственному отцу не имею никакого отношения.

— Подожди! — попыталась остановить ее Изабел.

— Если ты не хочешь это выслушивать, — огрызнулась Клаудия, — то лучше было не спрашивать! Я старалась никогда не ворошить прошлое, но многого ты сама просто не знаешь!

— Хорошо, продолжай! Что ты этим хочешь сказать?

— У меня есть информация, которая тебе не понравится. — Клаудия нервно заходила по комнате. — Мои родители разошлись, потому что Назаре забеременела. И моя мама очень страдала от этого. Она потеряла все, что имела, потеряла даже желание жить. — Клаудия говорила горячо и иступленно. — После

того, как отец ушел из семьи, Назаре высмеивала мою мать, издевалась над ней, будто она сделала что-то не так... Поэтому именно сейчас я хочу справедливости.

— Как это?

— Я уверена, — Клаудия понизила голос, — что в истории со смертью отца что-то не так.

— Ты подозреваешь, что моя мама...

Нет! Я только думаю, что Назаре рассказала не все, что произошло тогда. Возможно, они поссорились...

— Подожди! — Изабел схватила сестру за локоть. — Ты слишком легкомысленна и не можешь делать подобных предположений, только потому, что ты не любишь мою мать и подозреваешь ее.

— Ты не видишь ничего странного в этой истории? Только потому что тебе больно от мысли, что Назаре могла пойти на...

— На что пойти? — возмутилась Изабел. — Клаудия, ты говоришь чудовищные, несправедливые вещи. Это очень похоже на месть. Вы никогда не договоритесь, если все время будете придирааться и обвинять друг друга. И послушай, — Изабел уже справилась со своими эмоциями и старалась говорить спокойно. — Скорей всего, мама неправильно что-то объяснила в тот момент. И в данной ситуации, мне очень больно говорить об этом, именно ты поступаешь несправедливо! — Изабел попыталась обнять сестру. — Клаудинья, я тебя очень люблю. Ты моя сестра, но в таком аду больше невозможно жить, и сейчас, может быть, тебе лучше уйти... — Она робко заглянула в лицо сестре, боясь ее бурной реакции на свои слова.

— Никогда бы не подумала, что услышу от тебя такое! — Клаудия сразу отстранилась от сестры. — Пожалуйста, не говори больше ничего! Сейчас я должна остаться одна. Мне надо подумать над тем, что ты сказала.

— Хорошо, Клаудия. Я пойду к матери, но только, пожалуйста, дай мне знать, если примешь решение. Поднимаясь по лестнице Изабел, чувствовала на себе тяжелый взгляд Клаудии.

— Мама, мне так плохо! — Девушка была не в силах скрыть волнение. — Я не выношу, когда вы ругаетесь.

— Да? — Назаре, как ни в чем не бывало, сидела у зеркала, полируя и без того ухоженные ногти пилочкой. — Неужели, вы поспорили?

— Мама, перестань! Каждый день одно и то же. Это невыносимо!

— Я тоже считаю, что это безобразие пора прекратить. Кстати, как она? — Назаре брезгливо скривила губы.

— Не знаю. Клаудия внизу, думает.

— Эта тупица умеет думать? — захохотала Назаре. — Кретинка, вот она кто! Подумайте, цаца какая! Кстати, нам лучше спуститься и поторопить ее.

— Нет, мама, сиди! Мы будем ждать столько, сколько нужно! — Изабел увидела, как внезапно изменилось выражение ее лица. Взгляд стал холодным и отстраненным.

— А вот и сеньора Клаудия Тедеску! — Назаре повернулась к двери и церемонно поклонилась.

Девушка пропустила мимо ушей ее замечание. Она тихо вошла, встала

рядом с Изабел и сказала:

— Не надо юродствовать, Назаре, этого здесь никто не оценит. Кстати, если тебе еще интересно, я подумала и решила, что для всех будет лучше, если каждый останется при своих интересах.

— Отлично! Это так воодушевляет! — расхохоталась Назаре. — Значит, ничего не меняется?

— Мама, не провоцируй, пожалуйста! — Изабел попыталась ее успокоить.

— Спасибо, сестренка, я уже пришла в себя и теперь справлюсь сама, — остановила ее Клаудия. — Первое, что мы сейчас сделаем, пойдем в банк, где каждый погасит свою часть долга за дом. А что касается предложения Назаре, я должна все хорошо взвесить. И если я когда-нибудь захочу уйти из этого дома, то сделаю это тогда, когда посчитаю нужным.

— Минуточку! Для меня все должно быть предельно ясно: давай хотя бы оговорим срок, когда ты сделаешь это.

— Никакого срока не будет! — отрезала Клаудия. — Я уеду, когда захочу! И не давите на меня.

— Подумайте, как она заговорила! Ты посмотри, Изабел, она всегда делает только то, что хочет!

— А почему бы и нет? — мило улыбнулась Клаудия.

Назаре в бешенстве метнулась к двери.

— Сколько можно терпеть твои выходки? Я знаю, что меня ждет: ты будешь хитрить, откладывать на потом и, в конце концов, обманешь меня. Ты меня с ума сведешь!

— Для этого мне не нужно ничего делать! Ты уже сумасшедшая! — спокойно сказала девушка.

— Пожалуйста, перестаньте обе! — не выдержала Изабел. — Хватит постоянно набрасываться друг на друга. Давайте, хотя бы спокойно сделаем то, что задумали.

— Хорошо, я согласна на короткое перемирие, — сказала Назаре и вылетела из комнаты, чуть не столкнувшись с домработницей. — А это что за чучело в салатových леггенсах?

Фауста застыла с щеткой в руках и растерянно посмотрела на свои не очень стройные ноги:

— Извините, сеньора, но это моя рабочая одежда.

— В этом нелепом прикиде тебе надо пугалом на огороде работать! Кстати, а почему ты в это время убираешь гостиную? И вообще, что это такое? — Назаре брезгливо приподняла передник Фаусты. — Кругом пятна и разводы! Выпрямись, грязнуля, не волочи ноги, не шаркай своими тапочками. Ты не у себя в лачуге, а в комнате, где живут сеньоры. Ну, что это за тряпки? Я к тебе обращаюсь?

— Это моя рабочая одежда, сеньора Назаре.

— А если сейчас кто-нибудь придет в гости, что он подумает? Либо подчиняйся моим правилам, либо проваливай! Всегда найдутся люди, которые захотят у нас по-настоящему трудиться.

— Извините, сеньора.

— Так, вместо объяснений лучше иди работать! — Голос Назаре задрожал

от ненависти. — Оконные стекла грязные, на дверях пятна от краски, на столах полно пыли, металл потемнел, ковры нужно выбить, покрытия на полу пропылесосить, лампочки все перегорели, к чертовой матери! — Назаре умудрилась высказать это на одном выдохе и неожиданно почувствовала, что ей стало гораздо лучше. — Об остальном мы поговорим потом, — сказала она уже более спокойным голосом и с вызовом прошла мимо горничной.

— Господи, она сегодня как с цепи сорвалась. — Фауста чуть не плача посмотрела на Клаудию и Изабел. Девушки стали невольными свидетельницами этой безобразной сцены.

— Не позволяй ей так говорить с собой, — Клаудия нежно обняла ее за плечи. — Назаре должна научиться уважать других. Так ведь, сестренка?

— Конечно, мама поступила очень некрасиво. Извини ее, Фауста! — сказала Изабел. — И не обижайся: у нее в последнее время совсем сдали нервы.

Глава 33

Как здесь тихо, изумился барон, когда вышел из дверей лифта на третий этаж муниципального комплекса.

Кругом столько роскоши! Ковровые дорожки, венецианские зеркала, мебель из красного дерева. Надо же, картины! Барон Педру внимательно посмотрел на стену, которая была украшена необычными полотнами.

Первое из них изящно гармонировало с синеватым тоном цветового решения всего холла. На нем были изображены два целомудренно сплетенных тела мужчины и женщины, которые, по замыслу художника, купались в стихиях воздуха и огня.

«Жан Дельвиль, „Единение душ“, 1900 г.», — прочитал он и сделал шаг назад, чтобы полюбоваться совершенными телами. — Прелестно! Какие линии и формы! Но сюжет! Довольно странный для депутатской приемной.

Так! Что тут у нас еще? Барон прочитал название: «Портрет Стюарт Меррил 1892», автор — снова Жан Дельвиль. Он поднял глаза и отпрянул. На него холодно и пронизательно смотрели два зеленых немигающих глаза молодой рыжеволосой женщины, держащей в руках книгу.

Господи Иисусе! Взгляд саламандры. У этой дамы, видимо, был характер змеи.

Вторая картина привела его в непонятное смятение. «Нет, это полотно я никогда бы не повесил у себя в доме: во всем этом есть что-то демоническое».

Впечатлительный барон уже собирался побыстрее пройти мимо вернисажа, как вновь остановился пораженный.

Рядом с двумя шедеврами французского художника висела картина, которая никак не вписывалась ни в тон холла, ни в предыдущую манеру письма.

Полотно кисти третьего автора представляло собой непонятную свалку, хаотичный рисунок всевозможных предметов: ключей, перьев, школьной канцелярии.

«Леже, „Предметы в контрасте“», — прочитал барон следующую табличку — Но зачем здесь надо было изображать женщину?

Для контраста третью часть картины занимала обнаженная смуглянка, стоящая на одной ноге с зеленым шарфиком в руках.

Бонсучесу давно не испытывал таких странных эмоций, его воодушевление и готовность отдать себя целиком работе сменилось странным чувством тревоги.

— О! Барон Педру! Рада вас видеть! — он не заметил, как из приемной депутата Томаса Джефферсона вышла секретарша с большим конвертом в руках.

— Добрый день, дона Марлен. — Бонсучесу очень обрадовался, приветливому женскому лицу. — Какой странный вкус у того, кто повесил сюда эти картины. Мне даже стало немного не по себе.

— Ну, что вы, барон Бонсучесу. Вы не единственный, кто говорит об этом. Многих эта подборка «шедевров» приводит в трепет и недоумение, — улыбнулась дона Марлен. — Хочу заметить, я работаю уже у третьего депутата и каждый из них считал своим долгом купить что-нибудь из живописи. Первые два были без ума от Дельвиля, а мой нынешний босс, Томас Джефферсон, готов скупить все картины, на которых нарисованы канцелярские скрепки или чернила.

— Сразу видно, серьезный человек, — поддержал разговор Бонсучесу.

— Кстати, барон, позвольте вам задать вопрос. Только не подумайте, что я слишком навязчива.

— Конечно, дона Марлен. Я вас слушаю.

— Почему вы пришли так рано? У вас какое-то неофициальное дело или поручение?

— Почему? — оторопел барон. — Нет, конечно! И потом, ведь сейчас уже десять часов. Разве это рано?

— Обычно помощники депутата Джефферсона в лучшем случае приходят к одиннадцати.

— Правда? — изумился барон. — А когда же они успевают все сделать? Ведь у начинающего политика должно быть очень много работы.

— М-м-м, видите ли? Вы сегодня сами все поймете и обязательно привыкнете к нашему режиму. Обычно, все собираются к одиннадцати, а в четыре здесь уже никого не бывает. — Дона Марлен очаровательно улыбнулась. — У нас с этим не строго. Часто бывают так называемые дни внепланового отдыха.

— Какие, простите?

— «Разгрузочные». А сейчас, — спохватилась секретарша, — барон Педру, вам непременно надо отметить в журнале и вы можете спокойно уходить домой.

— А зачем расписываться?

— Это необходимо для того, чтобы подтвердить, что вы были на работе.

Барон Педру склонился над книгой посетителей и виртуозно вывел единым росчерком свою подпись.

— Какой у вас изящный каллиграфический почерк! — восхитилась дона Марлен.

— Приятно слышать комплимент из уст такой красивой женщины, как вы, — улыбнулся барон.

— Спасибо.

— Кстати, я вижу, что многие здесь расписались одним и тем же почерком.

— Да, это я расписалась за всех, — бесхитростно призналась секретарша.

— А разве так можно?

— Видите ли, барон, наш аппарат очень сплочен. Когда вы не сможете или не захотите прийти на работу, вам лишь достаточно предупредить меня, и я вас также отмечу.

— Благодарю вас, дона Марлен! Но я уверен, что этого не потребуется.

— Тем не менее, не стесняйтесь. А сейчас я могу предложить вам кофе с шоколадным печеньем или чай.

— Нет-нет, спасибо, я уже завтракал.

— Тогда садитесь вот сюда и почитаете свежую прессу или посмотрите телевизор. Ну, располагайтесь, где вам удобнее, а мне надо идти. — Секретарша многозначительно помахала конвертом.

— Спасибо, дона Марлен. Вы так любезны!

— Если вам захочется чего-нибудь, обязательно дайте мне знать.

— Не хочу вас больше отвлекать, дона Марлен. Я, пожалуй, просмотрю прессу и сделаю тематическую подборку для депутата Джеферсона.

— На самом деле? Это отличная идея! — дона Марлен внимательно посмотрела на Бонсучесу. — С таким прекрасным новым помощником наш босс горы свернет!

Барон Педру взял стопку свежих газет и устроился на кожаном диванчике у окна.

«Что же я скажу Лауре?» — вздохнул он и прочитал первый заголовок: «Десять секретов обольщения и соблазна». Рядом со статьей был опубликован снимок принцессы Дианы и принца Чарльза.

Бонсучесу внимательно посмотрел на название газеты. — «Подумать только, „Политический вестник столицы“».

Жозевалду с наслаждением потягивал пиво и лениво шурился, глядя на сына и его подружку Вивиан. Последние три часа он чувствовал себя прекрасно: исчезло чувство одиночества и недовольства собой; все складывалось как нельзя лучше. А его безошибочное чутье уже улавливало тонкий запах свежей добычи.

«Если бы знать раньше, что мой старшенький так успешно сделает карьеру политика и что на банковском счете ду Карму лежит приличная сумма... Да, сейчас можно было уже иметь пару приличных авто и смазливую молодую любовницу типа этой. — Он наклонился, делая вид, что поправляет брюки, а сам внимательно посмотрел на ноги Вивиан. — Да, вполне, вполне! Я сделал бы все возможное и невозможное, чтобы жить рядом с ними. — Жозевалду вытер губы рукавом и поставил тяжелую кружку на стол. — А с другой стороны, это довольно рискованно: вдруг ду Карму выбросит меня вон, как паршивого котенка?»

— Отец! Ты меня опять не слушаешь! — воскликнул Режиналду.

— Отчего же? Прекрасно слушаю.

— Что я сейчас сказал?

«Добро пожаловать в семью!» — процитировал Жозевалду. — Я как раз думал об этом, но мне стало как-то не по себе.

— Ты чего-то боишься?

Видишь ли сынок, мое возвращение может быть очень рискованным... У меня же нет ни гроша в кармане, что могло бы обезопасить мой тыл в такой аванюре. Ты понимаешь?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Пойми меня правильно. Я подставляю себя под удар. Если ду Карму не захочет видеть меня и прогонит, как ты думаешь, что со мной случится?

— По-моему, ты просто не понимаешь или не хочешь понять. У тебя же есть союзник. Я обязательно поддержу тебя!

— Сынок, поддержка на словах еще никого не накормила, — Жозевалду отпил из кружки и демонстративно громко поставил ее на стол. — У тебя собственный дом, квартира на проспекте Атлантика, машина, хлебное место в политике, а у меня даже нет денег, чтобы снять номер в гостинице последнего пошиба. А если мне придется вернуться в Сан-Паулу, я навсегда останусь нищим и к тому же буду морально разбит...

Режиналду с трудом сдерживал раздражение, но все же выслушал речь отца до конца.

— Выкладывайте, сеньор Жозевалду, куда вы клоните, — сказал он резко, но тут же почувствовал на своей коленке цепкую ручку Вивиан и осекся.

— Можно, я вмешаюсь в ваш разговор? — мило улыбнулась девушка. — Как я поняла, вы хотите получить гарантии, сеньор Жозевалду?

— Совершенно верно, дочка. Мне нужны вещественные гарантии на тот случай, если у нас ничего не получится. Я не хочу потом приходить сюда и кланчить у сына деньги на обратный билет. Лучше сейчас и наличными, чем позже и ничего...

— Так ты говорил про деньги?

— Я бы употребил другое слово: о деньжатах, — он весело подмигнул сыну.

На первый взгляд, казалось, что Вивиан была занята своими мыслями и не слушала разговор Налду с отцом; она рассеянно смотрела по сторонам, барабаня своими наманикюренными ноготками по столу, но, наконец, решила, что пришло время вмешаться.

— Сеньор Жозевалду, извините меня за дерзость, но у меня к вам деликатная просьба: не могли бы вы дать мне возможность поговорить с вашим сыном наедине?

Да, папа, закажи себе еще чего-нибудь в баре. — Режиналду с излишней поспешностью протянул деньги отцу.

— Пожалуй! — Жозевалду пожал плечами и нехотя поднялся.

— Неужели мне придется это стерпеть? — Режиналду не скрывал своего разочарования.

— Дорогой, говори, пожалуйста, потише! Я тебя прекрасно понимаю и сочувствую. Но мы должны пройти через это.

— Что ты говоришь? Ты его поддерживаешь?

— Взвесь все выгоды от этого предприятия. Почему бы и не выполнить его просьбу?

— Моя помощница и любимая женщина советует мне молча проглотить

обиду? Это же мой родной отец! И он не думает скрывать свою скаредность.

— Естественно, советую, — как ни в чем не бывало пожала плечами Вивиан. — Как ты до сих пор не понял? Когда сеньор Жозевалду окажется в доме твоей матери, она будет слишком занята своими делами, чтобы совать нос в твои и влиять на ход кампании! А твоя карьера в политике, между прочим, пойдет в гору только при одном условии, если ты сейчас одержишь блестящую победу. Но ради этого тебе придется использовать имя и престиж донь ду Карму. Иными словами, немного платишь сейчас и получаешь прибыль в будущем.

Режиналду задумчиво почесал переносицу.

— В общем, ты права, если взглянуть с этой стороны... Но не думаю, что надо верить его словам о «деньжатах». Он наверняка попросит немало! А если он попросит кругленькую сумму, где я ее возьму?

— Из остатков денег на выборы, — улыбнулась Вивиан. — Кстати, думаю, что те две пачки, которые лежат у тебя сейчас во внутреннем кармане пиджака, прекрасно уладят эту проблему.

— Вивиан, ты же знаешь, сколько усилий я направил на то, чтобы собрать небольшую сумму денег после каждой политической кампании. Мне так хотелось перевести их на счет в Джерси.

— О, ля-ля, Налду! Не надо лукавить, там останется еще много, чтобы отправить на счет за границей. И потом, — Вивиан приблизила свое лицо к его щеке, — их станет еще больше, когда ты станешь первым префектом Виллы Сан-Мигель. Думай широко, будущий премьер, думай широко!

— А вот и папочка идет с нами пообщаться. Подумать только, ему самому не терпится пощипать собственного сына! — съязвил Режиналду.

— Ну, как решили? — Жозевалду посмотрел на две пачки новеньких долларов, которые лежали на столе. — Мой старый нос чует, сынок, что ты не обеднеешь: ведь у тебя денег гораздо больше, чем полагается начинающему политику. Тем более, при моих скромных запросах разорение тебе не грозит.

— Точно! — попытался выдать из себя улыбку Режиналду.

— Но, если мне придется покинуть дом ду Карму... — Жозевалду нахмурился, пытаясь подобрать слова.

Вивиан, видя его замешательство, улыбнулась своей обезоруживающей фирменной улыбкой и тут же взяла инициативу в свои руки.

— Мы уверены, что вы останетесь там навсегда, ведь правда, дорогой? А с этими деньгами будете еще и с прибылью!

Лицо Жозевалду растянулось в широкой и лукавой улыбке.

— Ну, сынок, что мне теперь делать? — бодро спросил он.

— Слушай меня очень внимательно, отец! Сегодня вечером ты не должен никуда отлучаться. Сиди в гостинице и жди, когда за тобой приедет Венансиу.

— Неужели мой племянник работает на тебя?

— Именно так, и это, кстати, наше взаимовыгодное сотрудничество. Я обязательно дам знать, когда тебе лучше появиться в доме.

— И до каких же пор мне придется сидеть в этой вонючей дыре? Мне не терпится снова обнять всю семью!

— Потерпите немного, сеньор Жозевалду, — ласково сказала Вивиан. —

Скоро вы всех сможете прижать к своей груди.

— Да, и пока подумай, что ты сделаешь с этими деньгами. Уверен, что ты не заметишь, как быстро пролетит время.

— Дай-то Бог, сынок, дай-то Бог.

С самого утра Налва металась по комнате, как затравленный зверь. Она не посмотрела даже на ювелирную бархатную коробочку с трогательной открыткой, которую Леандру заранее оставил для нее в комнате.

Ей хватило сил лишь на то, чтобы принять душ и почистить зубы.

«Боже мой, — думала она, — сегодня мне исполнится уже двадцать пять лет, а моя жизнь уже окончательно загублена, разбита и нет никакой перспективы впереди!» — Налва подошла к окну и распахнула его настежь. Она старалась дышать глубоко, чтобы подавить подступающее к горлу рыдание.

— Дорогая, ты не боишься простудиться? — В комнату вошел Леандру с корзиной белоснежных роз. — Ты до сих пор не переделалась?

— Умоляю тебя, позвони сеньору Джованни и скажи, чтобы все отменили, я не пойду на праздник. — Налва сказала все это на одном дыхании, панически боясь посмотреть в сторону мужа.

— Но это невозможно! — Леандру был обескуражен. — Твои друзья старались, как могли, чтобы устроить тебе праздник. Они хотели показать, как любят тебя!

— Это их личное дело, — попыталась возразить Налва. — Кроме того, это не моя затея, а сеньора Джованни.

— Но он обидится...

— И что из этого? Меня это совсем не волнует. Слышишь? Не волнует! И теперь это твоя проблема, потому что я не стану трудиться и выдумывать предлог. Если хочешь, соври ему что-нибудь. Первое, что придет в голову. Но я наотрез отказываюсь идти на праздник! — Налва со злостью сорвала с себя полотенце и выбросила его в окно, оставшись в negligé. Но ее хитрая стратегия не подействовала на Леандру, который с трудом сдерживал себя, чтобы не наброситься на нее с кулаками.

— Ты пойдешь. Обязательно пойдешь, иначе я потащу тебя туда за волосы, — воскликнул он в гневе и больно схватил ее за локоть.

— Пусти меня, пусти! — Налва извивалась, как змея, пытаясь освободить руку.

— Сейчас же выбери себе платье! — Он с силой подтащил ее к шкафу.

— Леандру! Прекрати! Я не стану ничего выбирать!

— Давай, одевайся, давай! — Леандру без разбора стал выкидывать вещи на пол.

— Перестань! Я никуда не поеду!

— Надевай это, — он вытащил из шкафа маленькое красное платье на тонких бретельках, которое он купил ей во время медового месяца в Испании. — Иначе я повезу тебя туда голой.

— Нет, ни за что! — иступленно шептала Миналва.

— Послушай Налва, — он еще раз встряхнул жену. — Послушай меня внимательно, я отвезу тебя на праздник, даже если мне будет плохо и я потом

умру! Это очень важно не только для меня и тебя, но и для всех! Я жду снаружи. Одевайся! — Леандру вылетел из комнаты, в бешенстве хлопнув дверью.

«Ну, вот и все! Конец счастью и спокойной жизни! Сегодня обязательно произойдет что-то важное, — обреченно вздохнула Налва. — Ну, и пусть, так жить тоже невозможно. Пусть будет, что будет». — Миналва с трудом натянула на себя платье, забыв расшнуровать его заранее, схватила первые попавшиеся туфли на высоком каблуке и спустилась вниз.

На диване около ее свекрови сидели Плинию и Леандру, о чем-то весело болтая. Вивиан и Режиналду за что-то отчитывали детей.

— Налва, ты никогда не выглядела такой красивой, даже на собственной свадьбе, — восхитилась Бьянка. Она первая заметила ее.

— Спасибо! Но, по-моему, у тебя что-то со зрением.

— Да нет же, правда, ты просто ослепительна!

— Привет! — Миналва поздоровалась со всеми. — Что уже можно ехать?

— Дорогая, Вириату просил предупредить, что он немного опоздает на праздник, — сказала Мария.

— А может и намного, — тут же уточнил Плинию. — Я видел его сегодня с той киской, которая бегаёт за ним.

— Хватит болтать, — рассердилась ду Карму. — Надо ехать. Будет нехорошо, если именинница появится после того, как придут все гости.

— И правда, поехали! — засуетился Леандру.

В шесть часов кавалькада из трех машин торжественно въехала во двор школы самбы «Унидус де Вилла Сан-Мигель».

Жаниси тщательно вымыла руки и посмотрела на часы.

«Так, без десяти пять! У меня осталось несколько минут, чтобы накрыть на стол. Сейчас придет Себастьян и мы пообедаем».

До ее слуха долетел стук входной двери. Она выглянула в прихожую.

— Режина, Элеонора! Какое счастье! Вы так рано освободились! — Жаниси расцеловала дочек. — Сейчас я накрою стол и мы устроим настоящий семейный праздник.

— А разве папа еще не пришел? — удивленно спросила Режина.

— Нет. Отец должен подойти с минуты на минуту, а потом мы все вместе пойдем на день рождения Налвы. — Жаниси вытащила из старомодного комода белоснежную скатерть. — Все говорят, что Джованни Импротта готовит сумасшедшее представление с оркестром и танцами!

— Мама, отец тоже туда собирается? — Режина не могла скрыть свое удивление.

— Конечно! Туда приглашены все родственники, — весело заметила Жаниси.

— Но ему туда нельзя!

— Почему? — Тут же вмешалась старшая сестра.

— Потому что отец презирает школу самбы. — Режина старалась говорить убедительно. — А праздник проводят там. Ему это очень не понравится!

— Ничего страшного, дочка!

— Ну, что ты, мама! Отец на что-нибудь рассердится и своим кислым видом

испортит всем настроение или выкинет что-то.

— Конечно, папа строгих правил, но он воспитанный человек.

— Ради всего святого! Я больше не могу скрывать это от вас! — сдалась Режина. — Вы должны отговорить его!

— Признавайся, что случилось? Почему отцу нельзя быть там? — потребовала Элеонора.

— Меня выбрали королевой парада! — Режина зажмурилась, ожидая бурной реакции с обеих сторон. — Мне придется идти перед оркестром у всех на виду в очень легкомысленном наряде.

— Что? — Жаниси чуть не уронила тарелку. — Отец же расщиплет, увидев тебя там. Ты, что, сумасшедшая? Как же ты согласилась быть королевой парада, не поговорив с отцом?

— Мама, для меня это была единственная возможность!

— Но он же все равно рано или поздно узнает! — воскликнула Элеонора.

— Да, узнает, но только в свое время. Но если это произойдет сейчас, то он никогда не простит!

— Что я тебе не прощу? — Увлеченные разговором, они не заметили, что Себастьян уже вошел в гостиную и внезапно остановился, услышав обрывок их разговора. — Так о чем говорила Режина?

— Папочка, это тебе не понравится, — неопределенно сказала старшая дочь.

— Все равно! Выкладывайте!

— Мы говорили о... Венансиу. Режина уверяла, что ты его никогда не простишь за то, что он сделал.

— Конечно, я человек слова! И никогда не меняю его. Как можно простить человека, который наплевал на святые брачные узы и попытался разрушить отношения между Режиналду и его супругой Лейлой?

— Ладно, папа, я пойду! — весело сказала Режина и чмокнула отца в щеку.

— Куда это ты собираешься?

— Мне надо в ванную переодеться.

— А какие планы у тебя на вечер?

— За мной заедет Жоао Мануэл, и мы пойдем ужинать к его родителям.

— Но...

— Мама разрешила.

— Жаниси, — рассердился Себастьян, — разве мы не договаривались с тобой, что я решаю такие проблемы сам. Это что за самостоятельность?

— Ну, папочка! — вступилась за мать Режина. — Не ругайся! Я уже приняла приглашение. А отказываться невежливо!

— Там соберется вся семья. Ты понимаешь? Куча родственников! Ничего страшного не случится. Ну, папочка, позволь мне пойти!

— Ну, в самом деле, Себастьян, — вмешалась Жаниси, — отпусти Режину сегодня! А в следующий раз я обязательно скажу тебе заранее!

— Хорошо, но в последний раз!

— Спасибо, папочка! — Режина бросилась отцу на шею и весело выбежала из комнаты.

Себастьян сел на диван и тщательно вытер лицо носовым платком.

— Мне не нравится, что она не расстанется с этим парнем ни на минуту, а теперь еще ужин в его доме. — Он строго посмотрел на старшую дочь.

— Расслабься, папа! — засмеялась девушка.

— Если бы речь шла о тебе, Элеонора, я бы не волновался, но твоя младшая сестра слишком легкомысленна. Ладно, пойду приведу себя в порядок и сядем обедать.

— Мы были на грани провала, — тихо сказала Элеонора матери, как только Себастьян вышел из комнаты.

— Сердцем чую, добром это не кончится, — нахмурилась Жаниси. Знаешь что, дочка, давай обсудим это потом. Мы и так были слишком неосторожны. Помоги мне лучше сервировать стол.

— И то правда, мама! — Элеонора быстро вскочила с дивана и пошла на кухню.

— Мама! Ты волшебница! Какое классное у нас сегодня меню: заливное из хвостов, печеный горб зебу и «Фейжоада»! Если так пойдет дальше, я буду специально отпрашиваться из больницы, чтобы обедать дома! — воскликнула Элеонора.

— Да, ладно тебе, дочка! — засмушалась Жаниси. — Варить черную фасоль с требухой и копченым мясом может любая женщина. Захвати лучше из холодильника кокосовое молоко и газированную гуарану.

— Хорошо, мамочка!

Глава 34

Мария вышла из машины и увидела, как ей навстречу спешит радостный и возбужденный Джованни.

— Дона Мария ду Карму Ферейра да Силва! Для меня высочайшая честь принять вас в моей скромной школе самбы! — набросился на Марию с объятиями Джованни Импротта, стоило ей вылезти из машины.

— Спасибо, Джованни, только не надо преувеличивать. Ты говоришь так, будто мы не виделись сто лет.

— О! Какое счастье, что вас так много! — воскликнул он. — Значит, сегодня повеселимся на славу!

— Спасибо, сеньор Джованни, — Леандру горячо пожал ему руку, — что вы устроили праздник в честь моей супруги.

— Ну, что ты. Разве за это благодарят? Мне эти хлопоты в радость, — Джованни по-мальчишески свистнул, затем сложил руки рупором и крикнул, что есть силы: — Итак, начинаем праздник! — Затем он нежно обнял Марию и положил ей голову на плечо. — Могу я задать тебе один вопрос? — сказал он и хитро посмотрел ей в глаза.

— Конечно, спрашивай.

— А где бегает наш «борзописец»?

— Ты имеешь в виду Дирсеу? — засмеялась ду Карму. — Он сидит в местном аэропорту и ждет свободного места на рейс.

— Значит, ты сегодня без сопровождения? Если ты не против, то я весь вечер буду рядом. Мне большего и не надо!

— Спасибо Джованни, но он обязательно вернется. Так что, держи себя в руках!

— Вы посмотрите, какой торт! — Бьянка с трудом сдерживала радость. — Какая прелесть! Надо же, это не торт, а черт знает что!

— Не облизывайся, Бьянка! — Миналва схватила ее за руку.

— А нельзя его разрезать сейчас? Мне прямо не терпится! Какая необыкновенная цветная глазурь, орешки и сколько шоколада! — Восхищенная девочка носом уткнулась в самую середину торта. — Интересно, какой он внутри?

— Потерпи, Бьянка, и не вздумай прикоснуться к нему, пока не соберется вся семья, — строго сказала Налва.

— Дорогая моя, — удивилась ду Карму, — а разве кто-то отсутствует?

— Мы разрежем торт, когда придет Вириату. — С вызовом сказала Миналва.

— С одной стороны, это очень любезно, что ты хочешь подождать Вириату. Но в данной ситуации, по-моему, это слишком!

— Почему, дона ду Карму? — Налва дерзко посмотрела на свекровь. — Я не вижу никаких проблем. У меня сегодня праздник, и я вправе делать, что хочу.

— Тебя никто не ограничивает. Но может так случится, что Вириату вообще не придет сюда. Он сейчас на работе и никто не знает, когда он закончит свои дела. И потом, дорогая, время от времени он ночует в Рио.

— Что? Со своей девчонкой, которую он недавно подцепил на улице? — горько усмехнулась Миналва.

— Да, может и так! Но какое тебе до этого дело?

— Тогда пусть кто-нибудь позвонит ему в ресторан и скажет, что я настаиваю на его присутствии, — капризно приказала Налва. — Что случилось? Вы не хотите видеть всю семью в сборе? Что касается меня, то я хочу видеть всех! — Налва развернулась на каблуках, схватила с подноса бокал с виски и отправилась в самую гущу танцующей толпы.

— Мне поговорить с ней? — Леандру затравленно посмотрел на мать. — Ты извини ее, она сегодня очень нервничает.

— Оставь ее, Леандру. Сегодня ей уже ничего не поможет. И вообще, сынок, ты не должен извиняться за поведение своей жены. Лучше не отходи от нее: Миналву не надо сейчас оставлять одну.

Мария проводила сына взглядом и растерянно подошла к Сиссере.

— Сиссера! Ты видела это?

— Да, не надо мне ничего объяснять: я не вчера родилась. Похоже, Налва закусил удила.

— Ты права! Она уже давно сходит с ума, но только я раньше не замечала этого. Какая же я дура, идиотка! — Мария не скрывала досады. — Но как же я раньше не догадалась?

— Не понимаю, сеньора ду Карму, о чем вы?

— Налва влюбилась в Вириату!

— Что же теперь будет? — испугалась Сиссера. — Может, все обойдется?

— Наивная женщина, — покачала головой Мария. — Такое никогда не проходит бесследно.

Жаниси проводила Режину до двери, тихо перекрестила ее на прощание и вернулась к столу.

— Себастьян, включи телевизор. Сейчас будут новости, — попросила она, робко косясь на мужа.

— Нет, сегодня я хочу внести разнообразие в свою жизнь, пойду прогуляюсь после обеда.

— Прекрасная мысль! Тогда подожди меня, я сейчас вымою посуду и с удовольствием пройду с тобой.

— В другой раз, Жаниси, в другой раз. Сегодня я намерен дойти до дома Джованни.

— Нет, папа, — вмешалась Элеонора, — ты не привык к таким дальним прогулкам, пройди лучше по нашему кварталу.

— Действительно, Себастьян! Послушай дочку, она все-таки врач.

— Я не болен, просто у меня есть некоторые сомнения и я хочу все для себя прояснить, — упрямо возразил Себастьян. — Мне совсем не нравится, что моя дочь ужинает в доме своего парня.

— Не ходи, папа, не надо позориться! — Попыталась остановить его Элеонора. — Режина скоро придет.

— Не мешай мне, дочка. Ты же знаешь, я все равно пойду.

— Как можно идти в чужой дом без приглашения? Что о тебе подумает сеньор Джованни?

— Что я заботливый отец. У него тоже есть дочка, и он обязательно поймет меня. Все, давайте больше не будем говорить на эту тему. Всем спасибо, обед был превосходный, — поблагодарил Себастьян и встал из-за стола. — Сейчас накину на себя чего-нибудь и пойду пройду.

— Боже мой. Что за день? — воскликнула Жаниси, как только за мужем захлопнулась дверь. — Если он найдет Режину, он убьет ее. Что же делать? Может позвонить?

— Нет не надо! — остановила ее Элеонора. — Получится нехорошо. Я сама отправлюсь туда и попрошу домашних что-нибудь наврать. Ведь папа пойдет пешком, а я поеду на машине!

— Пожалуйста, будь осторожна!

— Не волнуйся, мамочка! Я знаю короткую дорогу до дома сеньора Импротта.

Через десять минут Элеонора припарковалась во дворике небольшого кафе и поспешила к особняку Джованни.

Во всем доме освещено было только одно окно.

— Господи Иисусе! Неужели все уехали на праздник? — девушка отчаянно позвонила в дверь.

Ей показалось, что прошла целая вечность. Наконец, она услышала быстрые шаги и поняла, что кто-то подошел к двери.

— Одну минуту, я уже открываю! — На пороге появилась симпатичная

молодая девушка чем-то неуловимо похожая на нее. Такая же большеглазая, светленькая, со вздернутым носом и очаровательной улыбкой.

— Здравствуйте, — сказала она вежливо. — Вы кого-то ищете?

— Добрый вечер. Вы, должно быть, Женифер?

— Да, — растерялась девушка. — А вы кто?

— Я сестра подружки твоего брата, Режины, — от волнения она перешла на «ты». — Меня зовут Элеонора. Извини, что врываюсь к вам, но у меня очень срочное дело!

— Но Режина ушла совсем недавно и, кроме меня сейчас никого нет дома, — растерялась Женифер. — Они с братом поехали на праздник!

— Об этом я и хочу поговорить! Мой отец не должен узнать, что сестра сегодня танцует на празднике.

— Тогда не стой на пороге, пожалуйста, проходи в комнату.

— Спасибо тебе за понимание. Но сейчас мой отец лично придет сюда, и если вовремя не соврать что-нибудь приличное, он устроит грандиозный скандал, а затем выгонит Режину из дома!

— За что?

— Он все время держит мою младшую сестру под присмотром, контролирует во всем днем и ночью!

— Не могу поверить, что твой отец такой старомодный. Почему он так пристально следит за ней?

— Что подделаешь, характер, да еще воспитание. Он родился на северо-востоке и считает, что дочка должна быть все время под надзором, чтобы выйти замуж девственницей.

— В наше-то время?

— Да, мир очень изменился с тех пор, но моему папе это не грозит! — засмеялась Элеонора. — И если он увидит, что Режина танцует полуодетой с ленточкой между ног перед толпой мужчин, он никогда ей этого не простит. Да еще запрет где-нибудь в монастыре.

— Господи, какое средневековье! — воскликнула Женифер.

— Я рада, что ты меня понимаешь!

— Но рано или поздно, он все равно все узнает. Ничего страшного, к тому времени мы его как-нибудь обязательно подготовим, но только не сейчас.

После второго стакана виски, Миналва почувствовала небывалую легкость во всем теле. Задорный ритм самбы дразнил ее, увлекал за собой, делая податливой и безрассудной.

Лица, с любопытством смотревшие на нее, вскоре превратились в одну сплошную массу. Сложный танцевальный ритм заставлял ее тело иступленно двигаться, не обращая внимание на препятствия.

Налва не заметила, как чуть не налетела на влюбленную парочку, вовремя отскочившую в другую сторону. Затем она чуть не упала на сервировочный столик, который шустрый официант успел оттолкнуть подальше.

Постепенно вокруг нее образовалось свободное пространство. По даже этого Миналва не почувствовала, она сосредоточилась на бокале с виски и старалась не расплескать остатки жидкости.

— Ты посмотри, Режиналду, что вытворяет твоя невестка, — восхищенно воскликнула Вивиан. — Она очень постаралась выставить все свои прелести наружу.

— Меня сейчас другое волнует. Отец уже должен быть у школы. Мне так хочется пригласить его сюда и покончить со всем этим безобразием!

— Спокойно, депутат, — отрезвила его пыл Вивиан. — Сеньор Жозевалду должен появиться в точное время. Вся семья должна быть в сборе, а Вириату еще не приехал.

— Ладно, я подожду. Кстати, а вон и братец, легок на помине! Надо же, где он отхватил эту смазливую крошку? — восхитился Режиналду и поспешил к нему на встречу.

— Налду, куда ты? Подожди меня! — Вивиан нехотя поспешила за ним, чутье подсказывало ей, что в зале скоро произойдет нечто интересное. — Могу поспорить на сто реалов, что эта сумасшедшая обязательно что-нибудь выкинет!»

Налва почувствовала, как в воздухе что-то неуловимо изменилось. По спине прошел холодок, а сердце странно заныло от какого-то непонятного предчувствия.

«Неужели Вириату приехал?» — подумала она и оглядела зал.

Рядом с Марией стояла молодая незнакомая девушка, держа за руку ее возлюбленного.

«Как она смеет?» — Налва чуть не задохнулась от возмущения.

— Наконец-то, теперь все в сборе! — громко крикнула она, стараясь привлечь к себе внимание. — Здравствуй, Вириату! Как хорошо, что ты пришел поздравить меня! А где же твой подарок?

— Извини, Миналва, я приехал прямо с работы и ничего не успел купить, так что подарок обязательно останется за мной.

— Тогда поцелуй меня! — потребовала Налва. — Поцелуй сейчас же!

Вириату нагнулся и быстро чмокнул девушку в щеку.

— Нет, не так! По-настоящему поцелуй! Вот так! — Налва стремительно бросилась к Вириату, обхватила его шею руками и жадно впилась в его губы страстным, поцелуем, не давая возможности ни пошевелиться, ни двинуться.

— Что ты делаешь, Налва? — Леандру силой попытался отцепить ее от брата.

— Неужели не видно? Как ты до сих пор не понял, что я люблю его, слышишь, люблю больше всего на свете! А теперь мне плевать, что ты обо мне подумаешь! Самый шикарный подарок, который ты мне можешь сделать — это развестись со мной!

— Одумайся, Миналва! Ты просто много выпила. Что ты говоришь такое?

— В день нашей свадьбы, когда я впервые увидела Вириату, я поняла, что он единственный человек, который предназначен мне! И только мне! Твои ласки, твои слова стали мне ненавистны...

— Шлюха, подзаборная девка! — Леандру не мог сдержать сильные эмоции. Он резко ударил ее по щеке и отвернулся.

Все это удивительным образом оказало отрезвляющее воздействие на Миналву и сразу привело ее в чувство.

Она в паническом ужасе от содеянного отскочила от Вириату и бросилась к мужу.

— Ради бога, Леандру! Я выпила слишком много. Забудь, Леандру, забудь. Я не то хотела сказать! Забери меня домой, Леандру, забери меня домой! — Шептала она словно в бреду.

— Не приближайся ко мне! Я знать тебя не желаю! Ты считаешь, что ничего не сделала? А как же я? Обо мне ты подумала?

— Перестань, Леандру, я хочу домой! — взмолилась она.

— Дрянь! Оставь меня! Отпусти меня! — Леандру с яростью оттолкнул от себя жену и бросился к выходу

Налва сидела на полу и иступленно искала сумочку. Ей казалось, что если она найдет ее, то этот кошмар обязательно закончится. Вечернее платье ее было разорвано в нескольких местах и представляло собой очень жалкое зрелище. Каким-то чудом оно еще держалось на ней без бретелек.

Налва сделала попытку встать и случайно наткнулась на трибуну.

— Налва! Девочка! Ну, перестань сходить с ума! Что сделано, то сделано! — Это был голос Родригеса, помощника Импротты. Она почувствовала, как чьи-то сильные руки обхватили ее сзади и поставили на ноги.

— «Все пройдет! Пройдет и это...» — Родригес процитировал высказывание Соломона.

— Зачем я все это устроила? Зачем наговорила столько глупостей? Какой ужас!

Родригес достал носовой платок, вытер ей слезы и заставил высморкаться.

— Сейчас ты выпьешь воды и успокоишься. — Он протянул ей бокал.

Налва выловила пальцами несколько кусочков льда и положила их на разгоряченный лоб.

— Умница, сейчас тебе станет получше. — Родригес погладил ее по голове. — И не вздумай корить себя. Произошло то, что рано или поздно обязательно бы вырвалось наружу.

— Ты слышал, что сказал Леандру? Куда же я пойду? У меня теперь нет ни родственников, ни друзей, ни дома! — Налва опять дала волю слезам.

Мария ду Карму, издали наблюдая за этой сценой, повернулась к Вириату:

— Как ты мог допустить такое? Она же твоя невестка!

— Я не мог и предположить, что она испытывает какие-то чувства ко мне, тем более такие сильные. — Он растерянно посмотрел на Марию Эдуарду. Девушка была сильно подавлена.

— Объясняйся яснее, пожалуйста! — потребовала ду Карму. — Это не могло случиться в один день!

— Мне нечего объяснять! Налва пыталась оказать мне какие-то знаки внимания, но я никогда не давал ей повода и вел себя очень холодно с ней. Я был уверен, что она одумалась... Мне кажется, я знаю, что делать! — внезапно оживился Вириату. — Мне надо найти Леандру! Мы поговорим, и все встанет на свои места!

— Не горячись, сынок, — остановила его Мария. — Меньше всего Леандру сейчас хочет встретиться с тобой! Проводи до такси свою девушку и поедем

домой!

Ошарашенные диким зрелищем гости начали потихоньку расходиться. Праздник не удался — это было ясно уже всем.

Джованни Импротта подошел к трибуне и взял в руки микрофон.

— Дорогие гости, к сожалению, в связи с форсмажорными обстоятельствами праздник закончится раньше. Я, Джованни Импротта, приношу всем свои извинения! Пора разъезжаться! Надеюсь на ваше добросердечие и снисходительность. Мне очень жаль! — Он спрыгнул с трибуны и подошел к Марии:

— Ну как ты? Что собираешься делать? — Он участливо заглянул ей в глаза.

— Ну, почему жизнь так несправедлива? Я приехала сюда не за тем, чтобы пережить такой позор. Я не заслужила этого унижения, ни я, ни мой сын!

— Если я могу что-то для тебя сделать, дай мне обязательно знать! — Он поцеловал ей руку, затем два раза чмокнул в щеки, но когда добрался до лба, получил острым кулачком в бок.

— Дона Флавиана! — тут же отреагировал Импротта. — Вы ведете себя, как гарпия. Я же по-дружески.

Флавиана ехидно улыбнулась и подмигнула ду Карму.

— Если его вовремя не остановить, то начнется еще один форс-мажор, а для вашего семейства на сегодня достаточно!

— До свидания, Джованни, еще раз спасибо за все, — улыбнулась Мария.

В семь часов вечера машина Венансиу припарковалась у школы самбы.

— Сколько народу! — воскликнул Жозевалду. — Может сразу зайдем внутрь, там наверняка, классная выпивка. Я сейчас с удовольствием бы выпил. На мой взгляд, нет ничего вкуснее тростниковой водки с сахаром и зелеными лимонами.

— Нет, сеньор Жозевалду, босс взял с меня слово, что действовать мы будем только по условленному сигналу, а сейчас не время.

— Ладно, чувствую, что мне придется подождать. А что, Венансиу, твой отец Себастьян все такой же сухарь, как и прежде, или изменился?

— Нет! — улыбнулся Венансиу. — Старую гвардию ничего не берет! Он до сих пор такой же принципиальный и суровый до невозможности.

— Однажды он меня чуть не утопил, когда узнал, что ду Карму беременна, — засмеялся Жозевалду. — Пришлось на ней жениться.

— Странно. Музыка стихла, — насторожился Венансиу. — Там что-то происходит! Смотрите, Леандру выскочил, как ошпаренный, а за ним Плиниу и Режиналду. Куда это они?

— Не волнуйся, сейчас узнаем. К нам идет подружка моего сына.

Вивиан с трудом пробираясь сквозь толпу, которая в считанные мгновения заполнила небольшую площадь у школы самбы, пыталась приблизиться к машине. По ее виду можно было понять, что случилось что-то очень хорошее. Глаза ее возбужденно сияли, с лица не сходила улыбка.

— Я принесла вам свежие новости. — Голос Вивиан дрожал от возбуждения. — Миналва напилась и закатила грандиозный скандал на

празднике. У этой дуры хватило наглости объявить мужу, что она не любит его, а со дня собственной свадьбы мечтает о Вириату.

— Не может быть! — воскликнул Венансиу. — Они казались такой идеальной парой!

— В нашей жизни все может быть! Пути господни неисповедимы! Ну, да ладно! Теперь о деле. Сейчас поезжайте к дому ду Карму и ждите там дальнейших распоряжений.

— Не-е, так дело не пойдет! — воскликнул Жозевалду. — А как же я? Мне-то что делать? Сколько можно сидеть в этой машине? Я весь извелся! Скажи хотя бы, когда назначен мой выход!

— Когда вернется Режиналду, он объяснит, что и как делать, — строго сказала Вивиан.

— Ладно, поехали! Разберемся на месте. — Венансиу включил мотор. Машина медленно проехала мимо школы самбы и выехала на шоссе. До дома ду Карму они доехали молча.

— Знаешь что? — первый заговорил Жозевалду, когда Венансиу остановил машину недалеко у дома Марии. — Сейчас я бы многое отдал, лишь бы оказаться в своей гостинице на узкой койке, чем сидеть не знаю сколько в машине, а потом еще стать причиной домашнего скандала.

— Да, не переживайте так! Скоро все закончится. Сеньора Мария уже дома. А вон, видите машину Плиниу? Режиналду должен быть вместе с ним.

Жозевалду проводил взглядом черный мерседес и сделал попытку выйти из салона.

— Что вы, сеньор Жозевалду! Сидите спокойно! Любая неосторожность с вашей стороны может помешать планам вашего сына. Он обязательно даст знак, когда все будет готово.

— Мне так хочется уйти отсюда подальше, — вздохнул Жозевалду.

— Я не позволю вам в последний момент спрыгнуть с поезда, — Венансиу погрозил ему пальцем.

— Ну, что поделать? Тогда я лучше подремлю, может отдых меня приведет в чувство? — Жозевалду вытянул ноги и закрыл глаза.

Глава 35

— Леандру, сынок, как хорошо, что ты приехал! — Мария бросилась навстречу сыну. — Пожалуйста, поговори со своей женой, без скандала и крика. Теперь многое зависит от тебя.

— Хорошо, мама, где она?

— В комнате наверху.

Леандру с тяжелым сердцем поднялся на второй этаж и открыл дверь.

Миналва беспомощно сидела на полу у раскрытого чемодана и плакала.

— Леандру? — На ее лице отразился ужас и сильное смятение. Она не была готова к новой встрече с ним.

Ее растерянность подействовала на него, словно красная тряпка на быка. Чувство ярости и протеста вспыхнуло в нем с новой силой.

— Не произноси больше моего имени! Уйди! — сказал он сквозь зубы. — Я хочу, чтобы ты исчезла раз и навсегда из моей жизни! Забудь меня! Я не желаю больше видеть твое лицо никогда! Слышишь? Никогда!

— Ты прав, я не буду с тобой спорить. — Голос Налвы звучал спокойно.

— Нам не о чем с тобой спорить.

— Ты не хочешь продолжать со мной какие-либо отношения, а я хочу этого еще меньше... Прошу тебя об одном: дай мне спокойно забрать свои вещи. И даю тебе слово, ты меня больше никогда не увидишь.

— Правильно! Убирайся вон! Собирай свои тряпки и проваливай отсюда!

— Леандру приводили в ярость ее неожиданные спокойствие и рассудительность.

— А то, что ты забудешь впопыхах, моментально отправится на помойку!

— Дело твое. Я не желаю тебе зла! — Миналва захлопнула чемодан и направилась к двери.

— Проподи ты пропадом!

— Удачи тебе, Леандру! — сказала Миналва и спустилась по лестнице в холл.

— Вы так быстро поговорили? — удивилась Мария, увидев, как ее невестка спускается с чемоданом в руках.

— Да! Разговор был короткий, но все что надо, мы друг другу сказали. И теперь этот вопрос закрыт.

— В каком смысле?

— Я уйду! Леандру не хочет жить со мной, я с ним тоже. И на этом мы поставим точку.

— Почему-то я так и думала! — Мария посмотрела на Вириату, который выглядел очень расстроенным.

Неожиданно он поднялся и преградил путь Налве:

— Постой, хочешь я сам поговорю с братом? Может быть, я его уговорю!

— Нет, Вириату, ты последний человек, кого бы я просила о такой услуге. Неужели ты не понимаешь, что больше всего я хотела остаться с тобой.

— Налва, пожалуйста, не начинай сначала.

— Я влюбилась в тебя в тот самый день, когда состоялась моя свадьба с Леандру.

— Я не могу этого больше слушать.

— Я говорю так, потому что больше не увижу тебя и не увижу никого из вашей семьи.

— Но Леандру очень любит тебя, и я не хочу, чтобы вы развелись из-за меня.

— Ты ни в чем не виноват. Это я влюбилась в тебя и стала причиной своего же несчастья. Ты же наоборот пытался отговорить меня от безрассудных поступков, пытался сохранить нашу семью. — Налва смахнула слезу. — Моя любовь к тебе перевешивает мое уважение к нему. Сейчас ему больно, он обижен, но вы братья и любите друг друга! А я уйду со сцены. Пройдет время, и все забудется, а вы обязательно помиритесь. Я уверена в этом. Прощай, Вириату.

Мария не стала провожать Налву. Она тут же направилась в комнату к Леандру.

Он лежал на кровати, растерянно держа в руках злополучное платье Налвы.

— Как ты, сынок? — спросила Мария и села на край кровати.

— Плохо, мама, я чувствую себя неудачником: даже собственную жену не сумел удержать.

— Не надо так говорить. — Мария взяла его за руку. — Ты не должен брать на себя чужую вину. В браке все решают двое, а ты делал все, что зависило от тебя.

— Нет, я не сделал главного. Я не смог дать счастье женщине, которую обожал.

— Перестань казнить себя. Такое иногда случается. И никто в этом не виноват.

— Знаешь, мама, я уверен только в одном, после всего этого я уже не смогу быть прежним. — Леандру распахнул дверцы шкафа и растерянно посмотрел на пустые вешалки.

— В жизни все проходит, сынок. Какой бы страшной не казалась беда, она обязательно пройдет. Я понимаю, как тебе тяжело и ты долго еще будешь страдать, но любая боль проходит. Меня ведь тоже бросили, а я очень сильно любила твоего отца... — Мария подошла к сыну и крепко обняла его.

— Ты не такая, как я, ты сильная и решительная! Я же совсем иной.

— У каждого есть сила, только она спрятана где-то глубоко внутри. Иной раз кажется, что жизнь кончена. Но мы находим эту силу и идем дальше. Пожалуйста, поверь мне! — Мария обхватила его голову руками. — Пойдем со мной в гостиную. Вся семья ждет нас.

— Нет! — сразу отстранился Леандру. — Я не могу сейчас видеть Вириату. Это невыносимо.

— Мальчик мой, вы же братья! — воскликнула ду Карму.

— Мама, как ты не понимаешь! Это намного хуже, чем чужой человек.

— Не осуждай брата, не поговорив с ним. Ни ты, ни кто-нибудь другой не имеет права судить его. Я слишком хорошо знаю характер Вириату. Он не способен на подлость!

Пока Мария разговаривала с Леандру, Вивиан не теряла времени даром. Она с любопытством наблюдала за семейной трагедией, ожидая момента, чтобы напомнить Налду об отце. Как только ду Карму поднялась к сыну в комнату, она тихо подошла к Режиналду и прошептала в ухо:

— Налду, ты не забыл, что твой отец ждет тебя на улице? Пора решать этот вопрос.

— Согласен, сейчас как раз мать очень расстроена, а значит, особенно уязвима. Не знаю почему, но из всех нас она особенно нежна с Леандру, и так было всегда...

— Уж не ревнуешь ли ты? — удивилась Вивиан. — Ну, что за сантименты? Сейчас она расслабилась. Журналиста рядом нет. Момент самый подходящий.

— Ты права, другой возможности у нас может и не быть! Пойду позову отца. — Режиналду решительно встал и направился к двери.

— Ты уходишь? — удивился Вириату.

— Мне надо выйти на секунду, я скоро вернусь. — Налду поймал себя на

мысли, что его сердце наполняет непонятная радость. В этом ощущении было что-то смутно знакомое, как в детстве, когда он узнавал какую-то тайну и неторопливо, на правах старшего, преподносил ее младшим братьям, ощущая себя в центре внимания и ловя на себе заинтересованные взгляды.

Сойдя со ступенек, он остановился, чтобы немного успокоиться и только потом направился к машине Венансиу.

За всю свою пятилетнюю дорогу к власти Режиналду хорошо усвоил несколько постулатов и применял их в жизни. Он придумал определенные правила и даже вписал их в свой ежедневник, собирая по крупицам мудрость знающих людей.

«Завоевывай внимание любой ценой. Сделай так, чтобы другие работали на тебя. Избегай неудачников. Не щади врага и действуй, как шпион. И главное: мути воду — останешься с уловом!»

«Кто бы мог подумать, что с родной матушкой мне придется использовать весь арсенал этой мудрости и всевозможных уловок... — Режиналду растерянно посмотрел на отца. — Подумать только! Дрыхнет, как младенец в такой ответственный момент!»

Жозевалду крепко спал, беззаботно устроившись в кресле.

— Проснись, отец! — Он положил ему руку на плечо. — Пора поставить последнюю точку в этой игре! Теперь твой выход!

Жозевалду потряс головой, отгоняя сон и растерянно посмотрел на сына.

— Боюсь, что у меня не хватит смелости.

— Не говори глупости! — рассердился Режиналду. — Ты так долго ждал этого момента и теперь хочешь все расстроить? Не выдумывай! Выходи скорее! И подумай сам, — добавил он более мягко. — Уже сегодня все самое неприятное закончится.

— Мне становится плохо от одной мысли, что ду Карму прогонит меня, унизив в глазах моих собственных детей.

— Не преувеличивай! — сказал Режиналду нарочито весело.

— Нет, сынок, я больше не играю. Ты посмотри, меня бьет дрожь. Мне плохо, по-настоящему. Я думаю, что не сумею даже переступить порог дома. Мне кажется, что мое тело разваливается на куски.

— Тебе мешает не тело. Проблема в твоей голове, к сожалению! — вскипел Режиналду. — Ну, все отец, перестань ныть! Дыши глубже! Вот так: вдох-выдох, вдох-выдох!

Жозевалду послушно засопел носом.

— Хорошо! — Налду ободряюще похлопал его по плечу. — А теперь вылезай из машины.

— Нет, не надо. — Отец отчаянно вцепился в сиденье машины. — Умоляю, Венансиу, увези меня в отель! Мне плохо! Вы же не хотите меня убить!

— Пожалуйста, при мне не притворяйся бедным и несчастным, — вскипел Режиналду. — Ты слишком жадный и очень любишь деньги! И знай, если ты сейчас испачкаешь штаны, лучше никому не будет.

— Не получится, сынок, не получится. Мое тело не слушается меня. Я боюсь, что умру на пороге! Умоляю, Налду, дай мне уехать!

— Перестань! Сделай то, что я велю, иначе тебе будет намного хуже!

Режиналду силой вытащил отца из машины и захлопнул дверь.

— Налду, сын, рассуди сам, у твоего брата сейчас серьезные проблемы с женой. Может, отложим мое появление на время? — Жозевалду привел последний аргумент.

— Нет папа. Необходимо, чтобы именно ты, родной отец, поддержал его в этот момент.

— Я не смогу сейчас никого поддержать и тем более утешить.

— Сможешь! У тебя все получится.

— Ладно! Я сделаю, что ты хочешь, — неожиданно легко сдался Жозевалду. — Только будь добр, сынок, не отходи от меня ни на минуту.

— Хорошо папа! Не волнуйся. — Режиналду любезно подхватил отца под локоть и почувствовал, как бешено колотится его сердце.

«Неужели этот старый пень не притворяется? — подумал он и почувствовал что-то вроде жалости к нему. — Не хватало еще того, чтобы он свалился в обморок у самого порога».

Режиналду открыл дверь и пропустил отца вперед.

— Кого это ты привел, папочка? — Бьянка тут же подлетела к отцу и взяла его за руку.

— Сейчас узнаешь, дочка, — многозначительно сказал Режиналду и внимательно посмотрел на ду Карму.

Его мать, сильно побледнев, не сводила глаз с незваного гостя.

— Жозевалду? — Мария пыталась справиться с эмоциями. — Я не верю глазам. Что с тобой стало? Какой же ты старый и потрепанный.

— Что ты сказала, мама? — удивился Плинию. — Это наш отец?

Жозевалду ожидал самого худшего, и поэтому занял позицию около двери.

— Ну, что ты, папа? Проходи! — поддержал его старший сын. — Знакомься, это Плинию, Вириату, Леандру.

— Что я слышу? — возмутилась ду Карму. — Кто смеет без моего согласия ко мне же в дом приглашать гостей? Пока еще я здесь хозяйка! Вы хотите знать, кто это? — она прищурилась и гордо подняла голову: — Это тот негодяй, который бросил вас, когда вы были совсем маленькими. Он оставил нас умирать в нищете. И ему не приходило в голову хотя бы поинтересоваться, живы мы или нет! — Мария, не скрывая ненависти, смотрела на Жозевалду. — На его совести все плохое, что случилось с нами. А теперь он явился сюда! Какого черта, после стольких лет?!

— Подожди! — попытался остановить ее Жозевалду.

— Ни за что! — продолжала Мария. — Как бы я хотела вычеркнуть сегодняшний день из жизни, уж лучше лежать в горячке или в бреду, видеть страшные кошмары, чем пройти через это! К большому сожалению, все это происходит наяву! И этот тип после стольких лет посмел явиться сюда, в наш дом! Кто позволил этому типу войти сюда? — Мария почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног, она бессильно опустилась в кресло.

— Подожди, мама, не надо нервничать, — вмешался Режиналду. «Этот тип», как ты выразилась, наш отец!

— Ты смеешь называть отцом того, кто больше двадцати лет назад бросил семью и не давал о себе знать все это время?

— Да! Смею! Он до сих пор остается твоим мужем, ведь за все это время ты все еще не развелась с ним.

Громкая трель входного звонка прозвучала неожиданно резко и заставила всех вздрогнуть.

«Ну, кого там еще черти принесли!» — подумал Режиналду и поспешил открыть дверь.

На пороге стоял Дирсеу с большой корзиной диковинных цветов.

— Извините за опоздание. Надеюсь, все семейство в сборе?! — весело сказал он.

— Даже более чем... — туманно подтвердил Режиналду и отошел в сторону.

— Слава богу, дорогой! Я молила Всевышнего, чтобы ты, как можно быстрее вернулся! — Мария бросилась ему на шею. Он нежно обнял ее и передал корзину Вириату.

— Ты очень странно выглядеть. У вас что-то случилось? — Нахмурился Дирсеу, с подозрением взглянув на бледного пожилого мужчину в неопрятной линялой рубашке.

Внезапно простая и ясная мысль поразила ду Карму. Она отстранилась от Дирсеу и пристально посмотрела на старшего сына.

— Это ведь твои проделки, Режиналду! Ты уже все знал и давно продумал. Это ты привел отца в дом!

— Я и не скрываю этого, — сказал он, как ни в чем не бывало. — Мы встретились с отцом у дома, поговорили, и я пригласил его, чтобы встретиться с семьей.

— Налду привел его, не предупредив, — вмешалась Вивиан, — потому, что боялся, что вы не примете его.

— Да, вы все могли бы отказаться принять беднягу, — Режиналду возбужденно ходил по комнате. — Мой отец безуспешно искал нас, пока не увидел совсем недавно телевизионную передачу, посвященную Линде. Именно поэтому он приехал сейчас. И вообще, какая разница, сколько времени его не было с нами, он все равно наш отец! А я выполнил свой сыновний долг.

Мария, оглушенная, угрожающе долго молчала, пристально вглядываясь в знакомые черты лица постаревшего мужа.

— Я долго тебя искала Жозевалду, очень долго. Поэтому и поехала в Сан-Паулу, — голос ее дрожал от сильного гнева, — но ты предал нас. Это из-за тебя я потеряла дочь, это ты оставил умирать моих детей в нищете от голода. А теперь ты решил приползти на брюхе на готовенькое. Не удивительно! Твоя бывшая супруга стала состоятельной и влиятельной, твои дети уже выросли и могут позаботиться не только о себе! Так вот, скажу тебе прямо! Можешь забирать свои пожитки и проваливать отсюда. Двери моего дома для тебя навсегда закрыты.

— Никогда я не хотел, чтобы ты страдала и тем более сейчас. Просто так сложились обстоятельства, — жалостливо выдавил из себя Жозевалду и посмотрел на сыновей, ища в них поддержки.

— Нет-нет, папа, не уходи! Вы же все еще муж и жена, — с вызовом

напомнил Режиналду.

— Этот вопрос, конечно, требует обсуждения, но в другое время и в присутствии адвоката, — не удержался Дирсеу.

— Налду, сынок! Я прошу тебя! Ты попытался, не вышло. Мне надо уйти! — смиренно сказал Жозевалду и медленно направился к двери.

— Нет, подожди, мама, — воскликнул Плиниу. — Давай хотя бы выслушаем его.

— Неужели вы поверили болтовне этого негодяя? — Мария перешла на крик. — Он пришел сюда не из-за вас. Он пришел за деньгами! Вы только посмотрите на него! Он нуждается! Он будет клянчить деньги!

— Мама, но дай ему, хотя бы шанс, — поддержал брата Вириату.

— А ты помолчи! Он даже не заслуживает плошки с водой, которую ставят на улице для больных собак, — ду Карму гневно указала на выход. — Убирайся из этого дома! Вон!

— Да, я слишком долго отсутствовал и не видел своих детей, сейчас я... — Жозевалду побледнел, схватился за сердце и стал медленно оседать на пол.

— Я не верю в эти фокусы! — воскликнула Мария и демонстративно отвернулась.

— Папа! Очнись, папа! — Режиналду пытался привести его в чувства. — Надо вынести его на воздух.

— Похоже, что все это всерьез, — прокомментировал Дирсеу.

Мария взглянула на закатившиеся глаза мужа и растерянно посмотрела на детей. Кажется, на этот раз он не притворяется, это похоже на настоящий приступ.

— Поехали в больницу! — скомандовала Вивиан и вышла вместе со всеми на улицу.

В доме остались только Мария и Дирсеу. Мария так и стояла на месте, боясь пошевелиться.

— Дорогая, очнись! — голос Дирсеу привел ее в чувство.

— Знаешь, Жозевалду вернулся в семью больной и старей, и если я сейчас выгоню его, то мои дети не простят мне этого.

— По это твоя жизнь! Они не должны тебя вынуждать, тем более после того, что он тебе сделал.

— Наверное, они думают, что я железная и не вспоминают, что я обычная женщина. Да, Жозевалду выбрал не самое лучшее время... — Мария вытащила носовой платок и вытерла лицо. — И самое ужасное знаешь что, Дирсеу? Моим сыновьям нужно было только полчаса поговорить с этим негодяем, и он сумел заморочить им голову. Неужели они забыли, что всю жизнь ждали отца, но так и не дождались.

— Я все понимаю, дорогая! Просто теперь твои мальчики надеются, что обрели отца.

— Как они могли предать меня? Я кормила их, вырастила совсем одна. И мне было особенно трудно, потому что Режиналду его копия, все время маячил передо мной. Нет, этот мерзавец ничего не получит! Ничего!

— Дорогая, ты не разведена с ним, по закону он твой муж! Поторопись,

реши это дело, иначе у тебя прибавится головной боли.

— Да, милый! Ты, как всегда прав! Я постараюсь разобраться со всем этим побыстрее.

Глава 36

В эту ночь Назаре спала очень тревожно и беспокойно, мучаясь бесконечными кошмарами. Ей приснился тот самый негодяй, который изменил всю ее жизнь, снилось табачное поле и груды мертвых тел. Она ходила между ними и выла от ужаса и боли. Несколько раз она вскакивала от собственного крика, а под утро проснулась, дрожа от холода.

Одеяло лежало на полу, а пижама оказалась насквозь мокрой от пота. Назаре раздраженно скинула ее на пол, закуталась в плед и устроилась в кресле подремать. Предутренний сон был чутким и неглубоким. Она слышала все, что творилось внутри дома и на улице, как проехал первый автобус, как встала Изабел и на цыпочках прошла в ванную...

Часы в прихожей пробили девять раз. Назаре открыла глаза и услышала, как хлопнула входная дверь.

«Теперь я дома совершенно одна. Все! Надо вставать! — приказала она себе. — Если сварить крепкий кофе и принять душ, то я сразу стану похожей на человека».

Она сползла с кресла, накинула на себя халат и привычно посмотрелась в зеркало.

«Ну, вроде ничего: мешков под глазами нет, лицо не помято, — она осталась вполне довольна собой. — Только голова как-то странно кружится. Надо сходить на кухню за аптечкой и выпить что-нибудь укрепляющее».

Назаре вышла в коридор и чуть не столкнулась с падчерицей, которая стояла на лестнице и что-то записывала в тетрадь.

«Клаудия до сих пор дома?» — удивилась она.

Давние события вдруг мигом вспыхнули в ее сознании и заставили тревожно забиться сердце.

«Тедеску! Тогда он стоял точно так же, повернувшись спиной и что-то записывал в блокнот. Я протянула руку...» — Назаре почувствовала, как кончики ее пальцев дотронулись до мягкой ткани... Одно небольшое усилие, один жест рукой и все проблемы исчезнут... Нет Клаудии, нет проблем...

Она посмотрела вниз и застыла от неожиданности. Перед лестницей лежало грузное тело Тедеску. Он медленно повернул голову в ее сторону, смотря на нее пустыми глазницами, и погрозил пальцем.

— Этого не может быть! — Назаре сделала шаг назад. — Луис Карлос пришел сюда забрать мою грешную душу! Отстань от меня! — Назаре не могла больше сдерживаться.

Клаудия вздрогнула от неожиданности и обернулась.

— Ты со мной разговариваешь? Если хочешь поссориться, то зря стараешься! Единственная грешная душа в этом доме — это ты! — резко сказала девушка.

— Неужели ты не видишь своего отца? — Назаре указала пальцем на тело Тедеску.

— Где?

— Там! Внизу. Под лестницей!

— Там ничего нет!

Постепенно к Назаре возвращалась способность соображать:

— Неужели мне приснилось? Стоит мне задремать, и я начинаю тосковать по нему. Знаешь почему так получается? Я люблю его! До сих пор люблю!

— В самом деле? — расстерялась Клаудия. Она впервые видела мачеху в таком состоянии.

— Можешь мне не верить, но Луис Карлос был моей единственной любовью. Мне так его не хватает! — Назаре повернулась к ней спиной и отправилась к себе в комнату. — Не будем больше ссориться, не будем...

— Ничего не поняла, — сказала Клаудия и еще раз внимательно посмотрела вниз.

«Что же ее могло так испугать? Неужели моя мачеха сходит с ума?»

Назаре с опаской зашла к себе в спальню и включила свет.

«Что это было? Неужели у меня видения? Это ничтожество не посмеет прийти сюда! — Назаре вытащила из шкапулки небольшое распятие и положила его рядом с собой. — Надо немедленно сходить в церковь. Разве не достаточно, что я терпела Тедеску при жизни, почему он должен мучить меня сейчас? Его грешная душа больше не посмеет сюда явиться! — Назаре встала на колени и заглянула под кровать. — Чего я боюсь? Какого-то праха! Нет! Так больше нельзя, — приказала она себе. — Сегодня же схожу куда-нибудь развеяться».

Назаре долго копалась в шкафу и, наконец, остановилась на черном трикотажном костюме в желтую полоску.

«Пожалуй, это то, что мне надо. Стоит мне надеть его, как обязательно случится очередное любовное приключение».

Она примерила наряд и осталась собой очень довольна. Мягкая ткань изящно подчеркивала все достоинства ее фигуры.

— Куда же пойти такой красавице? — спросила она свое отражение. — Пожалуй, в кино! Давно я там не была.

Назаре надела замшевые черные туфли на высоком каблуке и спустилась с лестницы, стараясь не стучать каблуками.

Кинотеатр находился буквально в квартале от ее дома, и поэтому она решила не спеша дойти до него мешком.

Теплый свежий воздух привел ее в благостное расположение духа и значительно поднял настроение. Стоило Назаре отойти подальше от знакомого квартала, как походка ее стала более легкомысленной, а взгляд томным и многообещающим.

Она чувствовала спиной заинтересованные взгляды мужчин и упивалась этим.

Подойдя к афише кинотеатра, Назаре огляделась по сторонам, обратив внимание на молодого человека лет тридцати пяти, и сосредоточенно уткнулась в текст, водя по глянцевой бумаге наманикюренным пальцем.

— Как думаешь это кино стоит посмотреть? — Мужчина смотрел на нее жадными глазами.

Наzare передернула плечами и неопределенно улыбнулась.

— Ты не против, если я пойду куплю два билета?

— Хорошо! Буду ждать тебя здесь. — Назаре вытащила помаду и подкрасила губы, обратив внимание на то, с какой ненавистью на нее смотрят две дамы легкого поведения, расположившиеся на соседней лавке. Она демонстративно повернулась к ним спиной.

— Боже мой! Кого я вижу? — сказала одна из них. — Я, кажется, знаю эту стерву. Мы вместе работали у мадам Берте.

— Ты что, Дженанни, это же настоящая сеньора. Она совсем не похожа на проститутку.

— Говорю тебе, Люсинда, это Назаре! На ней пробы ставить негде! И, по моему, она вовсе не бедствует! Пойду провожу ее до зала.

Дженанни торопливой походкой направилась за парочкой, но замешкалась при входе в кинотеатр и потеряла Назаре из виду.

«Куда же они направились? Здесь шесть залов». — Она растерянно заметалась по холлу.

— Полегче, мой генерал, по легче! — хрипловатый женский голос доносился из туалета.

«Наzare! — обрадовалась Дженанни. — Точно она! Эта курочка своего не упустит! Все такая же, невиданное дело!» — Она деликатно отошла в сторону и спряталась за колонной.

Через двадцать минут довольная парочка протиснулась в темный зал и уселась на задний ряд. Дженанни тут же пристроилась по соседству.

— Ну, как? — Сверкнула зубами в темноте Назаре.

— Я давно так не развлекался. Спасибо! Мы можем встретиться еще?

— Приходи в кино почаще, — засмеялась Назаре.

— Тогда до встречи! — Молодой человек нежно поцеловал ее в шею.

— Ты даже не оставишь девушке деньги на такси? — спросила Тедеску невинным голосом.

А сколько оно стоит? — Такой оборот любовной интрижки явно озадачил молодого человека.

— Сто.

— Дороговато!

— Я живу далеко.

— В любом случае я не зря потратил деньги. — Он поцеловал ее в губы и встал.

— Как приятно иметь дело с воспитанным молодым человеком, — улыбнулась ему на прощание Назаре.

Она дала ему время уйти и внимательно посмотрела на купюру.

«Удачный улов! Кто бы мог подумать?»

— Что молодость вспомнила? — услышала она насмешливый голос сзади и обернулась. На нее озорно смотрела веселая толстушка в легкомысленно открытом платье. Сердце Назаре бешено забилося.

«Этого еще не хватало! — подумала она. — Моя бывшая подружка собственной персоной!»

— Вы меня с кем-то перепутали, — холодно сказала Тедеску и поднялась. Она стремительно вышла из зала и направилась к туалету.

«Ну, почему мне так не везет? Теперь этот ужас из прошлого!» — подумала Назаре и резко открыла кран. Она тщательно прополоскала рот и умылась.

— Неужели ты не помнишь меня? Я — Дженанни с улицы Алисы! Мы работали с тобой вместе в доме мадам Берте! Ты была такой резвой молодой курочкой! — раздался из-за спины все тот же женский голос.

— Зачем вы меня преследуете? Я позову полицию! — перешла в наступление Назаре.

— Прости, дружок, я не хотела напугать тебя. — Дженанни захлопала длинными ресницами. — Вижу, что судьба балует тебя, ты прекрасно выглядишь и у тебя все хорошо!

— Что за наглость, приставать в туалете к незнакомой женщине! — продолжала сопротивляться Назаре. — Предупреждаю! Я не принимаю ухаживание женщин! Уйдите от меня! Иначе я позову администратора!

— Ты хочешь убедить меня, что никогда не работала в доме мадам Берте! Тогда, чем же ты занималась здесь в туалете двадцать минут назад? И за что ты взяла с него деньги?

— Тот мужчина, за которым ты подглядывала, между прочим, мой муж! И я не имею никакого отношения к твоим подружкам! — прорычала Назаре, оттолкнула Дженанни и стремительно направилась к выходу

«Теперь ты от меня не уйдешь!» — подумала Дженанни и направилась следом за ней.

Назаре остановила такси и торопливо залезла в машину.

— Квартал Пейшоту! — приказала она. — Гони быстрее!

Бонсучесу тоскливо смотрел на блестящую дощечку, висящую на двери кабинета депутата Джеферсона.

«Мать Божья! — подумал он. — Сегодня уже пятый день, а я все никак не могу ни встретиться, ни поговорить с ним. В лучшем случае депутат приходит к обеду, а потом закрывается там, отказывая всем в приеме, чтобы в четыре часа уехать домой...»

— Барон Педру, могу я предложить вам чаю или кофе?

— Благодарю вас, дона Марлен, что-то не хочется.

— Может, все-таки вы перенесете разговор с депутатом на завтра?

— У меня такое ощущение, что вы говорите мне это уже не первый раз, — пошутил барон и грустно улыбнулся. — На этот раз я буду более настойчивым и обязательно добьюсь, чтобы он подписал вот это.

— Неужели вы решили уволиться? — Дона Марлен не сводила глаз с четверо сложенного листка, который появился в руках барона.

— Что делать! Здесь я чувствую себя бесполезной вошью. Будет лучше, если то время, которое мне еще посчастливится прожить, я потрачу на свою любимую Лауру и более полезные вещи, нежели чтение прессы и консультации для разгадывающих кроссворды.

Дона Марлен густо покраснела.

— Знаете что? — сказала она, когда справилась с внезапным приступом застенчивости. — Сегодня я помогу вам, чего бы мне это не стоило.

Дона Марлен подошла к буфету, вытащила из него ящичек со столовыми приборами и как бы невзначай уронила его на пол.

Внезапный грохот прозвучавший, как выстрел, заставил подскочить на месте расслабленную публику, как обычно сидящую в просторной приемной депутата.

— Что стряслось? — Через секунду из кабинета высунулась заспанная и взлохмаченная голова Джеферсона. — Надеюсь, все живы?

— Извините, сеньор Томас, я такая неловкая. — Дона Марлен взглядом показала на рассыпавшиеся столовые приборы.

— Будьте в следующий раз, пожалуйста, поаккуратнее!

— Простите, депутат! — Бонсучесу воспользовался замешательством и подскочил к Джеферсону. — Я хотел бы подписать вот эту бумагу.

— Что это? — удивился депутат.

— Это заявление об уходе.

Слова барона прозвучали для всех сидящих в приемной, как очередной выстрел. Три милые дамы так и замерли с чашечками в руках, не допив свой кофе. Молодые люди, играющие в шахматы, заинтересованно и недоверчиво посмотрели на барона. А пожилой мужчина, который в течение всей недели приходил в приемную и занимался лишь тем, что без конца переключал программы с канала на канал, впервые сделал звук потише...

— Прошу вас, барон! Пройдите в кабинет, пожалуйста! — Джеферсон на ходу пытался понять всю серьезность намерений барона.

Бонсучесу вошел в просторное помещение с тремя огромными окнами без занавесок. Они были декорированы лишь специальными металлическими роллерами. На просторные и широкие подоконники так и просились горшки с цветами, но их тоже не было.

Барон тоскливо огляделся. Вся мебель: письменный стол, два кресла и массивный диван, — занимали один угол, освободив огромное пространство.

«Неужели депутат даже на собственной территории чувствует себя неудобно и старается забиться в угол?» — подумал барон.

Опытным взглядом он отметил про себя, что судя по блестящей, почти новенькой обивке кресел, посетители пользовались ими совсем нечасто. Зато диван был хорошенько потерт и имел небольшое углубление, особенно в одном месте, что красноречиво говорило о невинных привычках хозяина кабинета вздремнуть днем.

Унылый и безликий вид помещения украшала лишь небольшая копия картины Леже «Предметы в контрасте».

Джеферсон перехватил взгляд барона и, наконец, улыбнулся.

— Нравится? — спросил он.

Барон неопределенно пожал плечами и кивнул.

— Что ж, прошу в кресло напротив. Вам там будет удобнее, — предложил депутат.

— Благодарю вас. Извините за беспокойство, но у меня дело срочное.

Джеферсон одобряюще кивнул и приготовился слушать. Бонсучесу заметил, что на левой щеке депутата еще остались красные полоски от послеобеденного сна, и с трудом сдержал улыбку.

— Простите меня, но я вынужден признаться в том, что совершил ошибку, устроившись к вам на работу. За всю неделю я не сделал ничего полезного. Несчастливая донна Марлен любезно выполняла все мои капризы и пыталась занять меня хоть какой-то работой... Но нет смысла заниматься тем, что никому не нужно...

— Что вы, барон, — попытался возразить ему депутат Томас. — Тот факт, что на меня и мою организацию работает настоящий барон, имеет огромное значение. Это так престижно!

— Спасибо, депутат. Но я не могу больше работать на вас. Так что извините. — Барон встал, вежливо поклонился и вышел из кабинета.

— Вам нужно зайти в бухгалтерию за зарплатой! — крикнул Джеферсон, отчаянно пытаясь засунуть ногу в ботинок.

«Черт! Нехорошо получилось, — подумал он. — Теперь барон подумает, что я невоспитанный. Но не мог же я проводить его до двери, будучи в одних носках!»

Через минуту депутат выглянул в приемную и подошел к секретарше.

— Донна Марлен, сварите мне, пожалуйста, двойной кофе.

Бонсучесу вернулся домой в прекрасном настроении.

— Что ж, дорогая, у нас теперь куча денег. Сегодня я получил расчет! — сказал он жизнерадостно.

— Какой расчет? — всплеснула руками донна Лаура. — Тебя уволили?

— Ну, что ты, дорогая! Я сам себя уволил. И получил довольно приличную зарплату за эту, с позволения сказать, работу. — Он вытащил из кармана пачку денег и многозначительно помахал ей в воздухе. — Думаю, что теперь мы можем позволить себе путешествие по местам нашей молодости.

— Как замечательно, Педру! — обрадовалась баронесса.

— Собирай чемоданы, дорогая. Думаю, что, если сегодня мы выедем пораньше, то в двенадцать уже будем в нашем любимом маленьком отеле «Итайбиво».

— Бегу, дорогой! Мне нужно всего полчаса. — Лаура поспешила в свою комнату.

— Все идет прекрасно! — Барон с наслаждением сел в кресло и вытянул ноги.

Вот уже час Мария, пытаясь разобраться с текущей документацией, периодически ловила себя на мысли о Жозевалду.

Его внезапное появление не только выбило ее из колеи, но и поставило с ног на голову весь быт и личную жизнь всего семейства ду Карму.

«Пожалуй, есть только один плюс во всем этом, — подумала Мария, задумчиво рассматривая счет за лечение Жозевалду. — Леандру хоть немного отвлекся от своего личного горя и спокойно принял известие о том, что Налва на время уедет в Италию».

Звонок телефона заставил ее вздрогнуть. Мария почувствовала необъяснимое волнение.

— Алло!

— Сеньора ду Карму! Это Сиссера!

— Что стряслось, дорогая? Почему у тебя такой голос?

— Сеньор Жозевалду только что опять потерял сознание. По-моему, у него — приступ.

— Ткни его палкой, Сиссера! Да посильнее! — засмеялась Мария. — Ты что не поняла, что этот старый лис после того, как выписался из больницы, поставил себе цель измотать нам нервы?

— Сеньора Мария, мы с Клементиной попытались привести его в чувство, но он не шевелится и только пускает слюни...

— Слюни? О, Боже! За что мне все это? Неужели у него новый приступ?

— Похоже на то, — робко подтвердила Сиссера. — С самого утра он капризничал и не хотел есть кашу, но потом его навестил Режиналду и он немного повеселел, а через час после его ухода случилось все это.

— Хорошо! Срочно вызови скорую. Я буду через тридцать минут! — Мария с раздражением бросила трубку на рычаг.

«Если я не приеду, мои дети никогда не простят мне этого. Как ловко старый таракан затуманил голову моим сыновьям. Я растила их и воспитывала, обеспечила каждому более или менее сносную жизнь. И что теперь? Режиналду привел его в дом и принялся навязчиво опекать. Плинию всю неделю невозможно было оторвать от больничной койки отца, кормил и поил его с ложечки. Подумать только, раньше этот повеса не вылезал из ночных клубов и ресторанов, а сейчас... „Мой старик! Я его не брошу!“» — Ду Карму торопливо спустилась во двор и подошла к машине.

Плинию лежал на переднем сиденье автомобиля с закрытыми глазами и блаженно слушал музыку.

— Плинию! — Мария постучала по капоту машины. — Открой мне дверь! Нам надо срочно ехать домой.

— Что случилось, мама? — насторожился он. — Что-нибудь с отцом? — В глазах сына она увидела неподдельную тревогу.

— Поехали! Узнаешь по дороге!

Плинию поспешно открыл дверь и, как только ду Карму села в машину, тут же рванул с места.

Всю дорогу он молчал, напряженно глядя вперед. Припарковавшись во дворе дома, он стремительно выскочил из машины и помчался в комнату отца.

«Какой ужас! — подумала Мария. — Похоже, он любит этого негодяя по-настоящему...»

— Сеньора Мария! — Сиссера поджидала ее на улице и сразу бросилась ей навстречу. — Жозевалду наотрез отказался от госпитализации. Он накричал на меня, когда узнал, что я вызвала скорую помощь.

— Они уже приезжали?

— Да!

— И что же?

— Как только сеньор услышал сирену, он моментально пришел в себя и начал кричать на нас с Клементиной, обозвал нас дурами и идиотками, но когда узнал, что я звонила вам, присмирел.

— Да, ну? — развеселилась Мария. — Я же говорила тебе, что ему нельзя доверять!

— Он так мастерски притворился! Я думала, что еще минута — и все! Клементина очень перепугалась и пила сердечные капли.

— Где сейчас это ничтожество?

— У себя в комнате. Ему померили давление, осмотрели и рекомендовали укрепляющие витамины.

— Витамины?

— Да, да, сеньора Мария! Витамины!

— Я не хочу его видеть! Приготовь мне, пожалуйста, кофе. Я буду у себя в комнате: мне надо срочно связаться с Налду. Он хотел согласовать со мной день бракосочетания.

Свадьба Режиналду и Вивиан была назначена на субботу. На подготовку ушла целая неделя. Надо было купить платье и костюм, заказать у местных фермеров почти двести килограммов мяса, закупить огромное количество закусок и горячительных напитков.

Режиналду решил соединить семейный праздник с подготовкой к выборам.

С раннего утра Вивиан караулила Бьянку, чтобы серьезно поговорить о планах на будущее.

Как нарочно, часы уже пробили девять, а девочка все еще не выходила из своей комнаты.

— Пойду проверю детей, — не выдержал Режиналду. — Они специально что-то затеяли и, чувствует мое сердце, сейчас притворяются спящими.

— погоди, дорогой! Ты все испортишь, остановила его Вивиан. — До свадьбы мне обязательно надо поговорить с Бьянкой. Ты же сам знаешь, какое влияние она оказывает на Бруну.

— И что ты предлагаешь? Сидеть и смотреть на дверь их комнаты до самого вечера?

— Не волнуйся, лучше иди к себе. Рано или поздно им понадобится выйти в туалет.

— Как я счастлив, что моя будущая супруга такая умная и красивая женщина, — улыбнулся Режиналду и притянул ее к себе. — Тебе так идет это белое платье!

— Ну, все иди, иди! — Вивиан с трудом вырвалась из его объятий. — Ты можешь все испортить.

— Ладно! Оставайся в засаде, но если это не сработает, я приму радикальные меры. — Режиналду намеренно громко хлопнул дверью.

«Даю сто к одному, что минут через десять кто-нибудь из них обязательно пойдет в туалет или сделает попытку проскочить на кухню, — подумала Вивиан. — Я устрою этим деткам райскую жизнь, если они не прекратят забастовку!»

Вскоре дверь детской немного приоткрылась, и сквозь щель портьеры Вивиан могла разглядеть два любопытных глаза.

Бьянка смотрела в сторону лестницы, по которой несколько минут назад ее отец спустился к себе в комнату.

— Ну, как? — услышала Вивиан голос Вруну.

— Все чисто! — прокомментировала Бьянка. — Действуем, как договаривались. Ты бежишь на кухню, я в туалет!

Девочка пропустила вперед брата и на цыпочках направилась в ванную комнату.

— Как мило! — Вивиан выскочила из-за занавесок, как черт из табакерки. — Неужели ты торопишься поздравить своего папочку с днем свадьбы?

Бьянка растерянно застыла на месте.

— Извини, дорогая, мне пришлось схитрить, чтобы поговорить с тобой до свадьбы, — Вивиан старалась говорить, как можно любезнее. — Ты прекрасно знаешь, что я выхожу замуж за твоего отца и мы будем жить под одной крышей.

— Мы и так живем... — неуверенно сказала Бьянка. Девочка переступала с ноги на ногу, не решаясь сказать, что ей срочно надо в туалет.

— Поэтому, — Вивиан окончательно перегородила ей дорогу, — мы с тобой должны заключить соглашение, чтобы наша жизнь не превратилась в ад.

— И что ты предлагаешь? — Бьянка держалась из последних сил.

— Я не отравляю твое существование, а ты не портишь кровь мне. Ну, как?

— Не знаю.

— Я прекрасно понимаю вас с Бруно, и рассчитываю на то, что вы взрослые и, честно говоря, мне хотелось бы, чтобы ты согласилась, Бьянка. Иначе мы объявим друг другу войну, а это не принесет добра никому. И прежде всего твоему отцу. — Вивиан обняла девочку. — Если ты не появишься на нашей свадьбе, меня это не тронет, а Режиналду очень обидится. Он начинает новую жизнь, он счастлив, а его дочери не будет рядом с ним... Свадебная церемония — это только начало, а будет еще много других. Твой отец развернул серьезную кампанию и рано или поздно он обязательно победит! — Вивиан попыталась взять Бьянку за руку, но девочка вырвалась и прижалась к двери комнаты. — Я всегда буду рядом с ним, а ты? Ты не хочешь быть рядом? Ты будешь отсиживаться в комнате у бабушки? Теперь решай, Бьянка, где ты хочешь находиться?

— Я приду на свадьбу, — почти прошептала Бьянка, с трудом сдерживая слезы, и бросилась прочь.

«Подумать только, как все просто! — Вивиан проводила девочку взглядом. — Этот жирный поросенок гораздо глупее, чем я предполагала. Стоило громко и с пафосом произнести несколько умных фраз, как она тут же подняла копытца. Даже не интересно. Ну, разве это противник?»

Вивиан неторопливо подошла к зеркалу, любуясь собственным силуэтом, поправила складки платья и отправилась в комнату к Режиналду.

Глава 37

Когда барон Бонсучесу выехал на трассу, ведущую к отелю «Итайбиво», он немного расслабился и даже снял очки.

— Дорогой, уже достаточно темно, может, не надо снимать очки, — забеспокоилась дона Лаура.

— Не волнуйся, пожалуйста, мы почти приехали. Еще два поворота направо, и мы на месте!

— Педру! Какой замечательный день будет у нас завтра! — Баронесса нежно погладила его по щеке. — Мы обязательно сходим в крабовый ресторанчик и покатаемся на яхте.

— Обязательно! — согласился барон. — Только... — Нос Бонсучесу уморительно сморщился, собравшись в смешную гармошку, и он громко чихнул.

— Прости, дорогая! Сделай одолжение, в бардачке должны быть салфетки.

— Сейчас посмотрю. — Дона Лаура зажгла подсветку и стала исследовать содержание бардачка. — Где же ты успел простудиться?

— Не беспокойся, пожалуйста, скорее всего это обыкновенная пыль. — Барон опять смешно сморщился и громко чихнул.

— Педру, к сожалению, коробка пуста. Может, остановимся и откроем чемодан?

— Я хуже маленького ребенка: надел на себя куртку и даже не подумал положить в дорогу носовой платок, — расстроился Бонсучесу. — Когда такое было? Наверное, я старею. — А вот и заправочная станция! Думаю, что здесь мы быстро решим эту маленькую проблему.

Бонсучесу припарковался у небольшого ночного магазинчика и вошел внутрь, не заметив, как пара любопытных глаз проводила его до самых дверей.

Трое мужчин стояли в небольшом отдалении от заправочной станции, внимательно наблюдая за освещенным пяточком.

— Видел?

— Ну! Любопытный перец. Сразу видно из богатых.

— Слушай, Мигель! Он не один. Внутри, в машине, кто-то есть, — сказал шуплый и вертлявый мужчина неопределенного возраста в грязной майке, заправленной в брюки цвета хаки.

— И что? — усмехнулся темнокожий бразилец в синем комбинезоне и с черной банданой на голове. — Скорее всего там такой же божий одуванчик!

— Возьми тряпку, Пиявка, и сделай вид, что хочешь помыть машину, — приказал тучный пожилой мужчина с толстой золотой цепочкой на шее.

Он стоял у большого старого форда с помятой передней дверцей и курил сигару.

— Да, босс! Я быстро! — Пиявка стремительно подлетел к машине Бонсучесу, энергично махая тряпкой.

Ему хватило минуты, чтобы протереть лобовое стекло машины, получить два реала от баронессы и вернуться к своим друзьям.

— Лакомый кусочек! — радостно оскалил желтые зубы Пиявка. — Судя по машине, у них денег — куры не клюют! Да и проблем у нас не будет: там действительно «божий одуванчик»!

— Тогда действуем так! — оживился толстяк с сигаретой в зубах. — Ты, Мигель, садись за руль, подрежешь машину на повороте. Ты, Пиявка, — он ткнул его толстым коротким пальцем в шуплую грудь, — поедешь со мной!

— Спасибо, босс! Это такая честь для меня! Мы вытрясем из этой парочки все, что можно, и спокойно смоемся с уловом!

— Не веселись раньше времени. Хотя здесь полиция бывает нечасто, кто знает, как все сложится? Давай лучше подстрахуем Мигеля и опередим эту древнюю парочку. Заводи мотор и садись за руль. Мимо нас они не смогут проехать.

Барон Бонсучесу внимательно исследовал содержание двух полок.

Выбор товара был невелик. В основном покупателям предлагались многочисленные вариации презервативов с откровенно раздетыми девочками, противозачаточные таблетки и жвачка.

Педру остановился на яркой упаковке с салфетками и миниатюрной коробочке с марципанами.

— «Порадую Лауру, — обрадовался он. — Именно такие конфеты мы покупали пять лет назад, когда последний раз приезжали сюда».

Барон оплатил покупку у хмурого молодого человека и поспешил в машину.

— Я не очень долго? — спросил он, устраиваясь за рулем машины. — Это тебе, дорогая, — он протянул баронессе коробку с марципанами.

— Какая прелесть! По-моему, это такие же конфеты, что мы покупали несколько лет назад!

— Ну, что? Ты готова повторить наши подвиги? Конечно! Какое счастье, что мы отправились в путешествие! — Баронесса с обожанием смотрела на мужа.

— Тогда пристегнись, и поехали!

Машина Бонсучесу выехала на трассу и, быстро набирая скорость, помчалась по направлению к отелю «Итайбиво».

Уже подъезжая к первому повороту, барон обратил внимание на грязный автомобиль, который двигался сзади. Он немного притормозил, вежливо пропуская его вперед.

— Что-то не так? — баронесса оглянулась назад.

— Какой-то чудак наступает нам на пятки. Я хотел пропустить его вперед, но он тут же сбросил скорость.

— Давай остановимся и посмотрим, что будет, — предложила баронесса.

Неожиданно перед ними из-за кустов вынырнул громоздкий фورد и перегородил им дорогу.

— О, Боже! Педру! Что происходит? — Лаура побледнела.

Барон нажал на тормоза, пытаясь удержать руль, и резко остановился.

Двое мужчин тут же выскочили из форта и направились в сторону его машины, угрожающе размахивая пистолетами.

— Вылезайте! Вылезайте немедленно! — скомандовал тучный лысоватый мужчина.

«Не хватало попасть в лапы к бандитам!» — подумал барон и взял баронессу за руку.

— Спокойно, дорогая! Что бы я не сказал, веди себя сдержанно и делай так, как попросят эти люди.

— Мне страшно, Педру!

— Не бойся, Лаура! Я прекрасно знаю, что делать! — Барон нежно

похлопал ее по руке. — Ты только ничему не удивляйся и приготовься к тому, что мне придется выйти.

— Буэнос ночес, сеньоры! — громко поздоровался барон и вышел из салона машины.

— Откуда ты знаешь, что мы испанцы? — удивился бандит и застыл на месте.

— Помолчи, Пиявка! С ним буду разговаривать я, — рявкнул толстяк.

— Что ж, давайте знакомиться! — Педру старался говорить уверенно и спокойно. — Барон Педру Коррейя де Андраде и Коуту, прямой наследник барона Бонсучесу. Как я понял, это похищение?

Пиявка наморщил лоб и озадаченно посмотрел на напарника.

— У меня к вам просьба, сеньоры. Отпустите, пожалуйста, даму, которая сидит в моей машине: она просто не даст нам спокойно поговорить и поднимет много шума.

— Истеричка что ли? — поинтересовался Пиявка.

— О! Мягко сказано! — туманно объяснил барон. — Предлагаю оставить здесь нервную даму, сесть в вашу машину и кое-что обсудить по поводу моего выкупа. Думаю, что вас обрадует тот факт, что до банка, на счету которого лежит кругленькая сумма, тут рукой подать. Он находится буквально в пяти километрах отсюда.

— Ну, что ж, похоже, что он говорит дело, — толстяк с любопытством посмотрел на барона. — Пиявка, выводи дамочку.

— Простите! Разве мой вариант вас не устраивает?

— Отчего же? Устраивает! — улыбнулся главный. — Только в банк мы поедем на вашей машине, барон.

— Сеньоры, мой автомобиль совсем старый и запросто может сломаться по дороге, — Педру от волнения стал размахивать руками. — Может, оставим его здесь? Пусть у старой дамы будет хотя бы крыша над головой.

— Нет, дружок, если ты нас обманешь, мы поступим с тобой по справедливости, — хмыкнул толстяк. — А нервной даме лучше прогуляться на свежем воздухе!

Сердце барона готово было вырваться из груди, но он старался не показывать виду, чтобы не навредить Лауре.

— Как скажете! — улыбнулся Педру и открыл дверцу машины.

— Лаура, дорогая, мне надо проехаться с этими сеньорами, а ты прогуляйся, пожалуйста...

— Как, Педру? Куда они повезут тебя? — Барон заметил, что лицо жены было мокрым от слез.

— Умоляю! Выходи из машины и постарайся уйти отсюда как можно дальше. Обо мне не беспокойся: я знаю, что делаю, — он коснулся губами ее щеки и подал руку. — И помяни мое слово, вечером мы еще будем пить шампанское.

Баронесса Лаура с трудом вышла из машины. Ноги ее не слушались, голова кружилась от страха.

— Педру! Что теперь с нами будет? — шептала она, боясь посмотреть в

сторону бандитов.

— До встречи, Лаура! Сделай так, как я говорю.

Баронесса растерянно проводила взглядом машину супруга, которая резко сорвалась с места и выехала на дорогу, и неуверенно побрела в сторону шоссе.

Она медленно шла вдоль трассы, уже не сдерживая слез. Машины равнодушно проезжали мимо на огромной скорости.

«Что я делаю? Так нельзя! Надо взять себя в руки и помочь Педру, — пыталась справиться со своими эмоциями баронесса. — Он там один на один с бандитами, а я... Что я? Если улиткой ползти до ближайшего населенного пункта, то пройдет слишком много времени. Вернуться на заправочную станцию рискованно: похоже, они там все заодно». — Баронесса повернулась к проезжей части лицом и высоко подняла руку.

— Смотри, Джованни! Этого не может быть! — воскликнула Флавиана.

— Что еще стряслось? — недовольно буркнул Импротта.

— Мы только что проехали мимо баронессы Лауры.

— Дорогая теща, очевидно, сегодня после странных манипуляций в парикмахерской вам поджарили не то место. Как могла оказаться эта благородная сеньора ночью на улице да еще одна?

— Говорю тебе, Джованни, давай вернемся! Если я ошиблась, даю тебе обет, что всю неделю не скажу ни слова!

— Вот это по мне! Это мне нравится! — захохотал Импротта во весь голос.

— Посмотрю, как вы завтра будете смотреться на свадьбе Режиналду и Вивиан.

Джованни пропустил машину, идущую за ним, и резко вывернул руль.

— Сейчас мы будем на месте!

Лаура совсем отчаялась: ни одна машина, которая проезжала мимо и не думала останавливаться. Вдруг ей показалось, что красное спортивное авто, только что проехавшее мимо, повернуло назад и резко сбросило скорость.

«Неужели Бог услышал мои молитвы и послал нам с Педру помощь?» — подумала она, старательно вглядываясь в силуэт машины.

— Баронесса Лаура! Это вы? — Из машины высунулось миловидное лицо незнакомой женщины.

— Да-да! Конечно! — Лаура растерянно смотрела на незнакомку, пытаясь вспомнить, где они могли раньше встречаться.

— Ну, что я говорила? — торжественно констатировала Флавиана, повернувшись к зятю лицом. — Это — кумир моей молодости, элита высшего общества Рио-де-Жанейро! Будучи женой миллионера, она блистала в свете двадцать лет назад. Все газеты и журналы постоянно писали о ней!

— Что же твой кумир делает один на дороге? — нахмурился Джованни.

— Думаю, что-то случилось! — Флавиана вышла из машины и направилась в сторону Лауры. — Баронесса! Что вы делаете на дороге в такое время?

Лицо Лауры на мгновение просветлело.

— Умоляю, помогите мне! Мне срочно надо в полицию! Какие-то негодяи похитили моего мужа и увезли в неизвестном направлении.

— Не беспокойтесь, баронесса! Максимум через полчаса ваш супруг будет рядом с вами, а пока прошу в машину; выпейте коньяка и согрейтесь. —

Баронесса вопросительно посмотрела на Флавиану.

— Разрешите представить вам моего зятя Джованни Импротта, — довольно прощепетала женщина.

— Это действительно феноменальная встреча. Баронесса совершенно одна в темноте... — Джованни был в восторге от происходящего.

— Простите! Какая встреча? — удивилась Лаура.

— Феноменальная! — Импротта радостно потянулся к баронессе и поцеловал ей руку. — Всю жизнь мечтал познакомиться с кумиром моей тещи. Очень, очень приятно!

— Я рада, что встретила таких отзывчивых и милых людей, как вы. — Баронесса улыбнулась сквозь слезы.

— Все, девочки! В машину! Сейчас я покажу, как надо решать такие проблемы! Включайте музыку. Расслабьтесь! Все будет отлично! — Джованни галантно открыл дверцу автомобиля, дождался, когда дамы усядутся и, отойдя в сторону, достал сотовый телефон.

— Простите, сеньора Флавиана, а кем работает ваш зять? — поинтересовалась Лаура, как только они сели в машину. — Похоже, у него какие-то серьезные связи.

— Видите ли, баронесса, в прошлом он был профессиональным игроком, а теперь — это преуспевающий бизнесмен.

— Тогда понятно, почему у него такой... — Лаура запнулась, подбирая нейтральное слово, — своеобразный галстук.

— Да, со вкусом у него проблема, зато со всем остальным — полный порядок, так что не волнуйтесь за барона. Мой зять — человек слова, и раз сказал, то сделает все, как надо. — Флавиана открыла небольшой бар и достала две крохотные рюмочки и бутылку французского коньяка. — Баронесса Лаура! XI предлагаю тост за то, чтобы ваш супруг, живой и здоровый, через полчаса оказался рядом с вами!

— За это грех не выпить! — улыбнулась баронесса.

— Дирсеу! Какое счастье, что ты успел вовремя! — Мария прижалась к нему и застыла от радости, жадно вдыхая родной запах.

От него пахло кофе, а так же его любимым одеколоном с ароматом пачулей и древесной смолы.

«Господи, какое счастье, что он у меня есть», — подумала ду Карму и уткнулась носом в его грудь.

— Зачем ты меня нюхаешь? Я уже весь в мурашках! — засмеялся Дирсеу и радостно подхватил Марию на руки.

— Я просто очень соскучилась.

— Я тоже. — На минуту они замерли на середине комнаты, не в силах оторваться друг от друга.

— Поставь меня, пожалуйста, в доме полно людей. — Наконец, опомнилась Мария, и нехотя соскользнула на пол.

— Что-то случилось? Неужели, Режиналду решил отложить свадьбу?

— Ну, что ты, — засмеялась ду Карму. — Учитывая характер Вивиан, она женит моего сына на себе, даже если на город обрушится цунами или лава

вулкана.

— Тогда дело в твоём бывшем муже? — нахмурился Дирсеу. — Я слышал, что после недели активной терапии в больнице его привезли сюда.

— К сожалению! — помрачнела Мария. — Дети буквально объявили мне ультиматум. А сегодня Плинию поставил меня перед фактом, что его папочка поедет вместе с нами на свадьбу Налду. Этот старый лис прекрасно знает, когда надо распуścić слюни и изобразить очередной приступ, а когда сделать вид, что ему дорога семья. Сегодня как раз один из таких случаев.

— Дорогая, хочешь, я вмешаюсь и поставлю его на место?

— Нет-нет, Дирсеу! Ты сделаешь только хуже. Жозевалду будет на седьмом небе от счастья, если сумеет поссорить тебя с мальчиками. О! Слышишь шум?

— Что это за грохот?

— Сейчас увидишь. — Мария кивнула головой в сторону лестницы. — А вот и он, легок на помине!

Дирсеу увидел, как Плинию и Вириату бережно подвели отца к самому краю лестницы. Леанарду на всякий случай шел сзади, готовый по мере необходимости помочь ему.

Жозевалду, до этого изображавший болезненную немощь, увидел Дирсеу, гневно сверкнул глазами и распрямылся.

— Спасибо! Дальше я сам! — сказал он и гордо посмотрел в сторону журналиста. — Я не хочу доставлять вам хлопоты! Мне будет неприятно, если люди подумают, что я болен. Мне хочется выглядеть на церемонии красивым и молодым. Жозевалду тут же высвободился из рук сыновей и сделал самостоятельный шаг вперед. Крепко держась за перила, он достаточно быстро преодолел первый пролет лестницы и торжествующе посмотрел на бывшую супругу.

— Засранец! — в сердцах воскликнула Мария и отвернулась. — Пошли Дирсеу! Не могу смотреть на то, как он юродствует.

— Моя машина в твоём распоряжении!

Режиналду выглянул в окно и его сердце забилося от радости. Вся площадь перед домом до отказа была заполнена народом.

— Ура жениху! Да здравствует Режиналду! Да здравствует наш депутат! — раздался звонкий голос его помощника и толпа с удовольствием отозвалась на призыв раскатистым «Ура!»

«Боже мой! До чего же это сладкая вещь, слава! Надо выйти к ним и что-нибудь сказать. Для будущих выборов пара-тройка голосов может стать решающим фактором», — подумал Режиналду и энергично спустился вниз.

Радостно возбужденные люди тут же окружили его, взяв в плотное кольцо.

— Спасибо, мои дорогие друзья! Я очень рад, что все вы рядом со мной в этот важный и праздничный день! Без вас я никто! От всего сердца благодарю вас!

Он собирался сказать еще несколько слов про выборы, но кто-то не вовремя крикнул: «Мария ду Карму приехала! Она здесь!»

Люди расступились, освобождая проход, и Режиналду увидел, как Дирсеу помогает выйти из машины его матери.

Выглядела она сегодня особенно ослепительно. На Марии было элегантное платье розового цвета, украшенное двумя нитками жемчуга, и белые лакированные туфли на шпильках.

Ду Карму остановилась у машины и приветливо помахала всем рукой.

— Смотри, как тебя любят! — засмеялся Дирсеу. — Скажи им чего-нибудь.

— Ну, что сказать вам, мои дорогие? Зачем проявлять ко мне столько внимания? Я никуда не баллотируюсь и сегодня не моя свадьба, — засмеялась Мария.

— Не твоя, потому что ты не хочешь, но я готов жениться на тебе, хоть сейчас.

— О чем ты, Дирсеу? Я очень люблю тебя, и в моем сердце мы уже давно с тобой муж и жена, а это стоит большего, чем бумажка с печатью.

— Правильно, ду Карму! — одобрительно крикнул срывающийся юношеский голос, заставив всех засмеяться.

Режиналду моментально почувствовал резкую смену в настроении стоящих на площади людей и принял моментальное решение использовать- ситуацию.

Он махнул рукой стоящему невдалеке фотографу и стремительно направился в сторону матери.

— Моя любимая мама! — сказал Режиналду как можно громче и подошел к ду Карму.

— Сынок, как ты дорогой?

— Хорошо! Обними меня. Давай сфотографируемся вместе.

Мария прижалась к Режиналду и на несколько секунд замерла перед камерой.

— Отлично! Спасибо! — Бородатый мужчина в красной бейсболке торопливо защелкал фотоаппаратом.

— Мам, скажи пару слов о моих выборах, поддержи меня в такой день! — настойчиво попросил Режиналду, и не удержавшись, с опаской посмотрел на Дирсеу, который не спешил подойти к нему, ограничившись лишь легким кивком головы.

— Нет, сынок! Ты же знаешь, как я отношусь ко всему этому. Пойдем в церковь, оставим демагогию для другого случая. И знаешь почему? — Мария не смогла сдержать смех. — Падре устанет ждать а, если он уйдет, Вивиан нас обязательно придушит.

— Теперь поцелуй, снимок с поцелуем! — настойчиво попросил фотограф.

— С удовольствием! — согласился Налду и прижался губами к щеке Марии.

— Довольно пиара! Свадьба начинается! — Ду Карму шутливо оттолкнула сына, взяла Дирсеу под руку и решительно направилась в церковь.

Глава 38

— Вы не представляете как я рада, что вы согласились заглянуть к нам в гости после всего, что произошло, — восторженно щебетала Флавиана, с нескрываемым обожанием глядя на чету Бонсучесу. — Кто бы мог подумать, что

здесь, на моем любимом кожаном диване, будет сидеть сама сеньора Лаура со своим супругом!

— Для нас тоже большая честь посетить вас! — тут же откликнулся барон. Несмотря на то, что он выглядел усталым, в его глазах светились задорные огоньки. — Вы так помогли нам с Лаурой сегодня вечером. Ваш зять просто фантастический человек. Час назад я был прямым очевидцем событий, которые поразили меня до глубины души. Эти негодяи готовы были разорвать меня в клочья, когда поняли, что я увел их от Лауры и теперь им нечем поживиться: мой кошелек был пуст.

— Мой милый Педру! — Лаура обняла супруга и прижалась к нему. — Ты всегда был благороден, как лев и смел, как тигр.

Барон ласково похлопал ее по руке и продолжил.

— Я уже мысленно прощался с жизнью, когда неожиданно зазвонил телефон. Ситуация изменилась мгновенно: самый главный из бандитов тут же отозвал в сторону своих подельников, что-то обсудил, и после разговора они сразу же отпустили меня...

— Что не сделаешь ради хорошего человека! — Барон не заметил, как в комнате появился его спаситель под руку с очаровательной молодой девушкой.

Импротта, услышав последнюю реплику Педру, довольно улыбнулся.

— А вот и Джованни! Наш герой! — радостно воскликнула Флавиана и громко захлопала в ладоши.

— С каких это пор моя теща так радуется моему появлению? — ехидно спросил он, подмигнув присутствующим.

Барон Педру привстал, приветствуя симпатичную молодую особу, которую держал под руку Импротта.

— У вас прелестная внучка, сеньор Джованни! — восхитился он.

— Это не совсем внучка, — поправила его Флавиана. — Даниэлла ему вроде дочери, но не родная... — Она смущенно потерла кончик носа и многозначительно посмотрела на зятя.

— Я понял, это приемная дочь, — простодушно улыбнулся барон.

— Ну, как сказать, — растерялся Джованни, озадаченно смотря на юную любовницу. — Лучше я потом объясню. Э-э-э... Барон Педру! — обратился он к гостю: — Я очень рад, что вечер, который мог стать роковым для вас, так хорошо закончился и мы познакомились с вами.

— Как говорят в народе: «Нет худа без добра и добра без худа!»

— Это точно! — Джованни был рад, что Бонсучесу позволил ему уйти от щекотливой темы.

— Кстати, где вы покупали такой замечательный галстук? — спросил Импротта.

— В Италии, милый друг, в стране Данте и Петрарки.

Барон увидел, как над бровями Джованни появились две озабоченные складки. Джованни Импротта был человеком, прямо скажем, не голубых кровей. И во всем, что касается одежды, его вкус был далек от идеального. Почему-то ему казалось, что чем ярче он одет, тем элегантнее выглядит. Но галстук барона поразили его воображение совсем не цветом, а какой-то необыкновенной фактурой

материала; которая позволяла галстуку переливаться несколькими оттенками, словно хамелеон.

Италия всегда занимала ведущее место по дизайну и качеству, — барон Педру легко ослабил узел, снял с себя свой необыкновенный галстук и протянул его Джованни. — Позвольте сделать вам небольшой презент в знак особой благодарности за наше чудесное спасение.

— С ума сойти! — Глаза Импротты заблестели от счастья. — Мне так неудобно: я почти выпросил у вас подарок. Но я не в силах отказаться от такого роскошного презента! Тем более, что мы с ним земляки! Ведь я тоже итальянец. — Он громко захохотал и многозначительно стукнул себя в грудь.

— Вот и славно! — Барон легко завязал галстук на шее Джованни и поправил узел. — По-моему, вы созданы друг для друга.

— Папочка! Какой ты красивый! — восхитилась Даниэлла. — Ну, почему ты покупаешь всегда пестрые и яркие галстуки. Этот тебе намного лучше!

— Яркие — это мягко сказано, — засмеялась Флавиана. Мой зять испытывает настоящие трудности, когда ему нужно что-то купить или надеть на себя.

— Правильно! У меня же нет этого, как его?.. Личного стилиста! Человека с тонким вкусом, который мог бы подсказать мне, как надо одеваться! Кстати, я бы хорошо за это заплатил любому, кто отважился бы мне помочь. — Джованни простодушно вытащил из кармана толстую пачку денег и потряс ей в воздухе.

— Да-а, подобные проблемы есть у многих достойных людей, — деликатно пояснил барон и озадаченно посмотрел на Лауру, которая сама была немного смущена непосредственностью нового знакомого.

— Барон, у меня к вам конкретное предложение. — Импротта доверительно нагнулся к Педру. — Вы не согласитесь работать на меня?

Барон растерянно улыбнулся и неопределенно пожал плечами.

— Хорошо-хорошо! Не буду торопить вас! Такие вопросы нельзя решать с лету. Пока вы взвешиваете все «за» и «против», можно получить от вас, хотя бы маленькую консультацию?

— Конечно, спрашивайте!

— Пожалуйста, скажите, сейчас не рано пить шампанское?

— Сеньор Джованни, вы так искренни и непосредственны, что я не в силах отказать вам и пожалуй, приму ваше неожиданное предложение. — Барон увидел, как лицо его нового знакомого засияло от счастья. — Итак, это будет первый урок, который я дам вам в качестве личного стилиста. Шампанское — благородный напиток, мой дорогой! Нет греха в том, что иногда мы с чувством меры начинаем с него день.

— А этот напиток соответствует уровню события? — спросила Флавиана.

— Пожалуйста, дайте взглянуть! — Педру достал очки и нацепил их на кончик носа, старательно рассматривая этикетку. — Качество превосходное, удачный год урожая, значит все в порядке. Выпьем.

— Давайте наполним бокалы, — предложил Импротта. — У меня есть тост: «За удачу! Всегда и во всем!»

— Правильно, папочка, ты такой классный! — Даниэлла с удовольствием

отправила в рот устрицу и громко чокнулась с Джованни.

— Могу я попросить вас заглянуть в мой гардероб? — робко спросил барона хозяин дома, когда гости перешли к милой беседе о событиях минувших лет. — У меня куча дорогой одежды, но что бы я не одевал, все выглядит безвкусно.

— Конечно, дорогой друг! — легко согласился Педру. — Сейчас мы подберем вам приличный костюм и галстук.

— Дамы, мы с бароном на время должны вас покинуть, — торжественно объявил Джованни. — Не скушайте, пейте шампанское, развлекайтесь!

Через полчаса в комнату вошел ослепительно элегантный и немного смущенный Джованни.

— Дамы и господа! Сеньор Джованни! — предвосхитил барон его появление.

— Кто бы мог подумать! Нежно-голубой пиджак с белой сорочкой, платиновым галстуком и серые брюки! — воскликнула Даниэлла. — Вроде ничего особенного, но так элегантно!

— Ну, как?

— Глазам своим не верю! Это мой зять? Он похож на киноактера! — растаяла Флавиана.

Импротта торжественно поднял руку.

— Внимание! Джованни Импротта все время будет выглядеть только так!

Даниэлла восторженно повисла на его шее.

— Не помни пиджак! — рявкнул на нее Джованни и очаровательно улыбнулся.

— Прости, дорогой! Я буду осторожна.

— Еще раз спасибо вам всем за гостеприимство и наше чудесное спасение, — сказал барон Педру. — К сожалению, мы вынуждены покинуть ваш приветливый дом. Эта ночь была не самая спокойная в нашей жизни. Баронесса устала, да и я еле стою на ногах.

— Конечно, барон! Вам надо отдохнуть и прийти в себя! Вас отвезут на моей машине, а вашу подгонят позднее.

— Большое спасибо вам за все, — сердечно поблагодарила всех сеньора Лаура. — Я очень рада, что у нас с Педру появились новые друзья.

— Как же я рад знакомству с вами! — воскликнул Джованни, помогая барону сесть в машину. — Не забудьте, в понедельник едем за покупками.

Импротта и Флавиана дождались, когда машина скроется за поворотом, и отправились в дом.

— Дона Лаура была в моем доме! Разве это не сон? — Флавиана мечтательно завела глаза.

— Да! — согласился зять.

— Какие же они воспитанные и утонченные!

— Тончайшие! — поправил ее Джованни. — Теперь в моей жизни появилась цель. Я стану таким же, как они, тонким дальше некуда!

— Ну все! Нам надо хоть немного отдохнуть, а то на свадьбе сына ду Карму мы все будем смотреться, как семейка зомби, — сказала Флавиана и отправилась

к себе в спальню.

Педру, что ты думаешь обо всем этом? У тебя получится? — спросила баронесса Лаура сразу после того, как машина отъехала от дома Джованни. — Сеньор Импротта прекрасный человек, однако...

— Ты хочешь сказать, что он человек с необычным характером?

Лаура кивнула в знак согласия.

— Я сразу это понял! И здесь нет ничего страшного.

— Еще он показался мне несколько... безыскусным.

— Это классический тип человека, поднявшегося из низов и внезапно разбогатевшего, — сказал Педру. — Подобные экземпляры не меняются со временем.

— Неужели ты сможешь его переделать? — засомневалась баронесса.

— Учитывая вознаграждение, которое мне предложил сеньор Джованни, я просто обязан это сделать. Впрочем, мне нравятся трудные задачи. Так что можешь быть уверена, я постараюсь. — Лаура уловила в голосе супруга азартные нотки.

— Думаю, что твой сын Леонардо и его супруга позеленеют от злости, когда узнают, что ты нашел новую работу, и так решительно на нее настроен.

— Зато я знаю, кто будет за нас очень рад! — засмеялся барон.

— Наша малышка Дуда! — подыграла ему баронесса.

Небольшое помещение, украшенное белыми лилиями и венками из свежих роз, с трудом вмещало близких родственников и знакомых семьи ду Карму. Алтарь священника был окружен плотным кольцом празднично одетых людей.

Джованни Импротта со всем семейством стоял на небольшом отдалении от аналоя и, как только ду Карму вошла в церковь, приветливо махнул ей рукой.

Мария радостно улыбнулась ему, прошла к правой части алтаря и встала рядом с детьми, стараясь занять позицию подальше от бывшего мужа.

Жозевалду, стоявший рядом с Вириату и Леандру, тут же подался вперед и как бы невзначай прикоснулся к ней локтем.

Встреча с бывшей супругой произвела на него странное впечатление: ему показалось, что с первого же мгновения старая страсть начала просыпаться.

Несколько дней назад сердечный приступ отвлек его от чувств и заставил бороться за выживание, но, когда ему стало лучше, образ ду Карму стал навязчиво преследовать его и днем и ночью.

«Господи! Как она дивно пахнет! — подумал Жозевалду. — Да она сама, как ветка жасмина, свежая и сладкая. — Сердце Жозевалду сжалось и затрепетало. — Так! Спокойно! Этого мне еще не хватало!» — приказал он себе и постарался сосредоточиться на церемонии.

— Мама, теперь все в сборе, можно начинать! — обрадовался Плинию. — Мы стоим здесь уже полчаса в такой духоте. Вивиан совсем озверела: она устала поправлять на себе платье.

— Что-то не так?

— На него уже пять раз успели наступить, — захохотал Плинию.

— Да, здесь очень тесно, — согласилась ду Карму. — Насколько я знаю, Налду предпочел эту церковь, чтобы быть поближе к своим избирателям. Пусть

теперь потерпит.

— Твой сын всегда был практичным и любил совмещать приятное с полезным, — подтвердил Дирсеу.

— Это точно! — согласился Плинию. — Именно поэтому он и пошел в политику. Характер!

— Если ты помнишь, он даже в детстве старался побольше проводить времени со взрослыми. Однажды нам с твоей мамой даже пришлось спрятаться под...

— Дорогой, не мог бы ты встать рядом, — прервала его Мария.

— А что такое?

Мой бывший супруг пытается использовать меня, как костыль. Он все время прижимается и трется, а мне это неприятно.

— Я не нарочно, меня тоже толкают, — вспыхнул Жозевалду.

— Перестань, мама! — попросил Плинию.

— Если ты такой добрый, тогда сам подставь спину под твоего папочку! И избавь меня от его сопения и тычков в спину! — рассердилась ду Карму. — Он знал, куда едет!

Мария демонстративно отвернулась от Жозевалду, и вдруг почувствовала на себе чей-то настойчивый взгляд.

Прямо к ней с очаровательной улыбкой на лице усердно пробивался сквозь толпу сногшибательно элегантный Джованни Импротта.

— Дорогая Мария, прими поздравления от всего нашего семейства! — Ему удалось вплотную подойти к ду Карму и поцеловать ей руку.

«Забавно! — подумала Мария, — рядом со мной сейчас трое мужчин, которые испытывали и испытывают ко мне достаточно сильные чувства. Но именно с появлением Джованни в воздухе что-то незаметно изменилось. Он подействовал на всех, как катализатор. Жозевалду отчаянно пытается справиться со своими эмоциями: то бледнеет, то краснеет. Что у него на уме? Он так странно смотрит и даже пытается втянуть живот в моем присутствии. Неужели задумывает опять какую-то пакость? Дирсеу, дурачок, ревнует. — Мария незаметно обхватила запястье на его руке и почувствовала бешеный пульс. — Разве можно доводить себя до такого состояния? После церемонии обязательно успокою его...»

— Спасибо, дорогой Джованни, что ты пришел к нам на праздник. Кстати, выглядишь просто потрясающе. В этом костюме ты очень похож на Ричарда Гира из «Красотки», — засмеялась Мария.

— Да? — Импротта озабоченно почесал переносицу, пытаясь вспомнить, кто такой Ричард Гир, а затем многозначительно подался вперед и прошептал на ухо ду Карму. — Могу я украсть на минуту Вириату?

— Конечно!

Мария окликнула сына. Он вместе со своей девушкой стоял в стороне, что-то горячо обсуждая.

— Добрый день, сеньор Джованни! У вас ко мне дело?

— Видишь ли, у меня, наконец, появился личный стилист.

— Судя по вашему костюму и галстуку, вы не прогадали. А где же вы его нашли?

— Дело было так. Вчера вечером мой новый знакомый, барон Педру, попал в щекотливое положение: кучка негодяев попыталась его ограбить. Мне пришлось вмешаться в эту историю и подключить все свои бывшие криминальные связи, чтобы вытащить бедолагу из этой ситуации.

— Вы хотите сказать, что сам барон Бонсучесу согласился стать вашим личным стилистом?

— Именно так! — довольно заявил Импротта. — Вечером мы распили бутылочку шампанского и немного попирировали в честь чудесного спасения, а затем барон дал мне несколько дельных советов. Вот меня и осенила идея, что лучшей кандидатуры для себя мне просто не найти!

— Я очень рад, Джованни! — Вириату похлопал его по плечу.

— Так вот, в понедельник мы вместе пойдем за покупками и думаю, будет великолепно, если мы обмоем их в вашем французском ресторанчике.

— Хорошо я оставлю вам место.

— Да, пожалуйста, сделай одолжение, — Джованни хитро подмигнул ему и прищурился.

— Считайте, что все уже сделано! — подтвердил Вириату.

— Может, начнем, падре? — крикнул кто-то из зала.

— Ну, все! Спасибо, Вириату, пойду к своим. — Джованни приветливо улыбнулся и ловко нырнул в толпу.

Режиналду, не скрывая волнения, растерянно вертел головой, пытаясь отыскать собственных детей в толпе знакомых и родственников.

Священник подошел к Вивиан, наклонился и что-то тихо сказал ей на ухо. По лицу девушки было видно, что она чем-то очень сильно озабочена.

Вивиан неуверенно посмотрела по сторонам, передернула плечами и, наконец, кивнула.

— Там что-то не так! Похоже они ждут кого-то, — заметил Дирсеу. — Кстати, а где же Бьянка и Вруну?

— Точно, дорогой. Похоже мои внуки решили напакостить собственному папочке, — констатировала Мария. — Но, что делать! Их можно понять. Еще не увяли цветы на могиле их родной матери, а он скоропалительно женится! Не нравится мне эта история.

— Начинаем обряд венчания, попрошу тишины! — раздался строгий голос священника.

— — Боже мой, где же дети? — не выдержал Режиналду.

— Не беспокойся, дорогой, они, наверняка, сидят в своей комнате и думают, как бы им еще напакостить нам, — огрызнулась Вивиан. — Их скудной фантазии хватило только на то, чтобы объявить нам бойкот!

— Во имя отца и сына и святого духа! Аминь! Слава Господу нашему Иисусу Христу, отцу небесному! Да пребудет с вами Святой дух отныне и пристно и во веки веков! Аминь! — густой и бархатистый бас священника заставил мигом замолчать гудящий улей из людских голосов. Церемония венчания началась.

— Они пришли! — шепнул Режиналду. Он заметил, как дети проскользнули мимо алтаря и заняли место рядом с бабушкой.

— Теперь ты успокоился? — Вивиан нежно ущипнула его за руку.

— Да!

— Вот и славно! Значит они не такие глупые, как мы предполагали. И все пройдет идеально!

— Основа брака — взаимное и обоюдное согласие, по которому жених и невеста без принуждения вручают себя друг другу, — голос священника звучал громко и убедительно. — Поэтому я спрашиваю вас, Режиналду и Вивиан, по доброй ли воле вы решили связать свои судьбы?

— Да! — ответили оба.

— Если кому-нибудь из присутствующих здесь известна причина, делающая этот брак невозможным, пусть скажет сейчас!

Вивиан уловила странное движение перед алтарем.

— Что такое? Что происходит? — услышала она голос сзади.

Бьянка и Бруну молча замерли перед священником, поставив на возвышение из цветов фотографию своей матери. По церкви прошел ропот.

— Толстая коротышка решила испортить мне свадьбу! Да еще подговорила другого придурка! — Взвилась от гнева Вивиан, даже не думая скрывать своих эмоций.

— Спокойно, дорогая! — пытался урезонить ее Режиналду.

— У них ничего не получится! — Вивиан с ненавистью смотрела в сторону детей.

— Сдержись, дочь моя, — воскликнул священник. — Они всего лишь дети, потерявшие мать! Пойми их и прости!

— Никогда! — возразила Вивиан. — Они гнусные предатели! А их мать была дурой! Глупой ослицей!

— Тише! — Режиналду сделал попытку заткнуть ей рот ладонью. — Уберите фотографию Лейлы! Кто-нибудь, помогите нам!

Люди застыли от удивления и молча наблюдали за безобразной сценой.

— Успокойся, дорогая! Успокойся!

— Я знала! Я так и знала! — Вивиан перешла на крик. — Угрозило меня связать себя с неотесанным семейством, с пещерными людьми, с северными дикарями. Вы последние прямые потомки неандертальцев!

— Вивиан, возьми себя в руки.

— Я была права! — истуканно кричала Вивиан. — Я во всех деталях продумала нашу свадьбу! Я приложила столько усилий! Господь свидетель, как я старалась. Я унижалась. Я мирилась со всем! Я верила, что однажды свадьба состоится! Но в глубине души, даже будучи уверенной, что я сделала все возможное и невозможное, я предчувствовала это! Я знала, что что-то случится! Моя интуиция готовила меня к худшему, как будто на нас надвигалась какая-то тень! — Вивиан сморщила нос и вдруг громко икнула. — Господи, ты решил наказать меня! Теперь это!

— Кто-нибудь! Дайте невесте воды! — попросила Мария.

Бьянка и Вруну отчаянно сражались с предательским приступом хохота,

уткнувшись лицами в платье бабушки.

— Видите, негодники, что вы наделали! — пыталась быть строгой Мария и даже пару раз для порядка шлепнула внуков.

В ней самой одновременно боролись два чувства, с одной стороны, жалость к старшему сыну, с другой — безудержное веселье.

Теперь Вивиан напоминала большую нелепую икающую курицу. Ее недовольное лицо, искаженное злобой, стало похоже на маску из папье-маше. Нос резко заострился, превратившись в хищный клюв, тушь, размазанная по щекам, сделала глаза маленькими и невыразительными.

— Медуза! Икающая медуза! — выкрикнула Бьянка и опять спрятала лицо в платье бабушки.

— Немедленно прекрати, девочка! — строго сказала Мария. — Ей и так сейчас несладко.

«Какая же она страшенькая без косметики», — подумала ду Карму и невольно погладила внуков по голове.

— Попробуйте, может это поможет? — К Вивиан подошла Флавиана с маленькой фляжкой в руках.

— Спасибо! — поблагодарил Налду и отвернул крышку. — Выпей, сейчас все пройдет.

Вивиан запрокинула голову и сделала большой глоток. По телу невесты прошла судорога, из глаз брызнули слезы.

— Ик! Вы меня уморить решили? Что вы мне подсунули? Ик!

— Коньяк, — сказала Флавиана. — Вам, деточка, сейчас надо расслабиться и успокоиться.

— Ненавижу! Как я вас всех ненавижу! — крикнула Вивиан.

— Может, нам ее напугать? — спросила Флавиана. — Иногда помогает.

Режиналду так посмотрел на гостью, что ей сразу захотелось спрятаться за широкой спиной зятя.

— Вивиан, успокойся! — Режиналду тряхнул невесту за плечи и сделал попытку поцеловать.

— Ик! Отстань от меня! — рявкнула Вивиан. — Я так и знала, что окажусь крайней!

— Дорогая! Попробуй какое-то время не дышать!

— Ты издеваешься? Ик! Они испортили мне свадьбу! Мою свадьбу!

Неожиданно Вивиан заметила, что подол ее свадебного платья безобразно топорщится, и в гневе схватилась за тонкую ткань, чтобы оторвать ее.

— Перестань рвать платье, — прошипел Налду. — Что ты делаешь?

— Пошли все к черту! — Вивиан запрокинула голову и выпила залпом все содержимое фляги.

— Прекрати! Я понимаю, что ты слишком взвинчена, чтобы думать о чем-нибудь, кроме этого скандала. Но все это не имеет значения! Главное, что все неприятное уже закончилось! Вивиан! Мы с тобой муж и жена, моя королева!

— Нет! Еще нет! Мы с тобой будем женаты после гражданской регистрации, а ее еще не было... Ик!

— Так в чем дело? Все в наших руках! Забудь о том, что произошло! —

Налду потянул невесту за руки, и она на удивление легко встала. — Вот так! Пошли со мной! Пойдем!

Помощник Налду вышел из церкви после окончания церемонии и поднял руку.

— Внимание! Наш дорогой депутат, будущий префект Виллы Сан-Мигель и его супруга, Вивиан Ферейра да Силва, приглашают вас на праздник! Гуляние начинается! — крикнул он в толпу. — Прошу вас, можно раздавать мясо и разливать пиво!

— Скоро тебе нужно будет обратиться с речью к народу, — заметила Вивиан. После того, как она приняла контрастный душ и переоделась, к ней вернулась способность мыслить и рассуждать. — Только трибуна меня смущает. По-моему, она такая хлипкая и ненадежная.

— Ничего страшного! Это будет самая блестящая речь с тех времен, как я начал выступать.

— Я не упущу случая, дорогой! Я буду стоять с тобой рядом на трибуне, как твоя Эвита Нерон.

— Я бы не позволил тебе остаться в стороне, моя повелительница. По-моему, самое время уделить внимание избирателям. Пойду на трибуну. Мама, — окликнул Марию Режиналду. — Я хотел бы пригласить тебя подняться со мной.

— Дорогой, я не сделаю этого и под дулом пистолета! Знаешь почему? — засмеялась ду Карму. — Потому что мы с Дирсеу предпочитаем посмотреть твоё представление отсюда. Ты знаешь, я не большая любительница политических шоу.

— А ты, папа, согласишься? — Режиналду еле сдерживал гнев.

— Для меня большая честь стоять вместе с сыном-депутатом во время его речи! Можешь не сомневаться, я пойду! — сказал он и первым поднялся на деревянную площадку.

— Господи, здесь все шатается! — воскликнул Жозевалду, зайдя на помост. — Ненадежное строение, доски так и ходят под ногами.

— Перестань стонать! — сквозь зубы процедил Режиналду. — Я хочу, чтобы ты стоял рядом. Я плачу тебе за это!

Жители Виллы Сан-Мигель! — крикнул в микрофон Режиналду.

Люди до этого занятые разговорами, притихли и тут же сосредоточились на сцене, вытянув шеи.

— Да здравствует сеньор Налду! — крикнул полный мужчина. — Ура депутату!

— Ура! — прокатилось по площади.

— Спасибо, друзья мои! — Налду порозовел от удовольствия. — Жители Виллы Сан-Мигель! Сегодня у меня особенный день! После периода вдовства я снова женился! И моей возлюбленной стала изумительная женщина! Вивиан! С сегодняшнего дня она сеньора Режиналду Ферейра да Силва! — Площадь ответила радостным и доброжелательным гудением. — Прежде всего я политик. Я посвящаю себя вам, моему народу, поэтому, как никогда, я хочу быть с вами, потому что вы и я — единая семья, и я не мог не пригласить вас на свою свадьбу.

Неожиданно Вивиан перехватила микрофон у мужа и громко крикнула:

— Да здравствует наша огромная семья Виллы Сан-Мигель!

— Ура! Да здравствует депутат! — ответило несколько голосов, стоящих у самой трибуны.

— Меня мутит от этого цирка, — не выдержал Дирсеу, который стоял вместе с Марией ду Карму на небольшом возвышении. — Из собственной свадьбы сделал митинг!

— Ш-ш-ш! — Мария приложила палец к губам. — Давай потом это обсудим. Его не переделаешь: к сожалению, он сын своего отца.

— Мой брак имеет прямое отношение к референдуму. — Голос Режиналду звучал уверенно и громко. — Мой союз с Вивиан — это тот союз, который нужен каждому. Он поможет нам добиться самостоятельности Виллы Сан-Мигель! И я возьмусь за это, если на то будет ваша воля. Я взвалю на себя эту тяжелую ношу — роль первого префекта нашего муниципалитета. Расчитывайте на меня и на Вивиан! Дона Вивиан — будущая первая леди! Мать всех нуждающихся нашего муниципалитета!

— Да здравствует дона Вивиан! — раздался одобрителный рев.

Глава 39

Мария Эдуарда хотела быстро проскользнуть мимо родителей, чтобы не участвовать в неприятном разговоре по поводу экстравагантного поведения барона.

«Опять они станут перебивать косточки деду и его супруге доне Лауре, — подумала она. — Будет гораздо лучше, если я не буду присутствовать при этом, а то мы опять поссоримся».

Девушка почти дошла до двери, как ее окликнул отец.

— Дуда! Куда это ты собираешься на ночь глядя?

— Хотела прогуляться! — ответила Мария Эдуарда.

— Как мило! — развеселился Леонардо. — А зачем же это превращать в тайну? Признайся, ты хотела прошмыгнуть мимо нас, как мышка.

— Брось, Леонардо! Наша девочка просто слишком деликатна и не хотела мешать нам разговаривать. Так ведь, Дуда? — попыталась смягчить ситуацию Жизела.

Дуда неопределенно пожала плечами и улыбнулась.

— Шоколад в обмен на ваши мысли! — Жизела достала коробку бельгийских конфет и подмигнула мужу.

— Ты знаешь, дорогая, как удержать девочку дома! — восхитился Леонардо и потянулся за конфетами.

— Если пана переходит на сладкое, значит он чем-то серьезно озабочен, — сказала Дуда, вытащила из коробки шоколадную ракушку вытянутой формы и присела на край дивана.

— Ты всегда умудрялась выбирать только самые красивые вещи даже в раннем детстве, — засмеялась Жизела. — Вот и сейчас взяла самую эффектную конфету.

— Душа моя, а почему это тебя удивляет? Так и должно быть! В моей

дочери течет голубая кровь Бонсучесу, и к тому же Дуда учится на дизайнера! Из нее может получиться идеальный стилист-консультант для привилегированных особ! — Леонардо неожиданно помрачнел и задумчиво поджал губы.

— Догадываюсь, что тебя беспокоит. — Жизела как ни в чем не бывало отправила в рот самую большую конфету.

— С некоторых пор ты меня начала удивлять своей проницательностью. Скоро я буду бояться думать при тебе.

— Ну, что ты, дорогой! Захочешь удержать супруга, невольно станешь хорошим психологом, — Жизела села на ручку кресла и нежно уткнулась носом в макушку мужа. — Тебя беспокоит то, что твой отец стал личным стилистом Импротты! Так ведь?

— Точно! Именно об этом я и думаю! Я сын барона. Он — мой отец и вырастил меня! Эта история у меня в голове не укладывается.

— Возьми шоколадку! — Жизела протянула мужу коробку.

— Спасибо! Мой собственный родитель постоянно ускользает от меня. Я уж было подумал, что укротил барона, что привел его в чувство, а он такое выкинул. Похоже, он нарочно дразнит меня!

— Знаешь, на что это похоже? — спросила Дуда.

— На что?

— На то, что ты — отец, а он твой сын. Тебе нравится запрещать, командовать. Ты не любишь бунтовщиков...

— А знаешь, пожалуй, ты права! Сколько себя помню, я всегда был ему отцом, с самого моего детства. Он совершенно обезумел, когда умерла твоя бабушка. Тогда я был совсем крохой, но чувствовал себя гораздо старше и взрослее.

— Столкновение поколений.. — улыбнулась Жизела. — Он чувствует себя моложе, чем ты!

— Да! — подтвердила Дуда. — Он чувствует себя молодым и любит жизнь. Мой дед всегда подтянут, у него ясная голова. Ему все интересно! — Мария Эдуарда вскочила с дивана и возбужденно заходила по комнате. — Сколько всего произошло с ним за его жизнь, а он не отчаялся, не растерялся! Мой дед сущий ребенок в хорошем смысле, он всегда готов к новому! И знаешь? — девушка серьезно посмотрела на отца. — Всегда, когда я прихожу в дом деда, я узнаю что-то новое. А какой крутой поворот он сделал в своем возрасте? Он пошел работать! Я понимаю, что трудно быть сыном такого отца, но ты попробуй, воспользуйся случаем, и вы станете друзьями.

— С отцом? Друзьями? — изумился Леонардо.

Мария Эдуарда почувствовала, что в голосе отца прозвучали нотки недоумения и недовольства. Девушка резко встала.

— Я все же пройдуь немного перед сном. А ты, папа, подумай о том, что я сказала.

— До чего же быстро выросла наша девочка, — заметил Леонардо, когда Дуда захлопнула дверь. — Советы дает: «Станьте друзьями!»

— Ты, твой отец и Импротта? — прыснула Жизела и закатила глаза.

— Знаешь, милая, пожалуй мне надо срочно поговорить с депутатом

Томасом Джеферсоном. Чувствует мое сердце, что наша с тобой мечта о браке Марии Эдуарды с этим достойным человеком, может превратиться в мыльный пузырь.

Их разговор прервал резкий телефонный звонок.

— Надо же? — удивился Леонардо. — Кому мы могли понадобиться так поздно?

— Может, барон?

Леонардо приложил палец к губам и нажал на кнопку громкой связи.

— Алло!

— Прошу прощения за поздний звонок...

— Здравствуй, Томас, ты не поверишь: я сам только что собирался позвонить тебе.

— Добрый вечер, Леонардо, не мог бы ты уделить мне хотя бы минуту? Мне нужно поговорить с тобой о Дуде.

— О чем разговор? Конечно! Знаешь, я с Жизелой только что говорил о твоих отношениях с Марией Эдуардой. В принципе, она настроена весьма дружелюбно... — Леонардо запнулся, почувствовав, что сказал глупость.

— Ты, конечно, понимаешь, здесь речь идет не только о дружбе... и прекрасно знаешь, какие чувства я питаю к твоей дочери. Я никогда этого не скрывал и от нее тоже. Но, мне кажется, что с каждым днем Мария Эдуарда все больше и больше отдаляется от меня.

— Я никогда не скрывал того, что приветствую ваши отношения, но они слишком сложны для моего понимания. Не хочешь послушать совет умной женщины?

— Ты говоришь о Жизеле?

— Да! Поверь мне на слово. Она тоже страдает от того, что ваши отношения с Дудой топчутся на одном месте. — Леонардо подал трубку супруге.

— Здравствуй, Томас!

— Жизела, дорогая, рад слышать тебя! Ты уже пару раз давала мне дельные советы. Надеюсь, что в этот раз ты тоже поможешь мне.

— Скажу откровенно, Томас. В тебе есть все, что очень нравится любой женщине: ты красив, образован и богат, у тебя завидная карьера и прекрасное будущее... Но женщина любит сердцем! Ты понимаешь? Мне кажется, что ты неправильно ухаживаешь за Дудой.

— Да? И что же я делаю не так? — Томас не ожидал, что ему, мужчине с опытом и бесчисленным количеством блестящих побед за плечами, кто-нибудь скажет подобное.

— Не обижайся, дорогой, у нас и тебя общая цель — сделать все, чтобы вы с Марией Эдуардой стали жить вместе. Так вот, в ваших отношениях не хватает романтики. А все женщины это очень любят!

— А я что делаю? Я посылаю ей розы корзинами, заказываю ужины при свечах. Я объяснялся с ней множество раз. Что я еще должен сделать? — Жизела почувствовала, как в голосе Томаса появились нотки раздражения.

— Будь ей другом. Мария Эдуарда полностью поглощена работой в своей студии. Поинтересуйся ее делами, похвали. В общем, покажи, что ее работа тебе

интересна. — Жизела услышала горький вздох на другом конце трубки и улыбнулась. — Каждый вечер около пяти Дуда идет на прогулку, проветриться. Почему бы тебе не встретиться с ней и не провести это время вместе?

— Ясно. И куда мне лучше ее повести?

— Подумай немного. Разве есть что-нибудь более романтическое, чем заход солнца над лагуной.

— Жизела, ты бесподобна! — обрадовался Томас. — Клянусь, что в будущем я никогда не назову тебя тещей!

— Я это одобряю. Удачи тебе! — Жизела положила трубку.

Ровно без десяти пять машина депутата Томаса подъехала к дому Марии Эдуарды.

«Странная ситуация, — подумал Джеферсон. — Раньше всегда женщины охотились на меня, устраивая случайные встречи. Одна даже влезла в окно...» — Он прикрыл веки и улыбнулся, вспоминая смуглую худощавую брюнетку, которая вешалась ему на шею в течение двух лет и, наконец, предприняла последнюю отчаянную попытку — прыгнула к нему в постель.

— А вот и Дуда! — Джеферсон подавил в себе желание посигналить ей, чтобы не спугнуть девушку.

Мария Эдуарда легко сбежала со ступенек лестницы и уверенно пошла в противоположную сторону от пляжа. Томас быстро вышел из автомобиля и направился за Дудой.

«Очень интересно! Зачем надевать на себя такие шикарные шмотки ради небольшой прогулки в одиночестве? — Томас тяжело вздохнул. — Неужели такое «дефиле» по центру города помогает ей развеяться? Странная привычка — дышать выхлопными газами каждый день в одно и то же время, — Джеферсон нахмурился. — Или у Марии Эдуарды другая цель?»

Дуда, словно желая подтвердить его версию, застыла на перекрестке и посмотрела на часы, а когда загорелся зеленый свет, она стремительно пересекла пешеходный переход и нырнула в ближайший переулок.

«Господи, какая она шустрая! — Томас с быстрого шага перешел почти на бег. — Куда же она могла исчезнуть? Магазин нижнего белья? Парикмахерская?.. Где же она? — Он растеряно крутил головой.

Дуда появилась в дверях магазина с маленькой коробочкой в руках неожиданно и стремительно, не дав возможности Джеферсону и сообразить, что делать дальше.

— Томас? — Девушка застыла на верхней ступеньке. — Не думала, что ты знаешь это местечко.

— Дуда! Как я рад тебя видеть! — Джеферсон покраснел от волнения. — Может, пообедаем вместе в романтическом ресторанчике при свечах, а потом посмотрим на закат солнца где-нибудь на пляже?

— Спасибо, — поспешила ответить Мария Эдуарда. — Но я очень занята сейчас: у меня деловая встреча... переговоры.

«Конечно, „деловая“, — с раздражением подумал депутат. — Именно на нее надо было так эротично наряжаться». — Он успел рассмотреть тонкую цепочку на щиколотке и пикантные разрезы на облегающей кофточке.

— Что поделаешь! — Джеферсон поднялся на одну ступеньку и приблизился к Дуде. — Тогда давай прощаться! — Он хотел дотянуться до ее губ, но девушка ловко увернулась и подставила щеку для поцелуя.

— До встречи, Томас. Не обижайся на меня. Я правда очень спешу.

— Что поделаешь? — повторил Джеферсон, отметив про себя, что в присутствии Дуды почему-то тупеет и не может подобрать нужные слова. — Успеха тебе!

— Спасибо! Мне он очень нужен сегодня! А тебе приятного шопинга.

Томас чуть было не спросил, при чем здесь шопинг, но вовремя сообразив, закрыл рот и улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой, которую до изнеможения отрабатывал накануне выборов перед зеркалом в ванной. Пришлось войти в первый же магазин.

Через толстое стекло витрины он увидел, как Дуда деловито прошла вдоль переулка и свернула налево.

— Какое счастье! Неужели сам депутат Томас Джеферсон пожаловал к нам? — услышал он радостный голос за спиной. — У вас самая очаровательная улыбка на свете! Мы голосовали за вас!

— Добрый вечер! — поспешил поздороваться Томас и увидел, как к нему навстречу спешат две возбужденные дамы неопределенного возраста в бирюзовых халатиках.

— Депутат Джеферсон, мы можем сфотографироваться с вами? — этот вопрос, прозвучавший одновременно с фотовспышкой, застал его врасплох.

Холоное лицо Томаса не успело принять дружелюбное выражение.

— Милые дамы, я очень тороплюсь! — сказал он, как можно любезнее. — Давайте пообщаемся в другой раз. — Джеферсон схватил первую попавшуюся вещь с прилавка и протянул юной девушке, сидящей за кассой. — Во это я возьму, пожалуйста! Сколько?

— Ну, что вы! Это подарок от нашего заведения, — вспыхнула молодая особа. — Берите так...

— Благодарю вас! Рад был познакомиться! — сказал депутат, сжимая в руке легкомысленный пакетик салатного цвета. — До встречи!

Оказавшись на улице, Джеферсон позволил себе вздохнуть полной грудью лишь тогда, когда отошел от стеклянной двери магазина нижнего белья.

«Надо же так вляпаться! — с досадой подумал он. — Где я буду теперь искать Марию Эдуарду?»

Свернув влево, он буквально наткнулся на маленький уютный ресторанчик, декорированный во французском духе, с праздничной иллюминацией, открытой летней терраской и зелеными цветущими деревцами в кадках.

«Что ж, придется перекусить», — подумал он и уже хотел направиться к входной двери, как до его слуха долетел знакомый голос.

— ...ты же лучше всего понимаешь меня, Вириату. Последнее время в моей жизни случилось много хорошего, и самое лучшее то, что мы познакомились.

«Выходит, Дуда пудрит родителям мозги по поводу прогулок! — Джеферсон спрятался за широкое дерево и жадно впился глазами в безукоризненное лицо импозантного блондина, который сидел напротив Марии

Эдуарды. — Дьявол! До чего хорош внешне! Даже не к чему придраться. Хотя, я его уже где-то видел! — Джеферсон наморщил лоб, пытаюсь вспомнить. — Точно! Это же метрдотель! Так вот к кому она сюда приехала».

Дуда что-то сказала молодому человеку, но Джеферсон не расслышал ее голоса из-за шума проезжающей мимо машины.

Он выглянул из-за своего укрытия и увидел, как девушка привстала и сама поцеловала своего спутника в губы.

«Совсем стыд потеряла. Вешается ему на шею, как бульварная девка». Словно желая его подразнить, порыв ветра донес до него слова:

— Самое главное для меня теперь, чтобы ты был рядом со мной.

— Это самое приятное, что можно услышать из уст такой удивительной девушки, как ты...

Джеферсон позеленел от злости: большой лимузин, подъехавший к ресторану, припарковался у самого входа, заградив всю панораму. Две минуты ему показались вечностью.

«Как он смеет прикасаться к ней? — пытался справиться с собой Томас. — Он мизинца ее не стоит! Знал бы Леонардо, что его дочь встречается с официантом. А что? Прекрасная мысль!» — Его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Дяденька, дяденька! А я вас знаю! — На Джеферсона восторженно смотрела очаровательная девочка лет восьми.

— Ты меня с кем-то спутала, лапонька! — Депутат старался быть вежливым.

— Не-а-а! Деда-а-а! — Голос у малышки был, как иерихонская труба. Томас вздрогнул и зажмурился. — Дедуля! Помнишь дядю, который висел у нас в подъезде на плакате? Ну, еще бабушка сказала, что он выглядит, как мужчина ее мечты.

Томас не успел пережить первое потрясение, как пожилой мужчина, непонятно каким образом материализовавшейся около внучки, тут же вцепился ему в руку и стал горячо трясти ее.

— Очень рад встрече с вами, депутат... Шнинерсон, кажется? Я голосовал за вас!

— Спасибо! Большое спасибо! — Джеферсон улыбнулся своей очаровательной улыбкой и осторожно повернул голову. Лица немногочисленной публики, сидящей на открытой террасе, были повернуты в его сторону.

«Черт возьми! Еще не хватало, чтобы Дуда увидела, как я шпионю за ней», — подумал он и постарался отделаться от назойливого старика.

— Депутат, не могли бы вы дать мне автограф? — вежливо попросил мужчина и протянул газету «Спорт».

— Конечно, с удовольствием! — Заставил себя улыбнуться Джеферсон и вывел витиеватую подпись на белых полях газеты.

Растроганный старик еще несколько минут благодарил его и потом, наконец-то, скрылся в небольшом скверике вместе с внучкой.

«Где же Дуда?» — растерянно подумал Томас. Столик, за которым сидели молодые люди был пуст.

Джеферсон отчаянно взмахнул руками. Подарочный пакетик сделал в воздухе легкомысленное сальто и упал к ногам депутата.

Из него на землю выскочили прозрачные серебряные трусики с пушистым заячьим хвостиком на пикантном месте.

«И это я купил в магазине нижнего белья? Что же обо мне подумали?» — Тело Томаса затряслось от приступа истеричного смеха.

Странное поведение молодого мужчины, который содрогался от хохота, привлекло внимание молодой супружеской пары, только что подъехавшей на такси к ресторану.

— Вот разобрало, бедолагу! — пожалела мужчину молодая женщина.

Глава 40

День бракосочетания Режиналду и Вивиан поистине был не самым удачным днем в их жизни.

После того, как Режиналду сказал свою речь, раздался оглушительный треск, и громоздкая, сколоченная наспех, трибуна пошатнулась и начала оседать на землю.

Потом Мария пыталась вспомнить, как все случилось, но так и не могла восстановить все детали этого происшествия.

Режиналду, Вивиан и их помощники расположились в самом центре трибуны.

Жозевалду и Венансиу стояли в стороне у громоздких колонок; именно отсюда платформа трибуны дала трещину, разделив площадку на две неравные части.

— Боже мой, где мои внуки! — В ужасе воскликнула Мария, когда огромная масса из досок, декораций и аппаратуры обрушилась вниз.

— Бабушка! Мы здесь! — Откуда-то издалека раздался тонкий голос Бьянки. Девочка с ужасом смотрела на то место, где до этого стоял ее отец.

— Проклятье! — возмутился мужской голос. — Кто-нибудь скажет, почему этот помост обрушился?

— За что мне все это? — Мария услышала недовольный голос Вивиан и увидела, как та медленно вылезала из-под досок, держась за шею рукой. — В день свадьбы!

— Хорошо, что мы не позвали прессу, — заметил Режиналду. Во время падения ему удалось ловко прыгнуть вниз и увернуться от огромного усилителя, который приземлился в десяти сантиметрах от него. — Они бы обязательно засняли всю эту кутерьму, и разразился бы страшный скандал. Я знаю, что есть множество людей, которые были бы рады посмотреть на мое падение!

— Как это могло случиться именно со мной? Как? — Вивиан с отчаянием взглянула на мужа.

Мария с трудом добралась до сына и невестки через толпу зевак.

— Слава Богу, что с вами все в порядке! — она подскочила к сыну и обняла его. — Скорая помощь уже едет!

— Я не хочу ехать в больницу. Тем более в местную, для нищих, — начала

капризничать Вивиан.

— Там кто-то без сознания лежит под досками! — услышал Режиналду знакомый голос, полный ужаса, и подошел поближе к развалившейся трибуне.

— Дело плохо! Сколько крови! Этот человек сильно поранился! — продолжала рассуждать женщина.

Режиналду увидел, как его родная тетушка Жаниси, склонившись над пыльным ботинком, торчавшим из-под обломков, пытается освободить несчастного от груза, который придавил его к земле.

— Себастьян! — в ужасе воскликнула она, когда ей удалось вытащить первую доску. — Это же наш сын! — Жаниси в ужасе закрыла лицо руками и почти без чувств упала на руки подхватившего ее мужа.

— Мамочка! Что с тобой? — К ней сразу подскочила Режина, обняла за плечи, пытаясь оттащить подальше от страшного места.

— Мой мальчик! Где Элеонора? — Жаниси пыталась справиться с сильнейшим спазмом, который стиснул ей грудь и не давал дышать. — Посмотрите, что с ним! — выдавила она из себя. — Помогите ему! Умоляю!

— Я здесь, мамочка, не волнуйся! — старшая дочь с силой разжала рот матери и вложила ей под язык таблетку. — Не беспокойся: скорая уже подъехала. — Элеонора быстро и тщательно осмотрела тело брата, когда его удалось освободить от досок.

— Похоже на повреждение артерии. Он без сознания и потерял много крови! Держись, Венансиу! — Элеонора вывалила содержимое своей сумки на землю.

— Что ты делаешь? — удивилась Режина.

— Как назло, ничего! Мне срочно нужен бинт.

— Может, мой галстук сгодится? — спросил Себастьян срывающимся от волнения голосом.

— Спасибо, папа. Сейчас самое главное перекрыть кровоток, чтобы он дотянул до больницы!

Себастьян хотел нагнуться, чтобы поцеловать сына, но его ноги предательски подогнулись, и он чуть не потерял равновесие.

— Дядя Себастьян, держитесь за меня, — Плинию подхватил его под локоть. — Не волнуйтесь! Санитары с носилками уже здесь!

— Держись, папа! Береги маму! Мы поехали! — Элеонора помогла поднять безжизненное тело брата и поспешила за санитарями.

Когда Назаре удалось добраться до дома, она тут же закрыла дверь на все замки и на всякий случай долго смотрела в глазок.

Площадка перед входом в дом была пуста.

«Вроде все чисто! — подумала она. — Угораздило же меня встретиться с этой жирной коровой Дженанни! И где? В захолустном кинотеатре! Зато молодой человек оказался вполне ничего... — Назаре повернулась спиной к двери и мечтательно закрыла глаза. — Проведу остаток дня в постели. Так приятно вспоминать детали любовного приключения».

Назаре сбросила туфли и легко взбежала по лестнице наверх.

Через два часа она проснулась от того, что кто-то хлопнул входной дверью.

«Изабел, девочка моя пришла! — сквозь дрему подумала Назаре. — Сейчас я встану и мы вместе поужинаем!» — Ее веки сделали слабую попытку открыться и моментально сомкнулись вновь.

Одинокая женщина брела по белому раскаленному песку, оставляя после себя еле заметный след.

«Воды, хоть какой-нибудь воды!» — думала она, с надеждой вглядываясь в даль. Но впереди были только раскаленные барханы.

— Крэ-эрк! — раздалось высоко над головой.

Она подняла лицо и увидела, как две крупные хищные птицы кружатся в небе, готовые броситься на нее сразу же после того, как она потеряет сознание или остановится.

Женщина грозно погрозила им маленьким кулачком. Она хотела крикнуть, чтобы они убирались отсюда подальше, но даже собственные губы не слушались ее.

«Что это за шум? — Странный и манящий звук шел со стороны большого бархана. — Неужели вода?»

Она сделала над собой последнее усилие и поднялась на возвышенность.

Прямо перед ней расстилалась водная поверхность, в которой отражались лучи солнца.

Женщина подняла голову и заметила, что ее страшные спутники куда-то исчезли, потеряв к ней всякий интерес.

Она сделала шаг вперед и почти скатилась к берегу. Шаг. Еще шаг.

Ее лицо с вожделением готово было окунуться в манящую воду.

На мгновение она зависла над зеркальной гладью и тут же застыла от ужаса: на нее смотрело ее собственное отражение, только у него не было... рта.

«Боже! Что случилось? Чем же я буду пить? Неужели мне суждено умереть здесь у самой воды? — Мысли путались в ее голове. — Но что мне мешают, хотя бы окунуть лицо?»

Не успела несчастная склониться над водой, как из глубины зеркальной поверхности стремительно выскочили две холодные цепкие руки и обхватили ее горло.

В затухающем сознании она уловила слабый импульс удивления и любопытства.

«Кто это может быть? Неужели Тедеску? Он все-таки нашел меня и отомстил! Нет! Руки полноватые, явно женские».

Она заставила себя посмотреть вниз и сердце ее замерло от неожиданности: на нее смотрело улыбающееся лицо Дженанни.

— Дженанни! Ты?

Назаре проснулась от ужаса, резко села в кровати и стала судорожно ощупывать лицо.

«Рот, слава Богу, на месте! Но я вся мокрая!» — Она промокнула лоб и шею краем простыни и с удивлением посмотрела в окно.

На улице было совсем светло.

«Сколько же я проспала? — Назаре прищурила глаза, чтобы разглядеть циферблат висящих на стене часов. — Неужели уже утро?»

Стрелки на часах застыли в районе десяти.

— Приснится же такое! — Она заставила себя вылезти из уютного тепла и переодеться.

«Надо пойти на кухню позавтракать, — почти приказала она себе. — Сварю кофе с коньяком, чтобы прийти в чувство, и утащу у Клаудии шоколадку. Эта простушка вчера засунула ее в банку с солью».

Последняя мысль привела ее вновь в благостное расположение.

Назаре включила плиту и поставила на нее джезvu с водой.

«С ума сойти! Сколько лет этой вещице! — она нежно прикоснулась к ней пальцами и вспомнила темпераментного и нежного турка, с которым встретилаcь десять лет назад в мебельном магазине. — Знал бы Тедеску, зачем я спустилась на склад с этим молодым человеком...» — От смеха у нее выступили на глазах слезы.

Дождавшись, когда над джезвой появится шапка из воздушных пузырьков, Назаре вылила кофе в чашку и добавила из бутылки добрую порцию коньяка. По кухне моментально разлился дивный аромат.

«Благословенны те, кому в голову пришла идея смешать эти чудные вещи», — подумала Назаре и села за стол.

Не успела она сделать глоток, как в дверь настойчиво позвонили.

«Опять эта дура Фауста забыла ключи от дома! — зло подумала Назаре и нехотя пошла к входной двери. — Как-нибудь заставлю ее лезть в форточку и вызову полицию, пусть посидит в каталажке!»

Назаре резко распахнула дверь, готовая накинуться на горничную с упреками, и застыла в немом изумлении. Перед ней стояло реальное воплощение ее ночного кошмара.

Себастьян чувствовал сильное волнение, когда входил в палату к сыну.

«Кто бы мог подумать, что мой мальчик, моя родная кровь, так будет мучиться? Что судьба постарается отнять его у меня? Теперь он лежит такой слабый и беззащитный. Как же тонка нить между жизнью и смертью, между добром и злом. И кто я такой, чтобы судить и наказывать собственного ребенка? Эта история с гибелью Лейлы уже давно утратила свою остроту. И даже Режиналду не держит зла на Венансиу. Подумать только, я мог потерять родного сына. Я не имею права судить его. Он — мне сын перед Богом». Эта простая мысль принесла ему облегчение, будто он понял что-то по-настоящему главное, что раньше ускользало от него.

— Мне надо поговорить с тобой, Венансиу, — сказал Себастьян, когда увидел, что сын открыл глаза. — Не думал, что это случится тогда, когда ты окажешься между жизнью и смертью.

— Отец! — Венансиу сделал попытку подняться.

— Нет, нет! Молчи! — остановил его Себастьян. — Я должен тебе кое-что сказать, а ты только слушай, пожалуйста. Для меня это очень важно.

Себастьян присел на край кровати и положил ладонь на холодную руку Венансиу, прилагая немалые усилия, чтобы не разрыдаться.

— Не будем вспоминать причину, по которой я заявил, что у меня больше нет сына, что я не желаю видеть тебя в своем доме, что ты для меня больше не существуешь...

Венансиу впервые увидел, как на лице отца выступили слезы. Он не пытался их прятать и даже не смахивал их. А они текли и текли, падая на его грудь, словно хотели согреть его.

«Господи! Как же я люблю его!» — подумал Венансиу и сделал слабую попытку утешить отца.

— Лежи, лежи, сынок! Ты потерял очень много крови! И, пожалуйста, выслушай меня до конца!.. Так вот... По-моему, я потерял мысль... — Себастьян на мгновение остановился и потом продолжил. — Главное не это... несмотря на ссору и обиду, в душе я хотел простить тебя, но никак не мог решиться. Мне не хватало смелости вернуть тебя в дом. Я бы умер от стыда, если бы признался, что мне хочется снова увидеть всю семью вместе. Меня мучила обида, но я сам во всем виноват. Я понимал, что все зависит только от меня, но ничего не делал, пока не увидел тебя, истекающего кровью. И вот тогда я решился... — голос его вновь прервался. — Ты всегда оставался моим сыном, всегда! Я почувствовал в тот момент огромное сострадание, я захотел спасти тебя. Я понял, что родная кровь сильнее обид, что мы отец и сын. И теперь моя жизнь снова обрела смысл. Когда я дал тебе свою кровь, я почувствовал, будто второй раз дал тебе жизнь. — Себастьян поднял безвольную руку сына и поцеловал ее. — Ты понимаешь, как это важно? У меня снова есть сын. Я прощаю тебя, Венансиу. А ты... ты когда-нибудь простишь меня?

— Тебе не за что просить прощения, — тихо сказал Венансиу. Он уже не пытался справиться со слезами, которые давно текли по щекам. Сердце его разрывалось от радости и любви к отцу. — Я на тебя не могу сердиться, потому что слишком люблю.

Себастьян нагнулся, чтобы прижаться щекой к лицу сына, и Венансиу почувствовал, как ему на лоб упала теплая капля.

Тихая и светлая радость разлилась внутри Венансиу. Впервые за несколько месяцев он почувствовал себя счастливым и свободным, словно тяжелая ноша упала с его плеч.

— Не плачь, папа! Я так слаб, что не могу тебя утешить, или хотя бы вытереть слезы.

— Ты помнишь меня? Я Дженанни, из дома свиданий мадам Берте! — весело сказала темноволосая толстушка и нахально подмигнула Назаре.

— Что это значит?

— Ты думала меня обмануть? — Дженанни сделала попытку пройти в прихожую, но хозяйка преградила ей дорогу.

— Убирайтесь из моего дома. Что за нахальство! Я вас не знаю и знать не хочу! — прорычала Назаре.

— Подумать только: «своего дома»! — Дженанни ловко нырнула вперед и прижалась спиной к огромному платяному шкафу в коридоре. — Чур! Я в домике! — захохотала она.

— Я не та, за кого вы меня принимаете, — перешла на более спокойный тон Назаре. — Меня зовут... Мария ду Карму. Подумайте, что с вами будет, если я вызову полицию!

— Странно! — Толстушка ткнула пальцем в записку, висящую в прихожей.

— А вот здесь написано: «Назаре! Срочно оплати счет за газ. Клаудия». Не выйдет, моя милая подружка! Я знаю все о твоём прошлом и настоящем, и я не уйду отсюда, не поговорив с тобой. Не в твоих интересах делать глупости!

Назаре насупилась и промолчала, пропустив Дженанни вперед.

— Какой дивный запах! — гостья уверенно прошла на кухню, уселась на высокий стул и шумно отхлебнула из дымящейся чашки. — Крепковато, но очень вкусно!

Назаре с ненавистью посмотрела на незваную гостью.

— Это, между прочим, мой кофе! И тебя сюда никто не звал!

— Ты стала настоящей мадам! — проигнорировала Дженанни ее замечание.

— Выглядишь, как знатная сеньора! А помнишь то время, когда мы с тобой делили одну свободную кровать, стоящую под лестницей в притоне Педро?

Назаре передернула плечами и промолчала.

— Мы пытались заснуть, а девочки ходили туда-сюда по лестнице, с клиентами, и на нас сыпалась пыль, которая въедалась в волосы... — Дженанни прикрыла глаза, словно воспоминания доставляли ей необъяснимое удовольствие. — А у тебя был розовый ночной горшок. — Она смешно прыснула и исподлобья лукаво посмотрела на Назаре.

— Послушай, может, меня и вправду зовут Назаре, но я не помню ничего из того, что было раньше! — Тедеску больно ткнула ее пальцем в грудь. — Ты меня поняла?

— Не стоит отказываться от прошлого: оно с нами навсегда. — Дженанни выдержала напор и даже не пошевелилась. В глазах ее по-прежнему играли лукавые чертики.

— Только не для меня! — рявкнула Назаре. — С прошлым покончено. Его больше нет. Единственное, что я сейчас помню, так это любовь к Карлосу и все!

— Еще беременность! Можно вспомнить и это! — подмигнула Дженанни. — У тебя короткая память! Но я могу тебе помочь, потому что я помню каждую деталь, как будто это происходило вчера. В тот день в городе начались беспорядки. Полиция все перекрыла, и мадам Берте решила не открывать заведение.

— Заткнись! Хватит! Говори, что тебе нужно! — не выдержала Назаре. — Не надо ворошить прошлое. Оставь меня в покое раз и навсегда.

— Вот теперь мы говорим на одном языке. — Обрадовалась Дженанни и плеснула себе в уже пустую чашку коньяк.

— Говори откровенно, ты пришла меня шантажировать?

— Нет, Назаре! Ну, что ты? Просто я думаю, что твой муж обеспечил своей супруге неплохое существование. Так что тебе ничего не стоит помочь мне, чтобы я выбралась из грязи...

— Тебе нужны деньги?

— Ты очень догадлива! Много денег!

— А какую сумму ты имеешь ввиду?

— Тысяч... — Дженанни закатила глаза, — шестьдесят, Назаре. Для меня это целое состояние, а для такой сеньоры, как ты, копейки!

— Если я дам тебе их, ты обещаешь, что отстанешь от меня и я никогда в

жизни не увижу твою мерзкую рожу? Дай мне слово, что ты не будешь искать Изабел.

— Я не такая, как ты, Назаре, у меня есть принципы. Кроме того, я не могу так поступить со старой подругой.

— Тем лучше для тебя, потому что, если из-за тебя пострадает Изабел, берегись. Ты не знаешь, на что я способна, когда дело касается моей дочери. Я могу и убить! — Назаре резко повернулась и вышла из кухни.

«Видно, я здорово напугала ее, если она так быстро подняла лапки», — подумала Дженанни. Крадучись, она подошла к двери и выглянула в пустой коридор.

«Где же она? Неужели задумала какую-то пакость?» — заволновалась вдруг Дженанни и подошла к лестнице, ведущей наверх.

— Вынюхиваешь? — Назаре выскочила, как черт из табакерки, откуда-то сбоку с большим бумажным пакетом в руках.

— Зачем же так грубить своей старой подруге?

— Послушай, дрянь, ты забираешь все, что у меня есть. Так что воспользуйся моей добротой и исчезни из моего прошлого и из моей жизни.

— Назаре, дорогая, — Дженанни взяла в руки пакет с деньгами и внимательно рассмотрела его содержимое, — я была рада повидаться с тобой. Ты такая замечательная! Но хочу тебе дать маленький совет. Когда пойдешь в кино, не бери с клиента сотню. Пятидесяти вполне достаточно.

— Ненавижу! — прошипела Назаре, когда дверь за гостьей захлопнулась.

Лучи солнца нехотя исчезали за водной гладью, цепляясь за макушки деревьев, песок и прозрачную манящую воду.

Мария и Дирсеу заморожено смотрели на размытую линию горизонта. Красный солнечный диск стремительно тонул в воде, погружая мир в мягкие теплые сумерки.

— Ты помнишь, какую злую шутку сыграло с нами солнце, когда мы решили отметить год со дня встречи? — спросил Дирсеу.

Мария промолчала, но он почувствовал, как она улыбнулась.

— Какими же мы были наивными!

Кстати, пойти на пляж позагорать была твоя идея, — улыбнулась ду Карму. — Мы так страшно сгорели, что ночью не могли прикоснуться друг к другу. Тогда ты чуть не плакал, сгорая от страсти.

— А ты меня мазала простоквашей...

Ночные сумерки стремительно спускались на землю.

— Как же хорошо, Дирсеу! Ночь. Пляж. Лунная дорожка. Неужели этот сумасшедший день уже закончился? — Мария скинула туфли, стянула с себя платье и жадно вдохнула соленый аромат морского бриза.

Дирсеу внимательно смотрел на ду Карму, будто видел ее впервые.

— С ума сойти. Что ты делаешь со своим телом? — спросил он. — Оно такое же, как двадцать лет назад.

— Не смущай меня, дорогой. Давай лучше я помогу тебе раздеться.

— Последний раз это делала моя мама лет сорок назад. — Дирсеу ласково прижал ее руки ладонями к своей груди.

Мария неторопливо расстегнула пуговицы на его рубашке и потянулась к брюкам.

— Ты слышишь? — остановил ее Дирсеу.

— Что?

— По-моему, ты кому-то срочно понадобилась.

Действительно, в ее сумке, которая лежала на песке, настойчиво звонил телефон. Мария вынула трубку

— Алло!

— Мам, можешь говорить?

— Конечно, Плиниу! Как дела в больнице?

— Нормально! Можешь расслабиться: операция прошла хорошо.

— А как Себастьян? С ним все в порядке?

— С ним все хорошо! Только он все время плачет. Полчаса назад Венансиу очнулся и попросил у него прощения. Они помирились, мам! — голос Плиниу стал прерывистым, будто ему не хватало воздуха.

«Мальчик мой, — с радостью подумала Мария, — у него самого глаза на мокром месте».

— Передай семье Себастьяна, что мы с Дирсеу очень рады и завтра всех ждем в гости. Ладно?

— Обязательно передам. Кстати, до меня дозвонился Режиналду. Они с Вивиан были в городской клинике, там сказали, что у нее с шеей все в порядке. Они переночуют в «Гранд отеле» в Рио.

— Спасибо тебе за хорошие новости.

— Мам, а ты где? В трубке шум какой-то странный...

— На пляже.

— Ну, вы даете! — крикнул в трубку Плиниу. — Решили молодость вспомнить?

— Как ты разговариваешь с матерью? — Мария старалась говорить сердито. — Утром приеду, поговорим.

— Да ладно, мам! Я шучу!

— Поросянок! — Мария отключила телефон и посмотрела на Дирсеу. Тот стоял абсолютно обнаженный.

— Как видишь, я не терял времени даром. Ну, поплыли? — Взявшись за руки, они шагнули в теплую воду.

Глава 41

Вечером Назаре позволила себе развяться и спустилась в ближайший ресторанчик, когда поняла, что так и не дождетя Изабел к ужину.

Она заняла столик на открытой террасе с видом на сквер и заказала двойную порцию своего любимого коктейля из текилы с соком папайи и лайма.

По даже внушительная порция спиртного не отвлекла ее от грустных мыслей.

«С тех пор, как моя девочка устроилась на работу в этот проклятый французский ресторан, ей просто некогда бывать дома. Она работает на износ да

еще учится по вечерам. Кто бы мог подумать, что моя Изабел будет работать у внука бывшей содержательницы притона? — Назаре вынула соломку из бокала и, резко запрокинув голову, влила в себя его содержимое, даже не почувствовав вкуса. — И этот французик еще пытался приударить за Изабел. Хорошо, что она его сразу отшила. Если бы не эта жадная корова Дженанни! — Теплая волна, наконец, разлилась по ее телу и сняла напряжение. — О чем же я сейчас думала? Да, ладно! Какая разница».

— Добрый вечер, Назаре! Давно ты не заглядывала в это местечко вечером! — перед ней стоял сеньор Жак с соседкой Ширли. — Можно к тебе присоединиться? После пяти вечера здесь всегда проблема со свободными столиками.

— Конечно, сеньор Жак! Садитесь! Мне с вами повеселей будет. Обычно в это время мы с Изабел вместе ужинаем, но с тех пор, как моя девочка устроилась на работу в ресторан, я ее почти не вижу.

— Утром мы видели твою дочь, — улыбнулась Ширли. — Мы даже перекинулись парой слов. Похоже, ей нравится там работать.

— Еще бы не нравилось, когда сам начальник подвозит до дома на шикарной машине.

— О чем ты говоришь, Жак? — опешила Назаре. — Изабел отшила его в первый же день, когда он стал оказывать ей знаки внимания.

— Значит, ситуация изменилась! — легкомысленно улыбнулась Ширли. — Правда, сосед?

Жак энергично затряс головой.

— Изабел сама сказала нам утром, что теперь не ждет по полчаса муниципальный автобус, чтобы добраться до дома, а приезжает на машине босса. Кстати, Назаре, что за симпатичная смуглянка разыскивала тебя сегодня?

— Не понимаю, о ком ты?

— Мы с Ширли столкнулись с ней недалеко от твоего дома. Она интересовалась, как лучше пройти к тебе, со стороны парадного входа или черной лестницы. — Назаре сделала вид, что не понимает, о ком идет речь, и недоуменно пожала плечами.

— Ну, такой аппетитный пончик на смуглых ножках! Кто это? Мы видели, как она вошла в твой дом.

— Ах, это? — Назаре поняла, что отпираться бессмысленно, и изобразила на лице радостную улыбку. — Это моя подруга Дженанни.

— Назаре, пожалуйста, познакомь нас! Я в долгу не останусь. Она мне очень понравилась.

— Сеньор Жак сегодня днем прожужжал мне все уши о ней и пытался напроситься к вам в гости, чтобы выяснить, кто она такая, — пожаловалась Ширли.

— В качестве компенсации, дорогие соседки, я угощу вас хорошим французским коньячком, — Жак подозвал официанта и сделал заказ. — Назаре, скажи мне, а какие мужчины ей нравятся больше всего?

— Кому?

— Твоей подруге Жижанне.

— Не Жижанне, а Дженанни, — произнесла она по слогам. — Это надо же так вывернуть такое хорошее имя. Она бы тебе ни за что этого не простила.

Перспектива выпить за чужой счет вернула Назаре хорошее настроение, и она улыбнулась.

— Сеньор Жак, Дженанни всегда нравились обеспеченные мужчины. Вы понимаете?

— Жаль, что у меня такая маленькая пенсия.

— Думаю, что она и ей будет очень рада. Лучше что-то, чем ничего, — философски заметила Назаре.

«Знал бы этот старый чудак, что больше никогда не увидит эту жадную корову, которая схапала у меня шестьдесят тысяч и свалила в свое грязное стойло».

— Она, кстати, чуть не столкнулась с Изабел, когда та спешила на работу. — Жак мечтательно смотрел вдаль.

«Знал бы этот растяпа, в какую продажную и прожженную шлюху он втюрился», — подумала Назаре и постаралась перевести разговор на другую тему.

— Моя бедная дочь встает так рано из-за этого проклятого ресторана. Не понимаю, почему она так за него держится.

— Знаешь, мы с сеньором Жаком общаемся с Изабел почти каждое утро. Она говорит, что ей нравится эта работа. — Ширли за все время разговора так и не притронулась к коньяку, а лишь переставляла рюмку с места на место. — Она сегодня была такая веселая. Да, сеньор Жак?

— Странно, — передернула плечами Назаре.

— Сегодня у них заказала столик одна женщина. Как же ее звали? — Ширли прищурила глаза. — вспомнила! Ду Карму, кажется. Очень сентиментальная история. О ней показывали передачу по центральному каналу.

— Ширли, ты говоришь про мать, у которой украли ребенка? — уточнил Жак.

— Да. Она сегодня придет на ужин в ресторан, где работает Изабел.

Назаре почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце. Такое с ней случалось и раньше в моменты непреодолимой паники.

Жилка на виске набухла и запульсировала, заставляя глаз задергаться. Инстинктивно она прикоснулась к ней.

От резкого движения бокал на высокой ножке потерял равновесие и свалился под стол, разлетевшись на мелкие осколки.

— Что с тобой, Назаре? У тебя руки дрожат, и ты так покраснела!

— Извините, я совсем забыла, у меня очень важная встреча! — Назаре вытряхнула из сумочки мелочь и попыталась улыбнуться. — Прекрасного всем вечера! Увидимся!

— По-моему, с нашей соседкой что-то не так, — констатировал Жак, провожая удаляющуюся фигуру взглядом.

Когда Назаре открыла входную дверь, до нее долетел голос Изабел.

— ...это фантастическая история, Клаудия! Просто мексиканский сериал!

«Слава богу, моя девочка дома! — Назаре подавила в себе жгучее желание броситься на шею дочери. — О чем могут говорить две молодые девушки?»

Только о мужчинах и сериалах. — Она скинула туфли, тщательно привела себя в порядок перед зеркалом. — Пусть моя девочка всегда видит, что ее мать самая безупречная женщина на свете. Жаль, что Клаудия дома, а то бы мы закатили роскошный ужин вдвоем».

Назаре сделала последний штрих, выделив и без того пухлые губы мягким карандашом, и осталась собой очень довольна.

— Добрый вечер, сеньора! — голос горничной заставил ее вздрогнуть.

— Вечно ты, Фауста, делаешь все не вовремя и невпопад! Ты специально хотела напугать меня?

— Извините. Я не нарочно.

— Иди-иди отсюда, старая идиотка, не мешай мне! — рывкнула на нее Назаре и с чувством выполненного долга, сияющей и довольной, вошла в гостиную.

Первой ее увидела Клаудия и нахмурилась. Изабел же сидела напротив сестры и не заметила появления матери. Голос ее дрожал от волнения.

— Линда была младшей сестренкой Вириату. Ее украли у матери в тот день, когда они приехали в Рио-де-Жанейро.

— Вириату? Кто такой Вириату? — вырвалось у Назаре. Она вновь почувствовала, как предательски задергалась жилка на ее лице и задрожали руки.

— Мамочка вернулась! — обрадовалась Изабел и бросилась ей на шею. — Я рассказываю Клаудии историю одной бедной женщины, которая потеряла дочь.

— Так кто такой Вириату? — повторила свой вопрос Назаре.

— Мама, Вириату работает в нашем ресторане... — Изабел перехватила странный взгляд матери. — Ты меня слушаешь?

— Конечно, дочка! Мне всегда интересно, что происходит с тобой, и с какими людьми ты работаешь.

— Так вот, сестра метрдотеля нашего ресторана была украдена больше двадцати лет назад. Представляешь, через что прошла его мать?

Клаудия, не скрывая любопытства, внимательно смотрела то на дергающийся глаз, то на руки Назаре.

— Почему ты на меня так смотришь? — рывкнула она, с ненавистью посмотрев на падчерицу.

Клаудия даже бровью не повела, а только улыбнулась и прищурилась.

— Что случилось, мама? — испугалась Изабел.

— Это невыносимо! Я так больше не могу!

— Пожалуйста, объясни, что случилось, мама? — Изабел почти силой усадила ее в кресло.

— Клаудия постоянно за мной шпионит! Посмотри, как она сейчас на меня смотрит! Если бы у нее была возможность, она уничтожила бы меня, не раздумывая.

— И это все?

— Нет! Не все! Ты работаешь в ресторане, где тебе постоянно приходится общаться бог знает с какими людьми. Неизвестно, что у них на уме, и что они могут с тобой сделать!

— Ну, что ты, мама, не преувеличивай!

— Ты сама мне рассказала о грязных ухаживаниях хозяина ресторана, в котором ты работаешь!

— Мамочка! Эдгар уже сто раз извинился за недоразумение и столько же раз попросил у меня прощения! Он очень славный парень. Только я это не сразу поняла...

— Не говори мне о нем ни слова! Изабел, послушай меня, тебе нужно срочно уволиться из этого странного места! Это не жизнь, а ад. Я больше не выдержу! — Назаре обхватила голову руками.

— У тебя болит голова? — спросила Клаудия. — Может, принести таблетки?

— Уйди! — рывкнула Назаре. — Я прекрасно знаю, что от тебя не дождешься искреннего сочувствия. Ты думаешь, я дам тебе возможность отравить себя?

— Изабел, твоя мать сходит с ума. Она невменяемая. Ты видела, в каком она состоянии?

— Клаудия, у мамы случился очередной приступ паники. Оставь ее в покое.

— Тогда делай, что хочешь. Я умываю руки. — Клаудия демонстративно громко вышла из комнаты.

— Гарпия! — прошипела Назаре.

— Мамочка, как ты?

— Все хорошо, Изабел, все хорошо! — попыталась взять себя в руки Назаре. — Оставь меня сейчас, пожалуйста!

— Хорошо, мамочка. — Изабел вышла из комнаты и тихо закрыла дверь.

Назаре влезла с ногами в кресло, закрыла глаза и попыталась сосредоточиться.

«Ты понимаешь, что происходит, Мария де Назаре Тедеску, понимаешь? Кольцо вокруг тебя сжимается. Рано или поздно тебя найдут! Луис Карлос, Дженанни, Эдгар Легран, Жилмар... Эта идиотка, Мария ду Карму, стучит в эту дверь и рано или поздно... — Назаре поймала себя на том, что действительно слышит стук в дверь. — Наверно, я действительно схожу с ума».

Стук повторился.

— Кто там! Оставьте меня в покое! — крикнула она.

— Это я, Назаре! Дженанни!

«Не может быть! Что надо этой дуре? Несколько часов назад эта корова обобрала меня до нитки, а теперь приперлась вновь. Зачем?»

— Что ты здесь делаешь? — спросила Назаре холодно. Она дала себе слово не реагировать на провокацию.

Пришла поесть, — простодушно ответила Дженанни. — Не стоит говорить, что служанки нет: она мне только что открыла дверь. Впрочем, я думаю, что она не очень любит свою хозяйку. Фауста мне сказала, что сегодня ты очень взвинчена и ведешь себя, как сумасшедшая.

— Зачем ты лезешь в мою жизнь? Тебе мало того, что ты уже получила?

Дженанни впервые увидела, как лицо Назаре в одно мгновение стало мокрым от слез.

— Что с тобой?

— Моя служанка права, — всхлипнула Назаре.

— Что случилось? Расскажи своей бывшей подруге, что случилось.

— Меня не покидает ощущение, что кольцо сжимается. Я боюсь разоблачения, Дженанни. Оно уже чуть не случилось! — Назаре вытащила салфетки из шкафа и громко высморкалась. — Я должна быть хладнокровной, должна просчитывать свои ходы. С этого момента у меня должны быть глаза на затылке. И я не собираюсь закрывать их даже во время сна. Нападения нужно ожидать отовсюду. — Дженанни показалось, что Назаре не понимает, что находится в комнате не одна. Она произносила слова, напряженно глядя в одну точку. Глаза ее потемнели и стали совсем черными. — Я не должна проиграть эту партию. Прежде всего нужно убрать из этого проклятого ресторана Изабел. Я должна найти способ.

— Какой способ? — спросила Дженанни.

— Боже мой, Жилмар! Как я могла забыть о Жилмаре? — воскликнула Назаре и впервые осмысленно посмотрела на незваную гостью.

— Кто такой Жилмар? Ты нашла себе нового кобеля?

— Я слишком много сказала. Больше, чем тебе положено слышать. А теперь уходи! Убирайся вон! — К Назаре вернулось чувство прежней уверенности и превосходства. — Если ты думаешь пойти за мной...

— Я дойду только до бара. Раз старая подруга не хочет накормить меня ужином, придется мне самой позаботиться об этом.

— Ты классическая нахалка: только что слупила с меня такие деньжищи и еще напрашивается на ужин!

— Что поделаешь, меня, как и тебя, воспитала улица. Помнишь наш девиз? «Дают — бери, а бьют — беги!» — засмеялась Дженанни и сама захлопнула дверь перед носом Назаре.

— Ведьма сегодня не в духе. — Дженанни услышала голоса под лестницей.

«Ба! Да это „любимая“ служанка Назаре с кем-то сплетничает!» — Она крадучись подошла поближе к источнику шума и замерла, жадно вслушиваясь в знакомый голос.

— Фауста, она нервничает, потому что знает, что вот-вот погорит. Рано или поздно я узнаю всю подноготную этой женщины.

— Клаудия, а что случилось в гостиной? Отчего твоя мачеха так взвилась?

«Так это падчерица Назаре! — усмехнулась Дженанни. — Как важно бывает, хоть иногда поговорить с соседом напротив. Этот Жак весьма любезный мужчина. Теперь я знаю много интересного из жизни сеньоры Тедеску». — Она вновь напрягла слух.

— Назаре занервничала из-за работы Изабел и ее новых знакомых. Чем-то ей не нравится этот ресторан.

— По-моему, это суть моей хозяйки — ко всему придирается, — философски заметила Фауста. — Ее уже не переделаешь.

— Не думаю. В этот раз она чего-то очень здорово испугалась. И не быть мне в будущем хорошим журналистом, если я не разнюхаю, что здесь не так!

— Успеха тебе, девочка! Я буду очень рада, если у тебя что-нибудь получится, и эта ведьма получит сполна!

Почувствовав, что Клаудия собирается подняться наверх, Дженанни нарочито громко стала спускаться вниз по лестнице.

— Добрый вечер! К сожалению, я не вовремя пришла навестить Назаре. Она сейчас в расстроенных чувствах. Сделаю это попозже.

Клаудия вопросительно посмотрела на незнакомую женщину.

— По-моему, вы падчерица моей давней подруги? — Дженанни радостно протянула ей свою руку.

— Здравствуйте, никогда бы не подумала, что у моей мачехи могут быть друзья.

— Вы намекаете на ее жуткий характер? — засмеялась Дженанни. — Вы не первая и не последняя, кто терпит ее выкрутасы. Мне самой немало доставалось от этой сеньоры лет двадцать назад.

— Странно, что я никогда о вас не слышала, — сказала Клаудия.

— Так это потому, что характер Назаре весьма скрытный, а меня слишком давно не было в этих местах. Думаю, что ваша мачеха познакомит нас, когда будет чувствовать себя получше. — Дженанни улыбнулась самой очаровательной улыбкой, на какую была способна, и вышла за дверь.

— Странное поведение, какие-то старые знакомые — не нравится мне все это! — воскликнула Клаудия и вспомнила, что Изабел только что рассказывала ей любопытную историю про похищение ребенка. — Пойду пообщаюсь с сестрой. Пока, Фауста, постарайся не показываться старой ведьме на глаза.

— До встречи, Клаудия! Держи меня, пожалуйста, в курсе дел. И знай: я на твоей стороне, что бы ни случилось! — Служанка воинственно помахала в воздухе щеткой.

Изабел крутилась у зеркала, примеряя очередную блузку.

— Я не помешаю тебе? — спросила Клаудия, войдя в комнату.

— Ну, что ты! Конечно, нет! Проходи, пожалуйста. Я никак не могла тебя дождаться. Где ты застряла?

— Немного потрепалась с Фаустой, — улыбнулась Клаудия. — Ты же знаешь, как от нее иногда трудно отвязаться.

Девушка уселась по-турецки на кровать Изабел и внимательно посмотрела на сестру.

— По-моему, этот бантик все портит. Сними эту блузку.

— А что, если я просто уберу его и немного расстегну ворот.

— Так в самый раз! До чего же у тебя красивая фигура! Такие потрясающие формы! — восхитилась Клаудия.

— Спасибо, дорогая! — Изабел поцеловала сестру в щеку. — Не каждая сестра способна сказать это!

— Кстати, ты очень заинтриговала меня историей про мать твоего нового знакомого. Так любопытно! Из таких сюжетов может получиться классная статья в журнале или газете. Так что там случилось с похищением девочки?

— Клаудия, со статьей ты немного опоздала. Вириату дал мне прочитать заметку в газете.

— Так я ни на что не претендую. Просто очень интересно! Расскажи, пожалуйста поподробнее!

Лицо Изабел мгновенно стало серьезным. Она перестала крутиться перед зеркалом и присела на край кровати.

Мария ду Карму, мать Вириату, приехала в Рио с пятью маленькими детьми. Самому младшему ребенку не было еще трех месяцев. При этом она была совершенно одна. Ее муж, сказав, что поедет на юг, попытать счастья и заработать денег, так и не вернулся домой. И ей пришлось все бросить и приехать в город, чтобы не умереть с голоду. Но здесь на нее свалилась новая беда — у нее украли дочь. Вириату сказал, что это была женщина, переодетая медсестрой. Печально, правда?

— Действительно, страшная история.

— И подумать только, — на глазах Изабел появились слезы, — все эти годы она искала дочку, но так и не нашла. Линда сейчас, наверно, нашего возраста.

Клаудия почувствовала, что непонятное волнение заставило ее сердце забиться быстрее. «Где же я совсем недавно видела форму медсестры? Что же в этой истории так меня зацепило?»

— Женщина, переодетая медсестрой? — повторила она и задумалась.

— Да, так сказал Вириату.

— Изабел, — за дверью раздался голос Фаусты. — Можно войти?

— Конечно, дорогая! Входи!

— К тебе пришел молодой человек.

— Молодой человек? А как он выглядит?

— Даже не знаю! — растерялась Фауста. — Обычно, наверно. Он сказал, что вы вместе работаете, и он твой начальник.

— Так и сказал? — засмеялась Изабел. — Начальник! Теперь и во веки веков он мой парень, Фауста! — Девушка радостно закружилась по комнате. — Правда, он очень милый?

— Ты говоришь об Эдгаре Легране, которого неделю назад отшила? — Клаудия не могла сдержать удивления.

— Да, сестренка! На самом деле он оказался милым парнем и очень застенчивым, — Изабел стала торопливо натягивать на себя одежду. — Он просто потрясающий.

— Изабел, ты что влюбилась? — засмеялась Клаудия. — Еще немного и ты выпрыгнешь из трусов.

— Я сама себя не узнаю. Ты можешь представить, сестренка, что, когда я поняла, насколько Эдгар деликатен и стеснителен, то сама его прижала в машине и в первый раз поцеловала.

— Да ну? — Фауста застыла на месте с раскрытым ртом.

— Так все и было!

— А что же он? — спросила Клаудия.

— А он стеснялся и дрожал, как осиновый лист, будто боялся, что я сорву с него одежду и наброшусь, как голодный зверь.

— Так он к тому же девственник? — уточнила Фауста.

— Стопроцентный, высшего качества! — засмеялась Изабел.

— Ну и везет кому-то, — порозовела от волнения горничная. — Вы знаете, девочки, что мне сейчас хочется сделать?

— Нет, Фауста! — прыснула Клаудия. — Не томи, скажи!

— Прижать его к стене крепко-крепко и поцеловать так, как никто еще не делал этого!

— Но-но, Фауста! Ты собираешься отбить у меня моего парня? — Изабел шутя хлестнула ее юбкой.

— Будь я помоложе лет на двадцать пять, обязательно сделала бы это, — плотоядно улыбнулась Фауста. — Ты хотя бы разрешишь проводить вас до двери? — спросила она. — Мне очень хочется рассмотреть его получше. Ну, пожалуйста.

— Почему бы и нет, — сказала Изабел. — Только дай мне слово, что ты будешь держать себя в руках.

Когда Изабел спустилась в холл, она увидела, как Эдгар рассматривает фотографии, стоящие на журнальном столике. Она невольно залюбовалась.

— Я вижу, ты нашел себе занятие по душе. — Изабел нежно обняла его и поцеловала.

— Ты же знаешь, меня интересует все, что связано с тобой, — улыбнулся Эдгар.

— Слушай, а что ты сказал Фаусте по поводу нашей работы? Назвал себя моим начальником...

— А разве это не так?

— Так, конечно, но мне это неприятно, — Изабел поймала в глазах Эдгара выражение, близкое к панике. — Милый, давай договоримся, — добавила она, как можно мягче, — ты мой начальник только в ресторане, а в других местах я твоя девушка, а ты мой парень!

— Твои слова звучат, как музыка! — Лицо Леграна порозовело от волнения.

— Какой же ты славный!

— Прости, не удержался, заехал за тобой. Ты готова? Мы можем ехать?

— Да, конечно. Только я возьму записную книжку. — Изабел стремительно взлетела по лестнице.

— Молодой человек! Молодой человек! — Эдгар услышал, как странная пожилая дама в салатových леггенсах что-то пытается сказать ему.

— Добрый вечер! — вежливо поздоровался он и улыбнулся.

— Вы меня не узнали? Это же я впустила вас в дом...

— Извините, — растерялся Эдгар. — Тогда вы были в зеленом халатике и фартуке, а сейчас...

«Какой внимательный молодой человек, — с радостью подумала Фауста, — запомнить одежду человека, которого видел ровно минуту! Да, Изабел, сказочно повезло! Эти фиалковые глаза, густые волнистые волосы и такое породистое лицо! Сразу чувствуется французский шарм».

— Вы хотите мне что-то сказать? — Вопрос Эдгара сразу привел ее в чувство.

— Считаю своим долгом предупредить вас, что мать Изабел не совсем нормальная женщина, так что будьте с ней поосторожнее!

— Вы хотите сказать, что она сумасшедшая? — удивился Легран.

— Да! И злая, как черт! — Глаза горничной возбужденно заблестели.

— Надеюсь, что ради своей девушки я выдержу и это, — вежливо улыбнулся Эдгар, сверкнув белоснежными зубами.

«До чего хорош!» — По телу впечатлительной Фаусты тут же побежали мелкие мурашки.

— Ты, действительно, любишь Изабел?

— Да, больше жизни!

— Фауста! По-моему, ты решила отбить у меня моего же молодого человека! — всплеснула руками Изабел. — Эти распущенные волосы и леггенсы... Ну, ты даешь! Эдгар, правда, она прелесть?

— Согласен! Не горничная, а находка! — похвалил ее Эдгар.

— Да ну вас! — засмузилась горничная. — Скажете тоже!

— Пока, дорогая, скажи, пожалуйста, маме, чтобы позвонила мне в ресторан: не хочу ее сейчас беспокоить.

— Хорошо, если я выйду, оставлю ей записку, — важно сказала Фауста и широко улыбнулась молодому человеку.

— По-моему, наша служанка в тебя влюбилась, — прошептала на ухо Эдгару Изабел, как только за ними захлопнулась входная дверь. — Признавайся, что ты с ней сделал? Ну?

— Ничего! — растерялся Легран. — Мы только немного поговорили и все.

— Ах, ты Казанова! — подначивала его Изабел. — Разбить нашей суровой и ворчливой Фаусте ее каменное сердце! Тебе не стыдно? Могу поспорить на двести реалов, она не могла не предупредить тебя, что моя родная мать — монстр!

— Ты думаешь, я поверю первой встречной?

— Конечно, нет! Я шучу, Эдгар, и обязательно избавлю тебя от плохого впечатления о моей маме, которое у тебя могло сложиться.

— Не беспокойся, дорогая, я согласен полюбить все, что любишь ты!

— А как тебе Фауста?

— Да! Ваша служанка — это нечто особенное! Она такая непосредственная!

— Ну, признавайся, что она выкинула на этот раз, кроме того, что попыталась тебе понравиться?

— Она спросила, люблю ли я тебя? — Эдгар остановился и обнял Изабел.

— Ну и что же ты ответил? — лукаво улыбнулась девушка.

— Больше жизни...

* * *

Теплые волны лениво играли с мелкими камушками и ракушками, разбросанными по берегу притихшего пляжа Копакабаны.

Небольшую уютную бухту освещала огромная желтая луна. Широкой светящейся полосой она разделила водное пространство на две половинки, словно приглашая смелых путников шагнуть в ее мир, мир Зазеркалья.

Зеленая листва деревьев разбросала кружевные тени повсюду, придав обычным пляжным предметам, шезлонгам, зонтикам и катамаранам, фантастический вид.

Я еще никогда не плавала по лунной дорожке нагишом, — Мария перевернулась на спину и подставила свое радостное лицо мягкому лунному свету. — Как ужасно начался и как замечательно закончился этот сумасшедший день, — сказала она и посмотрела на Дирсеу.

Он тоже плыл на спине с закрытыми глазами.

— О чем ты думаешь?

— О тебе, — сказал он тихо, — и о нашем будущем. У меня такое ощущение, что самое лучшее у нас еще впереди.

Продолжение следует...

На этом история Марии ду Карму не кончается. Вас ожидают новые бразильские страсти, новое коварство и новая любовь.

С любимыми героями сериала «Хозяйка судьбы»: сыновьями Марии, ее потерянной дочерью Линдой, Джованни Импроттой, Дирсеу, бароном Педру и другими персонажами этой запутанной истории вы встретитесь в книге «Роковое признание».

Найдет ли Мария свою дочь через много лет? Устроит ли свою судьбу? Будет ли наказана коварная злодейка Назаре? Об этом — в следующей книге сериала...